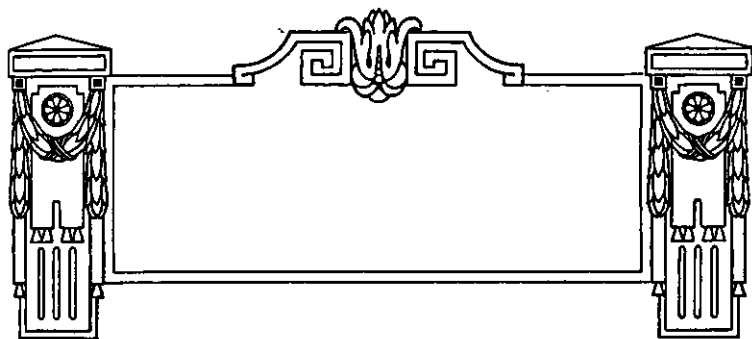

ЦАРСКИЕ ДЕТИ

ЦАРСКИЕ ДЕТИ

Издание Сретенского монастыря
Москва
2005

УДК 94(47)083+929 Николай II

ББК 63.3(2)53

Ц 19

**По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ**

**Царские дети: Сб. / Сост.: Н.К.Бонецкая—М.:
Ц 19 Сретенский монастырь, 2005. — 448 с.
ISBN 5-7533-0268-8**

ISBN 5-7533-0268-8

© Сретенский монастырь.

Набор, верстка, оформление. 1999 г.

© Художник Попов С. В. 1999 г.

© Составитель Бонецкая Н. К. 1999 г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Книга, которую читатель держит в руках, имеет целью воссоздать для наших современников, людей конца XX века, один из малоизвестных уголков старой России — семейную жизнь последних Романовых, а точнее — воспитание детей в царских семьях. Со страниц книги на читателя глядят живые детские лица — маленького Николая II, а тогда Ники, его брата Георгия и, наконец, царских детей следующего поколения, будущих страстотерпцев, дочерей и сына Николая II.

Читателя книги ждет, вероятно, немало неожиданного. Как воспитывались дети в царских семьях? В роскоши, изнеженности, в безделье? Ничего подобного: атмосфера воспитания будущих самодержцев была далека от тепличной. Маленький Романов должен был расти прежде всего как русский человек своего времени, знающий суровость жизни, закаленный перед лицом ее трудностей и испытаний. Даже ужасов войны не скрывали от детей. Великие Княжны, дочери Николая II, исполняли обязанности хирургических сестер в военных госпиталях.

А основой, фундаментом, воспитания царских детей была вера в Бога, православная церковность. Из писем царских дочерей мы узнаем многое о их внутренней жизни. И мы видим, что она протекала в постоянном памятовании о Боге и покаянии. Именно в христианской вере — корни крепкой семейственности последних Романовых, Александра III и Николая II. И именно то, что в центре религиозной жизни семьи Николая Александровича Романова всегда стоял Крест Христов, помогло в 1918 году царственным мученикам не сломаться духовно в страшные месяцы сибирской ссылки. Читатель убедится в их духовной высоте, познакомившись с помещенными в нашей книге дневниками и эпистолярными материалами.

Книга эта — сборник, включающий в себя как живые свидетельства, так и художественное осмысление предмета — воспитание царских детей. В первой части сборника мы помещаем

повесть эмигрантского писателя Ильи Сургучева «Детство Николая II». Впрочем, в повести этой силен документальный элемент: она написана от имени исторического лица — полковника Олленгрэна, воспитывавшегося вместе в Нике и Жоржиком, детьми Александра III. Вторая часть книги содержит воспоминания людей, близких ко двору Николая II, и некоторых из тех, чья судьба пересеклась с жизненным путем царской семьи. Наконец, знакомясь с третьей частью сборника, читатель услышит настоящий голос царских дочерей: письма доносят до нас их подлинную интонацию. Из писем мы узнаем также о глубоких и абсолютно искренних отношениях молодых девушек с их матерью, Императрицей Александрой Федоровной, выдержки из дневника которой мы также помещаем в третьей части книги.

Перед читателем проходят картины жизни Зимнего дворца — размеренно-трудовые будни маленьких Царевичей и Царевен. Затем вы перенесетесь в весеннюю цветущую Ялту — любимое место пребывания семьи Николая II. И вот наконец — вехи крестного пути царской семьи: заключение в Царском Селе... Тобольск, Екатеринбург... Страшный подвал Ипатьевского дома, где была расстреляна царская семья, и сияющая белая яхта «Штандарт» посредине Ялтинской бухты — можно ли представить себе контраст более разительный, более неожиданный и трагический!..

Переживая вместе с гибелью молодых Романовых конец старой России, читатель книги, однако, не остается в состоянии удрученности. Прочитав книгу, он получает такой мощный заряд душевного здоровья, любви и веры, что приходит к убеждению: нет таких жизненных ситуаций, в которых нельзя противостоять унынию, страху, безнадежности. Укрепленные великой верой во Христа, члены царской семьи служат для нас образцом мужественной твердости и непоколебимой надежды.

Они — помощники России, всякого русского человека в трудных поисках верного жизненного пути.

ДЕТСТВО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

1

ЧАСТЬ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Дело обстояло так: в 1939 году я проводил лето в Жуан-ле-Пэн. Лето было необыкновенно веселое и шумное. Пир жизни шел горой. И однажды, как мане-фекел-перес, прозвучал из радио хриплый голос Даладье: «Вив ля Франс» — Франция объявила войну Германии. И в течение двух суток вся Французская Ривьера опустела: веселый народ устремился под родные крыши. «Замолкли серенады, и ставни заперты». Осталась одна природа — и тут я понял, до чего она, со своей красой вечной, равнодушна ко всему человеческому. Синее море плещется тихо, небо сияет безоблачным шелком — и тишина, тишина... Сосновый дух пинезы стал как будто сильнее, в воде как будто прибавилось соли и в солнце стало меньше жестокости. Я с наслаждением прогуливался по набережной и вдруг однажды слышу жалобный кошачий крик. И вижу: на ступеньках заколоченной виллы сидят кошка с котенком и плачут от голода. Я пошел в мясную, купил нарезанный мелко бифштекс и бросил голодающим. Тотчас же из-за кустов выскочил еще один котенок, и начался суп-попюлэр. И после этого я начал приносить им еду каждый день. Они знали час и ждали. Однажды ко мне подошла какая-то пожилая женщина, явно английского типа, и утвердительно сказала:

— Вы — русский.

— Почему вы думаете, мадам? — спросил я.

— Потому что только англичане и русские кормят несчастных зверьков.

Начался обычный разговор только что познакомившихся людей, и вдруг она спросила:

— А вы знаете полковника Олленгрэна?

Я ответил, что не имею удовольствия.

— А он ваш соотечественник, не желаете ли познакомиться?

— Очень охотно, мадам.

И на другой день она пришла с высоким, сухим, первоклассной офицерской выправки, улыбающимся стариком.

Присели на заборчик, закурили, и начался учтивый петербургский салонный разговор, — из тех разговоров, которые включают в себя все знаки препинания, кроме восклицательного.

И, прощаясь, Олленгрэн вдруг сказал, вздохнув:

Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны,
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы...

И по берегу Средиземного латинского моря вдруг пронеслась великая северная тень, — и до сих пор равнодушная к «человеческому».

Коты приносят удачу: началось интересное знакомство, и в результате — вот эта книга.

Спустя долгое время я понял, почему Олленгрэн вдруг, и так выразительно, процитировал Пушкина: это был музыкальный ключ к человеку.

И. С.

ДОМИК В КОЛОМНЕ

(По устному рассказу полковника В. К. Олленгрэна*)

Отец мой, капитан Константин Петрович, умер от скоротечной чахотки в 1872 году, оставив после себя молодую вдову с четырьмя детьми, сто рублей годовой пенсии и собственный маленький домик в Коломне, по Псковской улице, № 28. Матери моей, Александре Петровне, было в то время около 38 лет, старшему брату Петру — 12, а мне, «Вениаминчику», — около пяти.

Не имея в день на пять душ даже полных 30 копеек, мы начали влачить существование в полном смысле голодное и холодное, хотя и в «собственном» доме. Мать по утрам куда-то и с какими-то узелками бегала, — не то в ломбард, не то на толкучку, и тем «люди были живы».

Я лично по молодости лет тягот жизненных не ощущал и в полной свободе, предоставленной нам обстоятельствами и далекой, совершенно в те времена провинциальной и патриархальной Коломной, наслаждался улицей, возней в пыли или снегу, боями, закадычной дружбой с соседскими мальчуганами, голубятней и бесконечной беготней

*Полковник В. К. Олленгрэн — комендант гор. Севастополя (1902-1916), бакинский градоначальник (1916—1917). (Примеч. автора.)

взапуски. К семи годам из меня выработался тот тип уличного мальчишки, которых в Париже зовут «гамэн».

Когда узелки материнские кончились, надо было что-то предпринимать. Начальницей Коломенской женской гимназии была в ту пору Н. А. Нейдгардт, подруга матери по Екатерининскому институту, который, кстати сказать, мать окончила «с шифром».

Г-жа Нейдгардт приняла свою бывшую товарку ласково, вошла в ее положение и предоставила ей должность классной дамы в четвертом классе вверенной ей гимназии с жалованьем в 30 рублей в месяц. Вместе с 8 рублями пенсии уже можно было не только существовать, но и нанять прислугу.

Взяли какую-то Аннушку, тихую, монашеского склада девицу, с которой мать прожила почти до конца своей жизни. Аннушка была не только «кухаркой за повара», как печатали в газетных объявлениях, но и полноправным членом семьи. Под конец своей жизни она ушла в иоаннитки. Вспоминаю ее с благодарностью. Она давала нам полную волю, и мы, детвора, а в особенности я, когда мать уходила в гимназию, целыми днями «гойкали» по Коломне.

Бабки, свинчатки, лапта, чужие сады и огорды — все манило и радовало нас. К концу 1875 года мне уже было около восьми; помню себя с длинными льняными волосами: мои родона начальники были шведы. И хотя Швеция — страна северная, славящаяся спокойным, чинным и патриархальным характером своих граждан, но во мне, благодаря, вероятно, смешению кровей, было много

совершенно не северного петушиного задора. И в то интересное время, о котором я собираюсь рассказать, моей главной заботой было — добиться звания «первого силача» на Псковской улице. Звание же это, как известно в мальчишеских кругах всего земного шара, вырабатывается в неустанных боях и подвигах, близких к воинским. И потому синяки и фонари были, к ужасу моей матери, постоянными знаками моих отличий. Одно время мне даже казалось, что у меня сломано то знаменитое ребро, которое у мальчишек считается девятым; от женской половины нашего дома я это, разумеется, скрывал, но перед братьями постаросолдатски охал, врал, что дух не проходит через горло, кряхтел, и для исцеления они натирали меня бобковой мазью — первое, что было отыскано в чулане. От синяков мы лечились кубебой, запасы которой охранялись, как золотые слитки.

Так шло до несчастной (с нашей детской точки зрения) весны 1875 года.

В один из каких-то северно-прекрасных майских дней выпускаемые классы женских гимназий Ведомства Императрицы Марии должны были представляться в Зимнем дворце своей покровительнице и попечительнице Императрице Марии Александровне. В Коломенской гимназии оказался выпускным как раз тот класс, который «вела» моя мать. Вместе с начальницей на приеме в Зимнем дворце должна была присутствовать и «ведущая» классная дама.

Как сейчас помню мою мать в то майское, торжественное утро в каком-то необычайном и

совершенно мне не известном синем платье (было «для случая» позаимствовано у г-жи Нейдгардт), с завитыми волосами, с институтским шифром на плече, — мать казалась мне красавицей нездешних стран. Она очень волновалась и все натягивала перчатки, чтобы на пальцах не было пустых концов. Уходя из дому, долго молилась, чтобы Бог пронес страшный смотр. Мы знали, что мать поехала в какой-то странный «зимний» дворец (почему зимний, когда снега нет?), в котором какая-то «страшная» Государыня будет смотреть на мать, а мать будет трепетать как птичка... И поэтому, когда Аннушка понеслась в церковь ставить свечу, мы увязались за ней и долго стучали лбами о каменный пол...

Незадолго до возвращения матери наш дом наполнился ее сослуживцами по гимназии, и не успела мать вернуться, как ее со всех сторон засыпали вопросами:

— Что? Как? Была ли милостива Государыня? И какое платье было на Государыне? И что она сказала? И как горели ее бриллианты? И целовала ли мать ее ручку? И правда ли, что говорят, будто у нее желтый цвет лица и круги под глазами?

Мать, не успевшая снять платье, рассказывала, сияла от счастья... Из кухни пахло пирогом с мясом и куропатками, накрыли длинной скатертью два стола, все сели за стол и пили белое елисеевское вино, вспыскивая первый материнский «выпуск».

— Вдруг около меня появилась какая-то маленькая дамочка, очень хорошенькая, с сияющими как звезды глазами. Ну прямо звезды! Смотрит на меня, на мой шифр, и спрашивает по-русски,

с акцентом: «Какой это у вас шифр?» Я сказала, что екатерининский. «А как фамилия?» Отвечаю: «Олленгрэн». — «Но это ведь шведская фамилия?» — Да, мой муж шведского происхождения. Вынула записную книжечку и золотым карандашиком что-то отметила. И потом только, от других, я узнала, что это — Великая Княгиня Наследница Цесаревна Мария Федоровна! Но какая хорошенькая! И какая простенькая! Прямо влюбилась в нее с первого взгляда!

Выпили за здоровье Наследницы.

Пирог быстро съели, вино до последней капли выпили, потом все разошлись, и мать часа полтора утюжила синее платье и потом вместе с Аннушкой понесла его к Нейдгардтихе, как говорила Аннушка.

Мы слизали со всех блюдец последний сок от мороженого и, счастливые, пахнущие густым молоком, начали лето, и оглянуться не успели, как «зима прикатила в глаза».

И снова — учебный год! И снова, с раннего утра, мамочка — в гимназии! И снова — свобода, но уже осенняя: со множеством соседских яблок, подсолнухов, рябины и медовых сот.

Однажды после занятий возвращается сама не своя, лица нет, — и рассказывает Аннушке:

— Ничего понять не могу. Сегодня приезжает в гимназию принц Ольденбургский, вызывает меня в кабинет начальницы и производит допрос. Кто вы? что вы? откуда? почему?.. Так напугал, что со страху забыла свою девичью фамилию. И только потом вспомнила, говорю: «Оконишникова, дочь адмирала, Георгиевского кавалера»... И спрашиваю:

«Зачем все это, Ваше Высочество?» Он разводит руками, записывает и говорит: «Ничего, дорогая, не знаю. Получил бумагу от Министерства двора, должен выполнить».

Принц Ольденбургский носил в то время чин, довольно неуклюже выражаемый: «Главнoуправляющий женскими гимназиями Ведомства Императрицы Марии и Царскосельской».

Принц уехал, все мало-помалу успокоилось, и вдруг спустя ровно полтора месяца у крыльца нашего домика в Коломне останавливается придворная карета. Придворный лакей, в пелерине с орлами, слезает с козел и спрашивает Александру Петровну Олленгрэн.

Было воскресенье, мать оставалась дома.

— Это я, Олленгрэн, — ответила она.

И важным тоном, каким говорят слуги в старинных мелодрамах, лакей сказал:

— Вам письмо. Из Аничкова дворца.

И подал большой, глянцеви́тый, твердый пакет.

— Ответ можете дать словесный, — добавил строго лакей, поджал губы и, сделав бесстрастное лицо, стал осматривать потолок.

Мать не знала, что ей делать с конвертом. Разорвать? Страшно: стоит штемпель «Аничков дворец». Почтительно разрезать? Нет поблизости ни ножниц, ни ножа... А нужно спешить: лакей — с орлами, его не вот-то задерживать можно... Вскрыла шпилькой.

На твердой, слоновой бумаге какая-то неизвестная дама, по имени М. П. Флотова, писала матери, чтобы она немедленно, в присланной карете, приехала по очень важному делу в Аничков дворец.

Если не может приехать сегодня, то за ней будет прислана карета в будущее воскресенье, ровно в 12 с половиной часов дня.

У матери затряслись руки, губы, и она еле могла выговорить:

— Буду в следующее воскресенье, в 12 с половиной часов дня.

Лакей почтительно выслушал, был секунд пять в каком-то ожидании, потом крикнул и ответил:

— Слушаю-сь.

Поклонился, вышел и, с замечательной легкостью вскочив на козлы, актерским уверенным жестом поправил завернувшуюся пелерину с орлами. Лошади тронули, и пустая, блестящая карета — такой никогда не видывали в Коломне — покачиваясь на длинных рессорах, блистая железными, до серебра натертыми шинами, двинулась в обратный молчаливый путь. Мы проводили ее теми глазами, какие бывают на картинах у людей, созерцающих крылатую фортуна, катящую на одном колесе...

Переполох в Коломне был невероятный. Шли разговоры о тюрьме, о наследстве и почему-то о Севастопольской войне.

Почему мать не поехала во дворец сразу? Потому что не было приличного платья.

Прижав к груди таинственное дворцовое письмо, она понеслась к своему доброму гению, к начальнице Коломенской гимназии Н. А. Нейдгардт. Та проявила желание пойти на самые щедрые жертвы и сказала, что весь ее гардероб к услугам матери. Было выбрано добротное, строгое и достойное платье, была вызвана портниха, которая что-то ушила, что-то пришила, где-то сделала новые стежки, при-

садила пуговицы, проутюжила через полотенце... Мать лишилась сна, аппетита, плакала по ночам и каждую ночь во сне видела длинные волосы.

И в следующее воскресенье, ровно в 12 часов, та же карета остановилась у нашего подъезда, и тот же лакей с орлами вошел в дом и почтительно доложил матери:

— Экипаж ждет-с.

И мать, делая торопливые кресты, поехала, бледная как смерть.

ИЗ 1001 НОЧИ

В бытность и службу мою в Петербурге мне часто приходилось бывать в балете, и при разъезде из театра я очень любил наблюдать, особенно у молодежи, ту восторженную лучистость глаз, которая всегда бывает после таких волшебных вещей, как «Лебединое озеро», «Жизель», или после опер «Кармен», «Демон». В провинции это бывало после пьес чеховских. Вот с таким восторженным взглядом вернулась домой моя мать после первого посещения Аничкова дворца.

Ее привезли обратно в той же придворной карете, в какой она уехала. Тот же гордый и величественный лакей почтительно отворил ей дверцу и почтительно же поддержал ее за локоть. И теперь уже мать не растерялась и успела что-то сунуть ему в руку. Ошутив шелест бумаги, величие склонилось перед скромностью, и мы, дети, корректно наблюдавшие эту сцену со стороны, поняли, что не нужно бежать и тормозить мать, а нужно выждать, пока она не взойдет на крыльцо и не войдет в дом, — и вообще нужно держать себя скромненько, пока

волшебный и таинственный экипаж не скроется из глаз.

Когда мы проникли в дом, то увидели следующую картину: мать в своем великолепном, с чужого плеча, платье сидела на стуле и как-то беззвучно повторяла:

— Сказка, сказка. Аннушка, скажи, ради Бога, сплю я или нет?

— Да не спите, барыня, а в полном параде. Сейчас пирожок кушать будем.

Увидев нас, мать беззвучно заплакала и сказала:

— Услышал Бог. Услышал Бог папочкину молитву. Хороший человек был ваш папочка. Бог правду видит, да не скоро скажет.

Потом все в том же великолепном платье, которое у меня и до сих пор не выходит из головы, она стала перед образами на колени, собрала нас вокруг себя справа и слева, обвила всех руками, как цыплят, особенно тесно прижала к себе меня, самого малого, и все читала молитвы, совсем не похожие на те, что я знал. Слезы ручьем текли из ее глаз, хотелось их вытереть, и не было платочка, и первый раз в жизни я пожалел о том, какой я грязный и непослушный мальчишка: всегда вытираю нос рукавом, а платочки, которые подсовывает Аннушка, презрительно забрасываю в чулан — в карманах места мало, и когда вынимаешь платок, то вместе с ним вываливаются свинчатки, а если засунешь в карман живого воробья, воробью не хватает от платка воздуха и он начинает икать, — и вообще я всегда был против лишних вещей в хозяйстве.

Что же случилось?

Мать на этот счет хранила упорное молчание.

И вот вечером к нам собрались гости: пришла сама Нейдгардтиха (не потребовавшая на этот раз немедленного возвращения платья), пришли еще какие-то кислые и худые женщины с лорнетами (классные дамы, товарки матери по службе), пришел кладбищенский протопоп, специалист по панихидам, пришел сам господин Александров, наш сосед, владелец каретного заведения и несметный богач (появление придворной кареты его лишило сна). Все это расселось, торжественное, чинное и отменно благородное, вокруг чайного стола (за добавочной посудой опять бегали к Нейдгардтихе), и тайная, приветливо улыбающаяся зависть была разлита в глубине всех глаз, как в последней картине «Ревизора».

Оказалось, что мать привезли в Аничков дворец, привели в какой-то вестибюль, в котором было четыре двери, и потом бравый солдат поднял ее на лифте на четвертый этаж. Лифт поднимался на веревке, и эту веревку с почтительно-равнодушным лицом тянул солдат. На площадке четвертого этажа стоял в ожидательной позе старый лакей в белых чулках и с золотым аксельбантом, это был лакей М. П. Флотовой по фамилии Березин. Березин почтительно поклонился матери и не сказал, а доложил, что ее «ждут-с Ее превосходительство Марья Петровна Флотова». Мать помянула царя Давида и всю кротость его, а лакей правой ручкой приоткрыл половинку двери и, словно боясь прикоснуться к матери, пропустил ее вперед себя, провел по каким-то незначительным комнаткам и наконец ввел в гостиную, казавшуюся небольшой от множества мебели, фотографий и цветов. И всюду

ощущалось тяжеловатое «амбре», как в восточных лавках, торгующих духами.

Не успела мать дух перевести, как, шурша бесчисленными юбками, с пышным тюнрюром позади (тюнрюры были только что присланы из Парижа и имели огромный успех), вошла немолодая, но как-то не по-русски свежая женщина: кожа у нее была цвета полированной слоновой кости.

— Вы госпожа Олленгрэн? Шведка? — спросила она приветливо, и сквозь особую, вырабатывающуюся у придворных беззаботно-ласковую улыбку внимательно и деловито, с немедленной записью в мозгу, осмотрела материнское лицо, задержавшись на глазах, и оттуда перешла на руки, к пальцам, — точнее сказать, к ногтям.

— Вас на весеннем приеме в Зимнем дворце заметила Великая Княгиня Мария Федоровна, супруга Цесаревича. Она предлагает вам заняться воспитанием и первоначальным образованием двух своих сыновей, Великих Князей Николая и Георгия... Николаю — семь лет, Георгию — пять. Великая Княжна Ксения вас не коснется. Ей — три года, она с англичанкой.

Мать потом вспоминала: ее от этого предложения как обухом по голове ударило и в лицо «ветрами подуло».

— Как? — воскликнула она. — Мне заниматься воспитанием Великих Князей?

— Да, — подтвердила госпожа Флотова, — именно на вас пал выбор Великой Княгини-матери.

— Но я не подготовлена к такой великой задаче! — говорила мать. — У меня нет ни знаний, ни сил.

— К великой задаче подготовка начнется позже, лет с десяти, — спокойно возражала госпожа Флотова, — а пока что детей нужно выучить начальной русской грамоте, начальным молитвам. Они уже знают «Богородицу» и «Отче наш», хотя в «Отче» еще путаются. Одним словом, нужна начальная учительница и воспитательница, и, повторяю, высокий выбор пал на вас. Все справки о вас наведены, референции получены блестящие, и я не советую вам долго размышлять. Вам будет предоставлена квартира на детской половине, на готовом столе — едят здесь хорошо — отопление, освещение и 2000 рублей годового жалования.

Как ни заманчивы были эти обещания, мать решительно отказалась, ссылаясь на страх, великую ответственность и на неподготовленность.

— Тогда, — сказала Флотова, — посидите здесь, а я пойду доложить.

Минут через пять она вернулась в сопровождении милой и простой дамы, которая разговаривала с ней на весеннем приеме в Зимнем дворце. Это была Великая Княгиня Цесаревна Мария Федоровна. Мать сделала глубокий уставной реверанс, которому их обучали в институте, и поцеловала руку.

— Вы что же? Не хотите заняться с моими мальчиками? Уверяю вас, что они — не шалуны, они очень, очень послушные, вам не будет слишком трудно, — говорила с акцентом Великая Княгиня, и мать, потом десятки раз рассказывая об этом, неизменно добавляла: «И из ее глаз лился особый сладкий свет, какого я никогда не видела у других людей».

— Но, Ваше Императорское Высочество, — взмолилась мать, — ведь это же не обыкновенные дети, а царственные: к ним нужен особый подход, особая сноровка!..

— Какая такая «особая» сноровка? — вдруг раздался сзади басистый мужской голос.

Мать инстинктивно обернулась и увидела офицера огромного роста, который вошел в комнату незаметно и стоял сзади.

Мать окончательно растерялась, начала бесконечно приседать, а офицер продолжал басить:

— Сноровка в том, чтобы выучить азбуке и таблице умножения, не особенно сложна. В старину у нас этим делом занимались старые солдаты, а вы окончили институт, да еще с шифром.

— Да, но ведь это же — Наследник престола, — лепетала мать.

— Простите, Наследник престола — я, а вам дают двух мальчуганов, которым рано еще думать о престоле, которых нужно не выпускать из рук и не давать повадки. Имейте в виду, что ни я, ни Великая Княгиня не желаем делать из них «оранжерейных цветов». Они должны шалить в меру, играть, учиться, хорошо молиться Богу и ни о каких престолах не думать. Вы меня понимаете?

— Понимаю, Ваше Высочество, — пролепетала мать.

— Ну, а раз понимаете, то что же вы, мать четверых детей, не сможете справиться с такой простой задачей?

— В этом и есть главное препятствие, Ваше Высочество, что у меня — четверо детей. Большой хвост.

— Большой хвост? — переспросил будущий Александр Третий и рассмеялся. — Правильно, хвост большой. У меня вон трое, и то хвост, не вот-то учительницу найдешь. Ну мы вам подрежем ваш хвост, будет легче. Присядем. Рассказывайте про ваш хвост.

Мать начала свой рассказ.

— Ну тут долго слушать нечего, все ясно, — сказал Александр Александрович, — дети ваши в таком возрасте, что их пора уже учить. Правда?

— Правда, — пролепетала мать, — но у меня нет решительно никаких средств.

— Это уже моя забота, — перебил Александр Александрович, — вот что мы сделаем: Петра и Константина — в корпус, Елизавету — в Павловский институт.

— Но у меня нет средств! — воскликнула мать.

— Это уж моя забота, а не ваша, — ответил Александр Александрович, — от вас требуется только ваше согласие.

Мать в слезах упала на колени.

— Ваше Высочество! — воскликнула она. — Но у меня есть еще маленький Владимир.

— Сколько ему? — спросил Наследник.

— Восьмой год.

— Как раз ровесник Ники. Пусть он воспитывается вместе с моими детьми, — сказал Наследник, — и вам не разлучаться, и моим будет веселей. Все лишний мальчишка.

— Но у него характер, Ваше Высочество.

— Какой характер?

— Драчлив, Ваше Высочество...

— Пустяки, милая. Это — до первой сдачи. Мои тоже не Ангелы небесные. Их двое. Соединенными силами они живо приведут вашего богатыря в христианскую веру. Не из сахара сделаны.

— Но... — попыталась вмешаться Мария Федоровна.

Наследник сделал решающий жест.

— Переговоры окончены, — сказал он, — завтра же вашими старшими детьми займутся кому следует, а вы времени не теряйте и переезжайте к нам.

— Но у меня еще Аннушка.

— Что еще за Аннушка?

— Прислуга моя многолетняя.

— На что вам прислуга? У вас будет специальный лакей.

— Ваше Высочество, но я к ней привыкла.

— Отлично, если привыкли, но имейте в виду, что за Аннушку я платить не намерен. Это дело мне и так влетит в копейку. Вы меня понимаете?

— Ваше Высочество, это уж мой расход.

— Ах, если это ваш расход, то я ничего не имею. Итак, сударыня... Да бросьте вы эти коленопреклонения! Учите хорошенько мальчуганов, повадки не давайте, спрашивайте по всей строгости законов, не поощряйте лени в особенности. Если что, то адресуйтесь прямо ко мне, а я знаю, что нужно делать. Повторяю, что мне «фарфора» не нужно. Мне нужны нормальные, здоровые русские дети. Подерутся — пожалуйста. Но доказчику — первый кнут. Это — самое мое первое требование. Вы меня поняли?

— Поняла, Ваше Императорское Высочество.

— Ну, а теперь до свидания, — надеюсь, до скорого. «Промедление — смерти безвозвратной подобно». Кто это сказал?

— Ваш прадед, Ваше Высочество.

— Правильно, браво, — ответил Наследник и, пропустив вперед себя Цесаревну, вышел из комнаты.

АНИЧКОВ ДВОРЕЦ

Положите около кота миллион долларов — он и не взглянет на них, разве что понюхает. Так было и со мной, когда мне сказали, что я буду воспитываться вместе с Великими Князьями. Кроме огорчений и душевных мук, это мне ничего не принесло. Что такое были для меня Великие Князья? «Князья» — это лица довольно неказистого, но в общем занятого вида, они ходили по Коломне с полосатыми мешками за спиной и кричали:

— Халат, халат, халат...

Это, пожалуй, даже интересно — воспитываться с такими князьями, если они моего возраста, но... они — великие. Великие! Что такое великие? Это значит — огромные. Недавно Аннушка читала нам сказку о герое, которого звали «не мал человек, под потолок ростом». Что если мои будущие князья — тоже не мал человек, под потолок ростом? Что я буду делать? Какие перспективы ждут меня? На своей Псковской улице я худо-бедно прохожу уже в третьи силачи. Это стоит трудов, хлопот, превеликой боли в девятом ребре, но ничего не поделаешь: всякая карьера требует определенных усилий. Но ведь если я попадаю в общество «великих» князей, не мал человек, под потолок ростом, то

ведь тут и к бабке ходить не нужно: это ежедневная обеспеченная мука. А что если эти князья из породы Гулливеров? Я недавно видел книжку с картинками: стоит огромный верзила в треугольной шляпе и держит на ладони маленького человечка со стрекозиными ножками и презрительно смотрит на него. Дунет — и где твоя душа? Я не спал ночами, плакал, укрывался с головой от видений и молил Бога, чтобы Он отдалил тот час, когда нужно будет навсегда, навеки покинуть эту милую, славную, уютную, родную, то густо-пыльную, то обильно-снежную Псковскую улицу. И та карета, которая подкатывала к нашему дому два воскресенья подряд с таким замечательным лакеем, уже казалась не чудесной, а злой каретой, наказанием Божиим, посланным мне за великие грехи.

Дома шел полный разгром, Аннушка сбилась с ног, стирала, гладила, пришивала какие-то пуговицы, мамочка приходила со службы взволнованная, ничего не ела, а приносила какие-то книжки, очень толстые, в переплетах, быстрыми глазами читала страницу за страницей, нервно, со щелчком перелистывала, что-то записывала в тетрадь и все говорила, ни к кому не обращаясь:

— Господи! А вдруг осрамлюсь? А вдруг опозорюсь? Ведь великая наука нужна, наука!

Потом все было брошено, и она уехала с братьями в Псков — определять их в военную гимназию; мы с Аннушкой провожали их и на вокзале перед поездом горько плакали. Петра приняли, а у Константина оказалась грыжа, его снова привезли в Петербург, он приехал убитый и растерянный, и опять была суетня. Его в конце концов определили

в петербургскую Первую классическую гимназию, на полный пансион, и сейчас же остригли. Сестру Елизавету поместили в Павловский институт, что на Знаменской улице.

Что делалось в доме, что делалось, — и все это из-за каких-то «великих» князей, будущих моих мучителей и истребителей. Горька была моя судьба. Но что делать? Плакать? Мужское достоинство не позволяло. Что скажет Псковская улица? Сопротивляться? Все равно — свяжут и свезут, да еще, пожалуй, в княжеский полосатый мешок засунут, как кота: иди разговаривай из мешка. Бежать из дому в Америку? И эта мысль начала серьезно занимать меня, но пока я накапливал хлеб на дорогу, деньги (уже было «зажато» семь копеек), — подъехала карета, — не та, не придворная, а обыкновенная, черная, свадебная, с окошечком позади, меня взяли за руку, помолились Богу, посидели на стульях, всплакнули, вздохнули, почему-то поцеловались с Нейдгардтихой, потом залезли на скользкое сиденье с пуговичками, качнулись, тронулись, лошади дружно цокнули, — и тут я понял, что значит, когда говорят: пропала твоя головушка.

— Боже мой, Боже мой, Аннушка, в какие места едем, — говорила мать, и я ясно видел, что ее тоже трясло от страха.

Вообще, от всех этих новостей, от разлук с братьями и сестрой, от срочного изучения педагогики (после узнал) — она похудела, стала молоденькая и худенькая, бедная моя, милая, ласковая мамочка. Как тепло и хорошо было с ней в этой карете, и ехать бы да ехать далеко-далеко, хоть на край света, хоть в Америку, — только не в этот противный,

враждебный, таинственный дворец. Мне казалось, что как въеду в этот дворец, так сейчас же меня пришибут к столбу и выпорют до двадцатого пота. Спасибо, что кубебу и мазь тайным образом прихватил с собой для облегчения.

И долго-долго так тянулись мы через весь Петербург, мимо каких-то высоченных домов, которых я никогда раньше не видел. При другой обстановке они показались бы мне страшно интересными, а теперь я понял только одно: много булочных с золотыми кренделями. Потом все стало гуще и гуще: какие-то невиданные народы, кучера кричат, наш тоже начал орать и оглядываться, порядку никакого, мимо стекла то и дело — лошадиные морды, цапнет за нос, а потом иди доказывай. Прижался я к мамочке и одно молил: «Пронеси, Господи». Учила в свое время Аннушка «Живому в помощи», — не учился, дурак, а теперь бы — находка. «На аспида и василису, — шептал я дрожащими губами, вспоминая Аннушкины уроки, — на лева и змею», — и забыл дальше. Про лошадей в молитвах ничего не было, — может, что и было, но к концу, а до конца никогда не доходил, старая телятина, — выругал себя я, по примеру коломенского водовоза.

— А вот и дворец! — затрепетав, сказала мамочка.

Я сунулся глазами в окно и увидел много красного.

Прошло много лет с тех пор, но и теперь, когда при мне говорят слово «дворец», в моих глазах вырастает всегда какая-то большая красная путаница.

Карета остановилась, подошел какой-то солдат, что-то спросил, ему что-то ответили, карета опять тронулась, и потом, через много времени, я понял, что мы приехали с Фонтанки.

Вылезли из кареты, и первое, что я увидел, был огромный дом с выступами: конечно, только в таком доме могут жить не малые люди, под потолок ростом. Пока что около нас сустились обыкновенные люди, с обыкновенными руками и головами, но одетые как в цирке. Больше всех волновался старик, похожий на генерала, все время шлепавший губами, весь в медалях и трясущихся крестах: потом я узнал, что это был знаменитый пристав Хоменко, единственный статский советник среди полицейского офицерства, любимец Марии Федоровны. Он целый день стоял на посту у Аничкова дворца. Когда приезжала Мария Федоровна, он снимал фуражку и кланялся, касаясь фуражкой земли. Нередко бывал приглашаем к великокняжескому столу и оставил после смерти состояние около трех миллионов.

Люди из цирка понесли наши чемоданы, мы вялыми ногами пошли за ними и очутились в подъезде, в котором было четыре двери. Эти двери, как я потом узнал, вели на двор, на ту часть дворца, которая называлась «детской половиной», в сад и на кухню.

Вслед за носильщиком мы втроем — я, мамочка и Аннушка — пошли на детскую половину. Детская половина была расположена в бельэтаже. Чувство, которое у меня тогда было, потом всегда повторялось по приезду в гостиницу: куда-то тебя поселят? Все трое мы явно робели: мамочка и

Аннушка крестились мелкими крестиками, а я боязливо оглядывался по углам: а вдруг выйдет, а вдруг шагнет и сразу приступит? Настроение было ужасное, воображение работало, представлялись всякие картины, какие-то звуки казались треском разрываемых человеческих костей, я все ближе и ближе прижимался к мамочкиной юбке и, уж если кто-нибудь будет нас есть, пусть начинает с Аннушки: она все хочет быть Христовой невестой и пострадать за веру.

В коридоре было много дверей и печных заслонок, поражала удивительная чистота, — такая чистота, что все мы старались ступать неслышно, только чуть прикасаться к паркету. Наконец в какую-то дверь входим, и я сейчас же ищу: есть ли в двери ключ?

Квартира наша состояла из трех поместительных комнат: гостиная, столовая и спальня. Из столовой шла винтообразная лестница в Аннушкины две маленькие комнатки. Мебель была хорошая, повести рукой — скользкая (полушелковая). Освещение комнат у нас, как, впрочем, и во всем дворце, было масляное. Лампы были необычайно занятные и затейливые, с каким-то механизмом, похожим на часовой. Масло наливалось душистое, и в комнатах всегда стояло то, может быть, «амбрэ», о котором с таким восхищением говорит в «Ревизоре» Анна Андреевна. Каждое утро приходил к нам ламповщик и, как говорили, «заправлял» лампы, причем все это делал с необыкновенной отчетливостью и проворством. Я всегда завидовал его «химическим движениям» и любил украдкой приглядываться к его замшевым тряпкам и круглым

щеткам, которыми он протирал стекла. И вообще, и сам ламповщик был очень интересен, быстр в движениях. Ендова, в которой он носил масло, была какая-то аппетитная, глянцевая. Была совершенно восхитительна легкая и приятная струя масла, прозрачного, упругого, лоснистого: так бы и смотрел на нее, наслаждаясь, целыми днями. Этот ламповщик прямо сводил меня с ума, и я по его примеру называл Аннушку «деревней». Мне кажется, что из-за этого ламповщика Аннушка потом и ушла в иоаннитки. Ламповщик, занимаясь делом, всегда чуть слышно напевал: «Глядя на луч пурпурного заката» — или что-то в этом роде. Я это говорю потому, что эту страсть к наливанию ламп я передал потом Ники, будущему Императору, и когда приходил час игр, то первое, что мы изображали, был ламповщик и все его манипуляции; причем в этом отношении все рекорды наблюдательности и подражательности ставил маленький Жоржик — будущий Георгий Александрович. Молчаливый, робкий, он чем-то напоминал приятного зверька, пожалуй, обезьянку, с необычайной запоминаемостью и точностью воспроизведения. Он изображал всех: и папу, и маму, и Диди (так они называли мою мать), и Аннушку. Все эти штуки он проделывал в «игральной» комнате и только в своей компании, причем обязательно за вознаграждение: чтобы его, например, два раза пронесли с прыжкой на спине вдоль стен (это называлось «ездить на закорках»), или что он будет кучером, а мы — ленивыми лошадьми, которых кучер подгоняет кнутом; при каждом кнуте мы обязаны были вздрагивать, трепетать кожей и переходить в галоп.

Или требовал, чтобы мы орали, как ослы на заре, и чтобы на этот рев прибежала испуганная Диди. Этот маленький актер понимал, что истинное искусство должно оплачиваться материальными благами, и только в этих условиях оно не является пустым занятием.

Ники, как я потом понял, был существом очень наблюдательным и зорким, и когда Жоржик представлял, как Березин открывает дверь или как М. П. Флотова держит голову набочок, разговаривая с тапан, Ники упивался точностью сходства. И чтобы получить это наслаждение, он шел на самые несуразные требования Жоржа. Жорж однажды похвалился, что он может показать, как маме кланяется Хоменко, но с условием: мы должны съесть по пол-ложки песка. Я отказался, но Ники с заранее смеющимися глазами съел и к вечеру был болен, и пришлось вызвать Чукувера. В «игральной» комнате всегда была горка песку.

Чукувер жил в том же коридоре, что и мы. Это был не то лекарь, не то фельдшер. Его дело было оказывать первую помощь до прибытия врача. Если мне не изменяет память, всегда приезжал Бертенсон, но до прибытия врача строго запрещалось принимать какие бы то ни было лекарства.

Этому Чукуверу, между прочим, завидовал весь дворец. Чукувер был единственный человек, который, по общему мнению, ничего не делал. Жизнь его, впрочем, окончилась печально: его раздавило насмерть в гармонии поезда при крушении на станции Борки, в 1888 году.

Впрочем, я отклонился несколько в сторону.

Против нашей квартиры, в том же коридоре, были запасные комнаты, которые потом приспособили под квартиру генерала-адъютанта Г. Г. Даниловича, который был назначен к обучению Ники, когда ему исполнилось десять лет и когда миссия моей матери была окончена. Ники терпеть не мог этого наставника, чрезвычайно сухого «человека в футляре», и когда генерал Данилович скончался, то Император Николай послал ему венок, но сам на похороны не приехал.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Первая ночь, проведенная мной во дворце, была уныла и тревожна. Больше всего мне понравились комнаты Аннушки и винтовая замысловатая лестница, похожая на штопор. Я убеждал мать поменяться: пусть Аннушка живет внизу, а мы будем жить вверху. Тайная мысль была такова: войдет не мал человек, под потолок ростом, найдет первую Аннушку, убьет ее, уморится и оставит нас в покое: по винтовой лестнице подниматься ему будет нелегко, узко; он подумает, подумает, да и скажет: «А ладно, в другой раз!», а там может все случиться, авось забудет. Но мамочка, выслушав мои предложения, назвала меня дурачком и уложила спать рядом с собой. Разумеется, я ни словом не обмолвился о тех тайных причинах, которые так беспокоили меня. Постель была невероятно удобная, чуткая к движениям, я быстро успокоился под теплым маминым бочком, укачался, и трех минут не прошло, как уже был свет, пахло кофеем и сдобной булкой. А потом явилась какая-то портниха и начала мерить меня ремешком и спорить с мамой о длине

штанов, рукавов и о том, сколько оставить в запас. Речь шла о матросском костюмчике. Возможно, что меня хотели посадить на корабль, это было бы чудесно, но при всех расспросах толку от женщин добиться было невозможно.

Когда пришло время, мамочка, изнемогая от усталости, беспрестанно крестясь, сказала:

— Ну, а теперь пойдем.

— Куда?

— Знакомиться с Великими Князьями. Помни, что нужно быть хорошим мальчиком, вежливым, достойным. Помни, что не каждому выпадает такая честь. Перед Марьей Петровной шаркни ножкой, вот я кладу тебе в карман носовой платочек, ничего не смей рукавом делать... Покажи, как ты шаркнешь ножкой.

Я хочу шаркнуть ножкой, а в ногах — пуды. Прямо старик какой-то, тридцатилетний, отживший жизнь. Ничто мне не мило, хочется, как девочке, реветь, бухнуться на пол, тарабанить ногами, пусть идут, готов на любую порку, любой березой, но только без ненужных знакомств. Я до сих пор был доволен своей жизнью, никаких дворцов мне не нужно, пустите меня на Псковскую улицу: там ни винтовых лестниц, ни этих смешных людей из цирка. И не понимаю, чего это дурила Аннушка сияет, как самовар, трет мне руки твердым духовитым мылом, ковыряет под ногтями, как будто черные ногти кому-то помешать могут.

И вот берет меня мамочка под руку и ведет. Так, вероятно, Авраам вел Исаака. С той разницей, что Исаак не знал, куда его ведут, а Владимир Константинович, господин Олленгрэн, отлично знает, куда

и зачем его ведут. С невероятной жестокостью мать рассовала своих детей кого куда, а младшего сама ведет на жестокое испытание. И тут впервые у меня пошатнулась вера в человека. Перочинный нож на всякий случай я с собой прихватил и всю дорогу ощупывал его в кармане. Жизнь свою решил дешево не отдавать.

Вижу, в отдалении стоит один из циркачей и ждет. Подходим — кланяется нам. Думаю: «Мягко стелет». Я пословицу эту хорошо, по Псковской улице, знал. Сам не раз людей заманивал и потом «топил баню». Опыт есть.

Циркач ведет, отворяет двери, входим в комнату и видим: стоит сероватая старуха и с ней два мальчика в матросских рубашечках.

— Как тебя зовут?

— Владимир Константинович.

— Фу, какой важный.

Мама конфузится и толкает меня в бок, и подсказывает: «Володя».

Я решил не сдавать позиций и стою на своем:

— Владимир Константинович.

Расчет простой: Владимира Константиновича не так-то скоро возьмешь в работу, как какого-то Володю.

Стою на своем и в третий раз повторяю:

— Владимир Константинович.

Серая старуха идет на уступки и отвечает не особенно по-русски, а с каким-то присвистом, как у немки-булочницы:

— Ну, хорошо, — говорит, — Владимир Константинович, а вот это — Николай Александрович,

Великий Князь Николай Александрович,
будущий Император Николай II

а это — Георгий Александрович, Великие Князья, с ними учиться и жить будешь.

Я сию же минуту закатил серой старухе «персидский глаз» и сказал:

— Это Великие Князья? Ха-ха, смеялася Жанетта!

Серая старуха затряслась животом и сунула нас всех троих в соседнюю комнату, и в голове мелькнула мысль, что сейчас оно и начнется.

Огляделся — комната волшебная. Ничего подобного сроду не видывал. Во-первых, идет по полу железная дорога, маленькая, но настоящая, с рельсами, со сторожевыми будками, с тремя классами вагонов, стоят полки солдат с киверами, с касками, казаки в шапках, а вот лошади с гривами, верблюды с горбами, а вот Петрушка, вот медведь, вот Иван-дурак в клетчатых брюках, а вот барабан, ружья в козлах, труба с кисточкой, гора песку.

Глаза разбежались.

Спрашиваю:

— Чье это?

Старшенький матросик отвечает спокойно:

— Наше.

— Не врешь?

— Не вру?

— Пустить железную дорогу умеешь?

— Умею.

— А ну, пусти.

Матросик завел ключиком, паровоз побежал, из будки вышла сторожиха, замотала флагом, на платформе появился пузатый начальник, зазвонил звонок, и тут я впервые понял, что во дворце могут делаться чудеса.

У меня мороз по коже пошел, а мальчики в матросках стоят и не удивляются.

— Вы— Великие Князья? — спросил я старшенького.

— Да, — ответил тот.

Я расхохотался.

— Какие же вы великие, когда вы — маленькие?

— Нет, мы — Великие Князья, — серьезно, с верой в правоту, настаивал старшенький.

Второй молчал, смотрел на меня во все глаза и сопел.

— Хорошо, — сказал я, становясь на изготовку, — если вы — Великие Князья, тогда хочешь, вы оба на левую руку.

— Мы не понимаем, — сказал старшенький.

— Чего ж не понимать? — сказал я. — Вот видишь, правую руку я завязываю поясом, а левую на вас обоих.

— Ты хочешь драться?

— Разумеется.

— Но мы на тебя не сердиты.

— Тогда я — первый силач здесь.

— Хорошо, — сказал примирительно старшенький, — а когда я рассержусь, мы попробуем.

Он меня потряс, этот мальчуган, чистенький, хорошенький, с блестящими глазками: на первый взгляд — девчонка. Смотрит прямо, улыбается, испуга не обнаруживает. Опыт Псковской улицы мне показал, что вот такие девчонко-мальчики оказываются в бою иногда серьезными бойцами, и я с первой минуты намотал это себе на ус.

И вдруг открывается дверь, и в комнату шашь! Не мал человек, под потолок ростом, и всем суще-

ством я понял, что мне была расставлена ловкая западня с этими якобы Великими Князьями и заколдованной комнатой.

Вот пришел настоящий Великий Князь и сейчас начнет: держись, Владимир Константинович!

Маленький подбежал к не мал человеку и сказал, прижимаясь к нему:

— Он нас бить хочет.

— За что? Вы уже поссорились?

Не мал человек обратился ко мне, и я поспешил с ответом:

— Нет, мы не ссорились.

Старшенький стал на мою сторону и добился истины.

— Нет, нет, — сказал он два раза «нет»: так обыкновенно говорят два раза девочки. — Нет, нет, мы не ссорились, но он говорит, что он — первый силач здесь, а когда я рассержусь, тогда мы подеремся и узнаем. Я, если не рассержусь, драться не могу.

— И правильно, — сказал не мал человек, — зачем же даром тратить силу? Даром только дураки дерутся. А ты чего на них сердишься?

— А чего они говорят, что они Великие Князья? Они — маленькие мальчишки и больше ничего.

— А я — великий князь, как по-твоему?

— Вы-то? — ответил я с уважением, глядя на него в гору. — Хо-хо!

Я увидел, что не мал человек радостно засмеялся, и у меня гора свалилась с плеч: я почувствовал, что мы с ним подружимся, надо только хорошо начать дело. Он был огромен, светел, если щелкнет по лбу — кость на мелкие части, и зла в глазах нет, он

был приятен, стоит за добрые дела и всегда даст пощаду.

В маленьком сердце есть собачье чутье, я не ошибался, возымел сразу большое доверие и от счастья начал хохотать, хватаясь за живот, и рассмешил не мал человека до слез.

— Он нечестный, — сказал старшенький, глядя на меня, — он завязывает правую руку и хочет с нами обоими драться одной левой.

— Что? Что? — спросил не мал человек, не поняв сразу.

— Я на это не согласен, — тараторил старшенький, — драться, так обеими.

— Молодец, Никенька, молодец, правильно, бой должен быть равным, без скидок. Нет, брат, — обратился он ко мне, — ты свои шуточки с левыми руками забудь, здесь люди честные и на скидки не пойдут. Драка так драка. Зуб за зуб, кость за кость. Других условий мы не терпим. Фирма честная. Молодец, Ники! Хвалю. Но твою храбрость тоже хвалю, — сказал он мне, — вырастешь — офицером тебя сделаем. Хочешь быть офицером?

— Генералом хочу.

— Хо-хо,— одобрительно сказал не мал человек, — смотри, порох нужен на генерала.

— Порох есть, — ответил я, ободрившись и чувствуя к не мал человеку огромное доверие.

Он опять раскрыл рот и начал смеяться так, что в комнату вошли удивленные женщины.

— Ты доволен, Александр? — спросила какая-то новенькая, которой я еще не видел, и, продолжая смеяться, не мал человек ответил ей что-то не по-русски.

Всем сделалось необыкновенно весело, я увидел, что мама радуется, а серая старуха сияет всем ртом и причмокивает. Я опять-таки верхним чутьем почувствовал, что от этой серой старухи может поступать большая конфета: она была насквозь конфетная.

Дело пошло как будто ничего.

ЗАГАДКА

Странное дело: с тех пор прошло уже шестьдесят пять лет. Много утекло воды, и если бы Государь Николай Второй был жив, то он был бы такой старый, как я. Всю жизнь он был милостив и благосклонен ко мне, выручал меня в тягчайших обстоятельствах моей жизни. Мать моя после окончания своей воспитательной работы была назначена начальницей Василеостровской женской гимназии и имела свободный, почти семейный доступ к Государю. Надо только было позвонить к обер-гофмаршалу, и Государь принимал ее по первой просьбе, и если ей нужно было подождать, то ждала она не в приемной, а у него в кабинете, около его письменного стола. Он обыкновенно говорил:

— Милая Диденька, посидите, пожалуйста, а мне нужно прочитать вот эти еще бумаги. Может, хотите покурить?

Он знал, что мать терпеть не могла табак и всегда притворно сердилась на эти приглашения. Она уходила к окну, отворяла раму и садилась там, развернув газету, а Государь опять шутил:

— Вы там не очень-то на́ воздухах, а то протянет сквознячок, схватите насморк, чихать будете.

Великий Князь Александр Александрович,
будущий Император Александр III,
Великая Княгиня Мария Федоровна
с сыном Николаем Александровичем

А это как-то не подходит к вашей должности. Не солидно.

— А вы, Никенька, не отвлекайтесь, читайте скорее ваши бумаги, а то мне некогда.

— В самом деле? Работы много?

— Я думаю, что много.

— Ну-ну, я сейчас. Ах, как они мне надоели, эти бумаги!

— А чего это перо ваше так скрипит?

— Просто паршивое перо. Некому досмотреть.

— Следующий раз принесу хороших перьев.

— А что вы думаете, Диденька? Буду очень благодарен.

Опять начиналось шуршание бумаг.

— Страшно медленно пишу. Это ваша вина, Диди. Это вы мне почерк ставили.

— Медленно, да четко, — «огрызалась» мать, — никто не скажет: как курица лапой.

— А вот когда Витте читает мои письма, то всегда криво улыбается, и мне кажется, что он думает: «Бабий почерк».

— И ничуть! — вспыхивала мать. — И ничуть! Я давала ваш почерк графологам.

— Ну? И что?

— Все в один голос сказали: ясная трезвая голова, всегда логическая. Скрытная.

— Скрытная?

— Да.

Молчание.

— Да в нашем ремесле иначе нельзя, — следует не сразу ответ. — Ну вот, готово. Перекочевывайте сюда, Диди. В чем дело? Опять прошения? Опять

по мою душу? Много? Все многосемейные? Нравочение?

Он сам берет из материнских рук ридикюль и начинает доставать оттуда вчетверо сложенные бумаги.

Мать начинает жаловаться на табачный дым.

— Да разве это дым, Диди? Это же ладан, — говорит шутя Государь.

— Стыдно называть ладаном эту гадость! Ладан — священная вещь.

— Ну-ну, не буду. Сколько там душ?

— Да вот у этой пять.

— Пять? Ну дадим ей пять тысяч.

— Много, Ваше Величество. Куда столько?

— Какая вы жадюга, Диди! Что ж, царь не может дать бедной женщине пяти тысяч?

— А я говорю — много.

— А я в порядке высочайшего повеления приказываю вам всеподданнейше молчать.

Мать в притворном испуге зажимала рот, а Государь говорил:

— Ага! Когда-то я вас боялся, а теперь вы дрожите от раскатов моего голоса. Времена меняются, Диди. А?

Начальница гимназии по закону не имела права освобождать учениц от платы. Она должна была представлять их прошения в Опекунский совет Ведомства Императрицы Марии со своим заключением, и только из Опекунского совета получалось распоряжение: освободить от платы или нет. Мама моя никогда этого не делала. Она эти прошения сохраняла у себя и при поездке к Царю брала их с собой. Царь самолично брал у моей мамы ридикюль,

вынимал оттуда все прошения и на каждом из них писал сумму, какую она находила нужным дать той или другой семье. Затем подсчитывал общую сумму денег, и на этом работа его кончалась. У матери было такое впечатление, что ему нравилось отвлечься от больших деловых забот и заняться такими пустяками. В конце беседы он всегда шепотом просил никому ни слова не говорить о его помощи.

Мне доподлинно было известно, что за все 22 года деятельности моей мамы как начальницы гимназии ни одно прошение об освобождении от платы не было представлено в Опекунский совет. Это порождало удивление этого ведомства, куда ежегодно от всех женских гимназий поступало огромное число таких ходатайств. Но мама моя, памятуя приказ Царя, никогда и никому не говорила, что это дает он.

Я об этом упоминаю для того, чтобы осветить отношения его, бесконечно милостивые, к своей старой учительнице. Это были чувства того, быть может, порядка, какие у Пушкина, например, были по отношению к Арине Родионовне. Так же милостив он был и по отношению ко мне. Так, по его протекции я был переведен из полка на службу в Главный штаб: ему хотелось, чтобы я был ближе к матери. Он выручил меня из большой беды, когда я попал под военно-окружной суд после побега Фельдмана из севастопольской крепостной гауптвахты. Он принимал меня в частных аудиенциях. Вплоть до восшествия на престол я каждое шестое декабря приезжал к нему на именины. Он крестил моих детей, часто выручал, особенно в дни болезни, деньгами, но никогда, ни одним словом,

не обмолвился о детских днях, прожитых вместе. А как-никак, прожито было вместе три года.

И я часто и подолгу ломал себе голову: в чем дело? Ничто так не сближает людей, как детство. И ничто так не приятно вспомнить в зрелые годы, как детские, вместе прожитые дни. Мне иногда казалось, что виною тут разница положений: он — Царь, Великий и Самодержавный, я — далекий и маленький его слуга. Правда, вся моя кровь и жизнь в его распоряжении, — стоит только сказать слово, — но все-таки разница остается разницей. Иногда казалось, что ему просто некогда думать об этом, голова занята не тысячью, а миллионом вещей: где тут вспомнить о детских пустяках? Но вот приезжала мать из дворца и говорила так просто и так мило:

— Ну, наморочила Ники голову так, что он, кажется, будет аспирин принимать. Все торгуется, все хочет побольше дать. Не знает того, что людей баловать нельзя. Просишь 500, а он смеется и 5 000 пишет. «Ну что вам, Диди, лишнего нолика жалко? Ведь нужно, может быть, людям». Да ведь мало ли что нужно? На всех не напасешься. А он: «Царь должен на всех напасть». Прямо стыдно ходить: обираю его как липку. Да он еще полдюжины мадеры обещался прислать. Какая-то, говорит, необыкновенная мадера: сам только по праздникам пьет. По-моему, это он политику ведет: хочет, чтобы я Алешеньку учила. Намеки такие делает, что, мол, отца грамоте учила, ну и сына тоже. А я: «Нет, — говорю, здоровье не то, печенка никудышная». Смеется. «В Карлсбад, — говорит, — пошлю вас, Диди, в починку отдам свою старуху милую». Ну прямо

вот брошусь на колени и разревусь: «Бери все, здоровье, последние годы, последний отдых, последние силы...»

И по старческим щекам текут мелкие матовые слезы.

И тут меня разбирала не то досада, не то ревность: почему он со мной никогда так не говорит? Ведь я же его товарищ, старый кунак. Разве у нас нечего вспомнить? Разве не залезали на деревья в Аничковом саду и не плевали на прохожих? Разве не дразнили Чукувера? Не играли в снежки? Не боролись на снегу? Не лепили баб?

В чем дело?

И вот однажды был такой случай.

В 1916 году Царь приехал в Севастополь, чтобы благословить войска, отправлявшиеся на фронт, и пробыл с нами целых пять дней. Жил он в своем поезде, стоявшем на царской ветке. В конце пятого дня он должен был уехать в Петроград. Вечером, часов в восемь, прибыли высшие должностные лица, чтобы откланяться. До отхода поезда оставалось часа четыре, и, чтобы не задерживать людей, Государь после беседы встал и, улыбаясь, сказал:

— Ну, господа, а теперь считайте, что Государь уехал.

Попрощался, и все мы вышли из вагона.

Я один остался на путях, полагая своей обязанностью как коменданта быть при поезде до самого его отхода.

Было темно, потом вызвездило. Глаз привык к темноте, вижу как кот. Хожу, разгуливаю вдоль поезда, стараюсь не шуметь. Вспыхнул в вагоне свет у письменного стола. Значит, сел за работу. По занав-

веске порою шевелится тень. Из города подвезли провизию на завтрашний день, потом лед. Поездная прислуга, не стесняясь, галдит.

— Тише! Государь работает! — говорю.

Смотрят на меня с удивлением, как на провинциала.

— Государь к нам привычен, — говорят.

Разместили провизию, надели кепки, «залились» в город погулять до отхода, и какой-то нахал шепчет мне на ухо фамильярно:

— У вас здесь публика пикантная, господин комендант.

Думаю: «Попадись ты мне в городе, я бы показал тебе пикантность, а тут, у царского поезда, не хочется делать тарарама».

Завихрились и исчезли.

Час прошел, другой, слышны из города часы, вот соборные, вот крепостные, — все по колоколам знаю. Посмотрел в портсигар: две папиросы, надо экономию наводить. Воздух осенний, море начинает йодом пахнуть, по путям мыкаются паровозишки, маневры, посвистывают. А лампа в окне все горит, все голову наклоненную вижу, да порою дым от папироски.

Вдруг шорох по песку. Кто-то идет прямо на меня.

— Кто?

— Это вы, Олленгрэн?

Оторопел.

— Я, Ваше Императорское Величество.

— Почему не уехали?

— Счел долгом остаться до отхода поезда, Ваше Императорское Величество.

— И что зря себя мучаете? И так тут со мной на-
маялись. Пять круглых дней.

— За счастье почитаю, Ваше Императорское
Величество.

— Нет ли у вас папиросы? У меня вышли, а при-
слугу будить не хочется.

Раскрываю портсигар. Царь шарит рукой.

— Да у вас всего две.

— Рад стараться, Ваше Императорское Величе-
ство.

— Не возьму. Неэтично.

И отдать себе отчета не могу, как у меня вырва-
лось:

— По старому приятельству можно, Ваше Им-
ператорское Величество.

Царь засмеялся и сказал:

— Ну, разве что по старому приятельству.

Мы закурили в темноте, и тут последовал разгово-
р, потрясший меня до основания.

ПРОЩАЛЬНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

— Вы помните воздушный шарик? — спросил
меня Император.

— Не помню, Ваше Императорское Величест-
во, — ответил я, слегка растерявшись.

— Ну как же так? Помните, вы уже окончили
ваше пребывание с нами во дворце и были уже
кадетом? И вот, кажется, в прощальное воскресе-
нье приехали к вашей маме, которая еще не ушла
от нас. Ей, кажется, хотели поручить покойного
Георгия.

— Да-да, Ваше Императорское Величество. Но
мама уже не имела сил.

— Да неужели вы не помните?

— Чего именно, Ваше Императорское Величество?

— Ну вот этого маленького шарика, который вы принесли с Марсова поля? Красненький такой шарик? Чтобы он не лопнул, вы попросили Аннушку... Вы, может быть, и Аннушку забыли?

— О нет, Ваше Императорское Величество, Аннушку я отлично помню.

— Ну вот, — продолжал Государь, попыхивая папироской, — вы попросили Аннушку привесить этот шарик на кухне к окну, на воздух. Потому что эти шарики в комнатном воздухе долго жить не могут.

Словно молния разорвалась вдруг в моей голове. С отчетливостью, будто это случилось вчера, я вспомнил все. И по какой-то неожиданно налетевшей на меня оторопи продолжал все отрицать и стоял на своем:

— Ничего не могу припомнить, Ваше Императорское Величество.

Царь был редко умный, проницательный и наблюдательный человек. Вероятно, он разгадал мою драму. Вероятно, он отлично понял мое смущение и, как на редкость воспитанный человек, не давал мне этого понять. Я же, чувствуя, как краска заливает лицо, благодарил Бога за темноту ночи, за отсутствие луны, за слабое мерцание звезд. Государь, вероятно, так же чувствовал краску моего лица, как я. Даже в темноте я чувствовал его снисходительную улыбку.

— Волчью яму тоже не помните? — спрашивал Государь.

— Какую волчью яму, Ваше Императорское Величество?

— Какую я и покойный Жоржик вырыли в катке?

«Господи. Ну как же не помнить? Отлично помню». Все, как живое, встало перед глазами. Даже шишку на лбу почувствовал, — все помню, ничего не забыл, но кривлю душой и отвечаю:

— Не помню, Ваше Императорское Величество.

— Я, впрочем, понимаю, что вы все могли забыть. Столько лет. И каких лет! Я же не забыл, не мог забыть, потому...

В темноте я чувствовал, как Государь беззвучно смеется.

— За это дело мне отец такую трепку дал, что и до сих пор забыть не могу. Это была трепка первая и последняя. Но, конечно, совершенно заслуженная. Вполне сознаю. Трепка полезная. Ах, Олленгрэн, Олленгрэн, какое это было счастливое время! Ни дум, ни забот. А теперь...

Государь помолчал, затянулся последним остатком папиросы, догоревшей до мундштука, и печально сказал, показав рукой в сторону Севастополя:

— Один вот этот город. Сколько горя он мне принес!

* * *

...Маленьким кадетиком я явился к своей матери в отпуск на последние дни масленицы. Мама жила еще во дворце, ожидая назначения на службу. Ее служба при Великом Князе была уже окончена, и дальнейшее его образование перешло в руки генерала Даниловича.

Даже вот в этом зное французского юга я, как сейчас, чувствую блеск и морозную, костяную жгучесть петербургского февральского полдня. Русский мороз мне почему-то всегда казался сделанным из кости. Невский был полон движения, веселого и тоже морозного. Странное дело: мороз, как и вино, веселит людей. На морозе хочется смеяться и совсем нельзя злиться. Все застывающие на морозе люди кончаются с примиренной улыбкой на лице. Когда человек замерзает, в ушах у него звенит, как от гашиша. А тут, в Петербурге, дым из труб идет к небу ровной, нежной линией; ни ветерка, ни вздоха, по скрипу полозьев можно определить, сколько градусов, потому что скрип имеет свою музыкальную — то повышающуюся, то понижающуюся — тональность. След полозьев имеет то голубоватый, то синий, то фиолетовый оттенок, и это все от количества градусов. Дыхание лошади, то просто парное, то густое и не скоро тающее, и цвет сосулек — это все зависит от количества градусов, и наблюдательному человеку не нужно никаких термометров. И у глаза, как и у уха, есть свой «абсолютный слух». И все это, зимнее, сияюще-белое, поет свою северную песню, и не удивительно, что здесь, на юге, нам этого не хватает, как обедни: слабеет без мороза здоровье, глаз не полируется зимним светом, легкие не прочищаются морозным воздухом. Там, именно там, чувствуешь себя на настоящей земле, ибо, конечно, на небе будет всякое блаженство, но не будет русского мороза.

Маленький, только что испеченный кадетик, в шинели, сшитой на рост, закутанный в желтый душистый башлычок, из которого торчит только

красный нос, подхожу я к воротам Аничкова дворца с Невского проспекта. И сейчас же со всех ног летит ко мне старый пристав Хоменко. Он тоже в башлыке, но без кисточки, глаза красные и в него-рестных слезах, борода в инее — вылитый елочный дед.

— Ты куда, кадетишка, прешь, болван? — кричит Хоменко, стараясь выпучить смерзшиеся глаза.

— К маме, — отвечаю я.

— К какой маме, болван? Здесь — царский дворец.

— Моя мама живет в царском дворце.

— Кто ты такой есть? — грозно спрашивает Хоменко.

Мне в душе нравится, что Хоменко меня не узнает. Конечно, где ж старику узнать? Я — уже большой, форменный, я уже мажу керосином место для усов, скоро могу отпустить бороду подлиннее, чем у самого Хоменко.

— Я, — говорю, — Володя Олленгрэн.

И тут Хоменко «разувает» глаза.

— Володька! — кричит он на весь проспект, — да это ты, чертенок?

— Я, — отвечаю морозным, звучным басом.

— Не узнать тебя, богатым будешь.

— Побогаче вас, — говорю, — буду.

— Ну уж, конечно, где же нам? (После смерти Хоменко оставил несколько миллионов.) Ну уж иди, иди на этот раз. Но помни, что твой подъезд с Фонтанки, слышишь?

— Слышу, — отвечаю я и важно вхожу в самые царские ворота.

Иду по двору, гляжу — из гимнастического зала, в одном сюртуке, бежит отец Ники, Великий Князь Александр, и тоже кричит:

— Ты куда, кадет?

— К маме.

Но он по голосу сразу узнает меня и тоже, как Хоменко, удивляется:

— Это ты, Володька?

И мне снова радостно: все меня знают — цари, пристава, кругом — родной, добрый дом. Великий Князь тоже, как все люди, замерз и на всех парах летит к подъезду, там поджидает меня и трогает за нос и говорит:

— Пропал твой нос, отвалиться должен, мажь скорее гусиным салом.

А у самого пар изо рта, глаза совсем посинели и тоже слегка плачут. У меня вырастает громадное к нему уважение: без пальто по морозу бегает, — вот это настоящий Великий Князь, ничего не боится.

Напился я у мамы шоколаду, оттер нос, горечь разлуки скоро прошла, и стало даже скучновато. Мамаше нездоровится, печень, горячая бутылка, порошки с бумажными, замечательно красивыми ленточками от аптеки, в квартире — не теплота, а самая настоящая сушь. Аннушка вздыхает о Боге и все поет «Святые Троицы», все те же лампы с механизмом, те же кресла, — Господи! Какая скука во дворце! Только в корпусе я узнал, что такое настоящая человеческая жизнь. В моем классном столе, например, сидит и блаженствует настоящий живой воробей Мишка, подобранный мной в саду, костеневший от холода. Теперь Мишка освоился, ест хлеб и дышит через дырочку, которую я провертел в

парте перочинным ножом. С таким приятелем умирать не надо, даже уроков учить не хочется.

Скука часам к двум меня разобрала окончательно, и я начал просить маму, чтобы она отпустила меня на балаганы. Об этих балаганах в корпусе говорили много и с большим оживлением. Не быть на балаганах — это все равно что быть у папы и не видеть Рима: так заявил один старый кадет, наш приятель.

Начал приставать, мама смилостивилась, отпустила и дала абаз: так у нас в корпусе по-татарски называли двугривенный. Мама настаивала, чтобы со мной, провожатая, пошла Аннушка, но я наотрез отказался и начал стращать маму тем, что из корпуса выгонят, если увидят, что бравый кадет не может развернуться без дамской помощи.

Когда я вышел на двор, снова закутанный в башлык, я услышал, что кто-то мне вслед стучит из верхнего окна по стеклу. Поднимаю голову: Ники. Вижу, он делает такое движение рукой, которое обозначает: рад тебя видеть. У нас, как у глухонемых, была выработана особая азбука жестами. Я тоже взмахнул руками, так, что означало, что тоже страшно рад тебя видеть, и даже поплясал маленький танец. Ники с нетерпением забарабанил в стекло и начал жестами говорить: немедленно иди ко мне. Потом сделал дымное движение над головой и потянулся, — это означало: подыхаю от скуки. Я постучал себе в грудь и опять поплясал, — это означало, что мне адски весело. Ники вопросительно прошел двумя пальцами по стеклу: куда держишь путь? Я показал немедленно деда с длинной бородой, козу на ленте, курносого клоуна, намазанные щеки, —

это значило, что иду в комедию, на балаганы, и Ники сделал удивленное лицо: ничего не понял. Бедный! Он не знал, что такое комедия и что такое балаганы. Я сделал несколько шагов вперед, потом назад, потом показал пальцем на язык и лоб, — это значило: пойду и, когда вернусь, все расскажу по порядку. Ники погладил себя по волосам, — это означало, что он плачет и ему горько оставаться дома. Я приложил к глазам конец башлыка и, рыдая, вздрагивая плечами, пошел со двора, как апостол Петр после отречения.

В те времена, в дворцовой атмосфере, я уже начал отдавать себе отчет в том, что такое я и что такое он. Я понимал, что между мною и им — неизмеримая разница, но благоговения у меня к нему никакого не было. Я понимал, что перед ним расстилаются все блага мира, кроме одного — кроме свободы. Я вот, маленький и никому, кроме мамы, не нужный кадет, пойду сейчас по Невскому, с таким удовольствием буду отдавать честь офицерам и втайне ждать, чтобы побольше было генералов: так приятно чувствовать себя служилым человеком, у которого есть уже серьезные государственные обязанности и которого за нарушение оных запрут часика на два в холодную. Так приятно вытянуться в струнку перед генералом и о поручике подумать: «Ерунда» — просто шлепок к козырьку и никаких фронтов.

Выхожу из ворот и сам думаю: «Бедный Никенька, сидит, как мой воробей в парте, никуда не пускают, почему? Ну кто тронет нас, кому мы нужны?»

Снова вижу Хоменко, подхожу к нему, становлюсь во фронт, держу руку у козырька и спрашиваю:

— Ваше превосходительство, разрешите узнать, как пройти на балаганы?

Хоменко тоже отковыривает мне и со всей вежливостью показывает рукой:

— Вот пойдете все прямо, господин кадет, на палочку надет, и потом свернете вправо, и лучше всего, если спросите у городского. А от мамыши разрешение имеете?

— Так точно, имею.

— С Богом по морозцу.

И я не иду, я стрелой лечу, пропуская даже генералов, — так влечет меня на крылатых, морозом подкованных ногах чудесная жизнь.

БАЛАГАНЫ

Император Александр Третий был очень остроумный человек. Многие из его резолюций сделались классическими. Известен случай, когда в каком-то волостном правлении какой-то мужик наплевал на его портрет. Дела об оскорблении Величества разбирались в окружных судах, и приговор обязательно доводился до сведения Государя. Так было и в данном случае. Мужика-оскорбителя приговорили к шести месяцам тюрьмы и довели об этом до сведения Императора. Александр Третий гомерически расхохотался, а когда он расхохатывался, то это было слышно на весь дворец.

— Как! — кричал Государь. — Он наплевал на мой портрет, и я же за это буду еще кормить его шесть месяцев? Вы с ума сошли, господа. Пусть идет

на все четыре стороны и скажите, что я в свою очередь плевать на него хотел. И делу конец. Вот еще невидаль!

Арестовали по какому-то политическому делу писательницу Цебрикову и сообщили об этом Государю. И Государь на бумаге изволил начертать следующую резолюцию:

— Отпустите старую дуру!

Весь Петербург, включая сюда и ультрареволюционный, хохотал до слез. Карьера г-жи Цебриковой была в корень уничтожена, с горя Цебрикова уехала в Ставрополь-Кавказский и года два не могла прийти в себя от «оскорбления», вызывая улыбки у всех, кто знал эту историю.

Это был на редкость веселый и простой человек: он с нами, детьми, играл в снежки, учил нас пилить дрова, помогал делать снежных баб, но за шалости крепко «дирывал» за уши. Однажды мы с Ники забрались в Аничковом саду на деревья и плевали на проходящих по Невскому проспекту. Обоим от будущего Александра Третьего был дёр, отеческий и справедливый.

Я отвлекся в сторону вот по какому поводу. До сих пор понять не могу, почему в царствование именно этого Государя, который сам так любил и посмеяться, и пошутить, и самое главное, понимал и ценил шутку, — почему именно в его царствование были воспрещены так называемые масленичные балаганы? И вообще не могу понять, почему, например, и в Париже отошли в область преданий и карнавал, и жирный вторник? И Петербург, и Париж очень много потеря-

ли в своем художественном облике от этих запретов.

Боже мой, как я, маленький кадетик, веселился тогда на этом гулянье! «С пылу, с жару, пятак за пару». — «С гусачком». — Я прежде всего отведал действительно обжигавших пирожков. Никакие блюда царской кухни не могли ублажить моего вкуса, как эти собственноручно купленные пирожки около малафеевского балагана!

Дед, кривлявшийся на параде, кричал мне:

— Кадет, не доедай до конца, оставь балалаешнику кусочек! Не дай душе протянуть ноги от голода. Потешь деда-весельчака-а! Дай дыхнуть!

И вытирал катившиеся фальшивые слюни.

И какие-то купцы в необъятных енотах, и купчихи в бархатных бурнусах, и полотеры (полотера сразу видно по усам), и мальчишки в бараньих тулупчиках, и девки в очаровательных кокетливых платочках (самый прелестный головной женский убор: недаром его так теперь оценили щеголихи на здешнем Лазурном берегу), — все в один голос кричали мне:

— Кадет, оставь дедушке, потешь старого!

Я оставил полпирожка и протянул его деду. Дед был высоко, на верхнем помосте, и какой-то полотер выхватил у меня из руки пирог, полез по столбу с флагом и победоносно вручил его деду.

— Спасибо, внучек, пожалел деда, не оставил. Заходи на представление, гостём будешь, потешу душеньку. Эх, купец, чего смотришь? Последуй примеру, отвали на полуштоф, будет весь обед готов.

Дед говорил в рифму, подплясывал, прыгал от мороза, помахивал платочком, подмигивал девкам и все время тренькал на балалайке.

В самом балагане было волшебство: ломались на трапециях, глотали дым, пропускали шпаги в живот и представляли прекрасную магометанку, умирающую на гробе своего мужа. Магометанка была действительно на загляденье, умирала с холодным лицом, но долго. Зато купчихи плакали и быстро вытирали слезы, чтобы не замерзли. Купцы крепились и нюхали табак, не чихая. Когда привели пойманного разбойника, полотеры кричали со стоячих мест:

— Бей его по скуле, сукинова сына!

И я смотрел на полотеров с тайной благодарностью.

Посреди балагана горела огромная печь, весело потрескивали березовые дрова, дымок был ароматен, и тепло шло от него живительное, не хотелось уходить, сидел бы до вечера. Потом магометанка танцевала с бубном и била им по коленке.

А когда я вышел из балагана, то воздух уже посинел, сгустился, на горизонте обозначился молоденький месяц в прозрачных пеленках, горели костры, пришлось выпить сбитня и требовать, чтобы продавец наливал стакан до краев.

Полотеры, улегшись брюхом на санки, слетали с гор, и усы у них от лета превращались в снежных мышей. На верху гор с победоносным клеткотом трепетали флаги. Шум стоял, как на ярмарке, играли органы и какие-то флейтисты, ходившие цугом. И вдруг показалось видение, погубившее меня: это

был бородатый мужик в белом фартуке, продавец воздушных шариков.

На тоненькой веревке он держал гроздь цветных шаров, покачивавшихся в воздухе. Это было так волшебно красиво, что у меня захолонуло дыхание. Они были такой нежной прозрачности и чистоты, что обладание одним из них казалось недоступным достижением. Каждый из них должен был стоить самое меньшее сто рублей. Тем более что мужик смотрел на меня и на народ с убийственным презрением. Он был прав, творец и обладатель шаров. Будь я на его месте, я бы не продал никому ни одного шара. Как можно расстаться с таким чудом? Эти шары были прелестным дополнением к углубленному голубому небу, к молоденькому ребенку-месяцу, казалось: они именно для него, для месяца, и были принесены сюда. И потом, им, голеньким, так, вероятно, холодно на таком морозе, когда от всех, даже от башлыка, валит пар. Все исчезло для меня, даже шум, даже музыка. Я ослеп и оглох. Если бы презрительный мужик сказал мне: «Кадет сними сапоги, я дам тебе за них шар», я бы не задумался ни на одну минуту. Так меня поразили эти, в первый раз увиденные, воздушные шары. Впечатление было так велико и так запечатлелось в душе, что я и теперь, через шестьдесят лет, смотрю на эти шары с волнительным умилением. Тогда же я ходил за мужиком след в след, как ученик ходит за пророком.

И вдруг к мужику подходит купец. От купца идет пар, как из бани. Купец грубым голосом спрашивает:

— Борода, почем шары?

Мой мужик отвечает хрипло:

— Пара семь копеек, один — пятак.

До сих пор я слышу ярославское «я» в слове «пятак».

Купец отходит и недовольно говорит:

— Цену знаешь, прохвост!

«А меня обдало жаром. Как? Не сто рублей, а пятак, простой пятак? Где же мои пятаки? Лезу в один карман, в другой — пропали, исчезли мои пятаки. Боже мой, где же пятаки? Неужели я все прожил без остатка, дурак, осел, неразумная скотина? Я был так закутан, что искать, пробиваться в карманы было нелегким делом. От меня валил пар, как от купца, нос не держал слезоточивости, и какой-то проходящий сказал:

— Сопли растеряешь, кадет.

Но я так далек был от всяческих оскорблений!

Меня прошиб пот как после малины, я готов был сбросить башлык, казавшийся пеклом, горчичником. Я поочередно вынимал из кармана драгоценный билет в балаган, свинчатку, подозрную трубу с красным стеклом, янтарный мундштук, корм для воробья, бенгальские спички, конфету, о которой я давно забыл, — все, все! Пятак оказался в правом кармане шинели, — там, где ему и быть надлежало, просто от волнения я не мог его как следует нащупать. Все свои поиски я производил, ни на минуту не оставляя следов моего мужика.

Поддержнув носом, я зашел к нему с лица и, вероятно, побледнев, протягивая толстый пятак с широким николаевским вензелем, повелительно сказал:

— Давай шар!

Мужик ответил:

— Какой тебе?

Опять задача. Мужик смотрит презрительно.

— Красный! Нет, синенький! Нет, вот тот!

— Лиловый, что ли?

— Нет, красный.

— Ты, как девчонка, кадет, — говорит мужик сердито, отцепляя шар. — Сам не знаешь, что твоя душа требует.

И красный шар очутился в моей руке. Я не чувствовал ни оскорблений, ни мороза, впившегося в мою руку. Шар был невесом. От спускающейся темноты он тоже потемнел, стал рубиновым, как на мамином кольце, но плывет за мной вслед, как воздушная собачка, хочет вырваться из пальцев, но шалишь, брат, теперь я тебя не отпущу, теперь ты мой, навеки.

И первый раз в жизни я тогда понял, что такое счастье, полное человеческое счастье. Я хотел узнать у мужика его адрес, чтобы, когда буду генералом, осыпать его деньгами и заставить работать только для меня и моих детей. Мужик жил бы в теплой бане, и Аннушка носила бы ему обед, а я приходил бы за шарами. Шары были бы всюду, трепетали по воздуху, очаровательно шуршали бы в руках и ласкали взор.

Не замечая окончательно сгущавшейся темноты, ни огней Невского проспекта, ни медленно крутившегося с неба крепко замороженного снега, ни скользкости панели, ни генералов, ни простых офицеров, ни всей этой презренной земной жизни, — я машинально шел вперед и очнулся только лишь тогда, когда увидел четырех чугунных коней.

Ага! Значит, сворачивать направо. Направо был дворец с вьевшимся в стены снегом. Прибавилось холоду от Фонтанки. Мелькали красноватые лампы в живорыбных садках. Лошади напирала слева, справа, я слышал их басистое и парное дыхание и шелест полозьев, и была одна только мысль: «Как бы голодная лошадь не съела шар».

Я сам бы съел его с удовольствием: такой он был вкусный и располагающий.

Наконец, прицепившись к солидному господину в глубоких калошах, я перешел дорогу и, не помня никаких препятствий, проник к родной матери.

Шар не поразил ни маму, ни Аннушку — тем хуже для них.

Но меня он не то что поссорил, но как-то разлучил с Императором Николаем Вторым на всю жизнь, и он в Севастополе мне об этом напомнил.

ССОРА

Подошел вечер, глаза слипались, надо было спать. А глаза не переставали смотреть на этот волшебный, не от мира сего шарик. Зная, что со сном не вот-то поборешься, чувствуя линии ослабевающих, как после гимнастики, мускулов (особенно сдавали ноги), я решил, что если со злом сна и земного забвения бороться немыслимо, то шара своего я во всяком случае из рук ни за какие деньги не выпущу. Я сплю, пусть и он спит. Накручу нитку на палец, улягусь на спину, и так вместе проведем ночь. Но Аннушка, пришедшая делать постель, заявила:

— Ночи не выдержит ваш шар. Лопнет.

— Как лопнет? — воскликнул я.

— Очень просто, как лопаются шары. Его нужно на холодный воздух. Тогда он продышит еще день.

Завязался спор, в котором я атаковал Аннушку, как своего злейшего врага, но увы! Пришла мамочка и со свойственным ей авторитетом заявила, что Аннушка права и что шар нужно выставить на вольный воздух. Шар, как все прекрасное, недолговечен. Надо спасти его, — и дрожащими руками я передал шар Аннушке, чтобы она выставила его в кухне за окно и прицепила бы попрочнее. Аннушка равнодушно, как обыкновенную вещь, схватила его своими заскорузлыми пальцами и вынесла из комнаты. Мне хотелось плакать, кричать, бежать вслед, но я был бос, раздет и боялся маминого скандала.

Вздыхнув, я завалился на подушки и сразу увидел какую-то зеленую прямую линию, которая шла через весь Петербург. Потом дед чавкал мой пирожок, потом я подержал черного кота за хвост, потом кто-то шумно вздохнул около меня и я, как топор, начал спускаться на дно: вода была теплая и приятная, и мне было приятно знать, что я теперь не кадет. Потом бухали молотом какие-то часы, и я съежился от ужаса, думая, что вот зазвонит на вставанье корпусной визгливый колокольчик. Но колокольчик не зазвонил, а раздался голос все той же Аннушки:

— Пора вставать, а ваш шарик уже по саду гуляет.

— Что ты наворачиваешь? — сердито сказал я. — Мой шарик привязан к окну.

— Был, да сплыл.

Во мне все оборвалось.

— Как так? Что ты несешь?

— Да вот уж и так. Никенька прислал солдата и взял шарик.

— Как так взял? Кто же его дал?

— А я дала. Пусть побегает.

— Дура! Ты отдала мой шар?

— А что ж он его съест, что ли? Побегает и принесет.

Я понял, что миру наступил конец.

— Он царенок, Никенька-то, — заметила Аннушка.

Меня трясла лихорадка. Я не помнил, как сами собой натягивались мои штаны и левый сапог влезал на правую ногу. Руки тряслись, пальцы не попадали в петли. Мысль была одна: спасти шар, спасти какой бы то ни было ценой, пока не поздно.

Как сумасшедший, выбежал я в сад без шинели. Ничего не замечал: ни адского холода, ни снега, валившегося мне за ворот, ни скользкости пути. Была одна сумасшедшая мысль: где Ники? Что с шаром? Чувствовал одно: Ники — мой злейший враг. Все остальное: старая дружба, дворец, то ощущение разницы, которое у меня начинало уже образовываться («Правда, что ты учился с Великими Князьями?») — все вылетело из головы...

И вдруг оно где-то между деревьев мелькнуло, цветное пятно. Как стрела, пущенная из лука, я бросился туда. Ники, заведя меня, со смехом бросился наутек. О, этот прелестный, шаловливый, почти девчоночий смех! У нас в корпусе был один кадет с таким же смехом, и всегда при нем я вспоминал Ники. Но сейчас это был смех злейшего вра-

га. Я двинулся со всей поспешностью за ним, чтобы отнять свой шар. Но Ники (он был слегка косолапенький), как зайчонок, юлил по всему саду с невероятной ловкостью. Вот-вот уже схватил его за шиворот, — ан нет: он уже метнулся вокруг дерева и увильнул.

— Отдай шар! — кричал я. — Не твой шар!

— Теперь мой, не возьмешь, — отвечал Ники, и прелестное цветное пятно туманилось у меня перед глазами.

— Ты не смеешь трогать мой шар!

— Мне его Аннушка дала. Знать тебя не знаю.

Долетев до катка, Ники с шиком прокатился на подошвах, я тем же аллюром за ним, но в волнении не выдержал равновесия и брякнулся на четвереньки. И опять рассыпался в воздухе девчоночий смех, Ники был уже далеко и кричал:

— Не можешь на подошвах прокатиться, медведь. Ни за что меня не словишь.

Опять новая заноза в самолюбии. И опять новый завод, новая пружина в теле... Опять понеслись по саду. Закрутились вокруг дерева: я — направо, он — налево, поди ухвати. Вижу перед собой только веселые, бесконечные смеющиеся глаза, бархатные и лучистые. Досада меня разбирает все больше и больше — решил лечь костями, но отнять шар, ни с чем в саду не сливающийся, но придающий красоту каждой точке, около которой он появляется. Дерево кажется другим деревом, каток — другим катком, и сам Ники кажется мне другим — неизвестным мне мальчиком. И тень очаровательного цвета иногда скользит у него по лицу и делает его еще прелестнее и нежнее.

На Ники напал хохотун, серебром этого звонкого смеха полон весь зимний, с крепким, как сахар, снегом сад. С удовольствием, как выздоровление, я чувствовал, что моя первоначальная злость переходит в доброе и благожелательное чувство: так приятно, в крепких сапогах и чувствуя усиленное тепло в теле, бегать, скользить, ловчиться с растопыренными руками, звонко рычать и смехом отвечать на смех. И вдруг случилось долгожданное. Ники поднял руки в знак сдачи.

— Отдаю шар, — сказал он и с поднятыми руками, как парламентар, пошел навстречу.

С сердца сваливался камень. Сейчас мое сокровище будет всецело принадлежать мне. Я уже протянул жадные руки. Ники поднес шар к самому моему носу и вдруг выпустил нитку из рук, и шар мгновенно вознесся к самой вершине сада.

— Лови свой шар! — крикнул Ники со смехом и опять пустился бежать. Но тут силы мои утроились, к ногам приросли воздушные крылья, я сделал какой-то невероятный скачок, настиг, повалил его, смеющегося до хохота и совершенно от этого бесильного, и начал ему «насыпать по первое число». От хохота, от смешных слез его у меня все больше поднималось сердце и все большей силой наливалась рука. Я лупил его по чем попадая, но, очевидно, теплый тулупчик поглощал мою силу и только щекотал бока Ники.

— Ты смотри, кровь пойдет, узнают, обоим влетит, — сказал наконец Ники, и я отпустил его, и сам, как нюня, заплакал по шару. Мы оба начали смотреть в небо, забегали в места, с которых повиднее, — увы! Ничего не было видно. Шар улетел. На

меня сваливалось горе, тяжелая тоска, при которой жизнь теряет всякий интерес и начинается апатия.

Показался Данилович в длинном сюртуке и вызвал Ники. Ники сказал потихоньку: «Холера», и послушно, наклоняясь вперед, побежал. Я со своим горем остался один в мире. Конечно, шары есть, но, во-первых, кто пустит на балаганы еще раз, а во-вторых, где найдешь нужные средства?

Дома рассказал все маме. Мама посмеялась и сказала, что завтра у меня будет два шара. Это меня успокоило, и чтобы победить мучительность ожидания, я раненько залег спать, и проснувшись утром, увидел, что к кровати привязаны два шара: красный и зеленый. И опять комната, которую я так хорошо знал, показалась мне новой, интересной, и жизнь — радостной и полной. Я был счастлив и чувствовал в сердце прилив доброты. Меня мучили сомнения: уж не слишком ли я вчера ополчился на старого друга Ники?

В комнату вошла Аннушка и объявила мне:

— На кухню прислан солдат и говорит, что Никенька ждет тебя на катке. И Жоржик тоже.

Дворцовая прислуга, надо сказать, всю Великокняжескую семью звала запросто: «цари». «Цари пошли ко всенощной. Цари фрыштикают». А маленьких Великих Князей, как в помещицкой семье, звали просто по именам и всегда ласково: «Никенька, Жорженька». Конечно, за глаза. Прислуга, как я теперь понимаю, любила семью не только за страх, но и за совесть. И вообще, подбор прислуги был удивительный, служивший «у царей» из рода в род. Старики были ворчуны, вроде чеховского Фирса,

которые, не стесняясь, говорили «царям» домашние истины прямо в глаза...

Оставив шары под надежным прикрытием, я быстро сбежал в сад. Там на катке уже суетились разбурлявшиеся Ники и Жоржик. Было весело, светло, уютно. Каток я знал как свои пять пальцев. Он был большой, с разветвлениями, с особыми заездами, походил на серебристый паркетный пол.

В самый разгар катанья Ники вдруг сказал:

— А вот по той дорожке ты не проскочишь.

— Почему это так? — гордо, с обидчивостью спросил я.

— А потому! — уклончиво и с загадочной улыбкой ответил Ники.

Это задело меня за живое.

— Ты хоть и кадет (этому званию он завидовал искренно), а не проедешь, — сказал еще раз Ники.

— Что за чушь? Почему это не проеду? — опять гордо ответил я, прицеливаясь глазом на «необыкновенную» дорожку.

— А вот не проедешь.

Я, ничтоже сумняшеся, стал на изготовку, прищурил глаз, разбежался и... ахнул в яму. И с испугу, от неожиданности, заорал, конечно.

Как на грех, в это время проходил на пилку дров отец Ники, Великий Князь Александр. Услышав мой крик, он поспешил к катку, вытянул меня из ямы, стряхнул снег с моей шинели, вытер мне лицо, как сейчас помню, необыкновенно душистым и нежным платком.

Лицо его было сплошное удивление.

— Что это? Откуда яма? Кто допустил?!

Теперь догадываюсь, что у него промелькнула мысль: не было ли здесь покушения на детей?

Но Ники снова схватил хохотун, и он, приседая, чистосердечно объяснил отцу все: как я вчера поколотил его за шар и как он мне сегодня отомстил.

Великий Князь строго все выслушал и необыкновенно суровым голосом сказал:

— Как? Он тебя поколотил, а ты ответил западней? Ты — не мой сын. Ты — не Романов. Расскажу дедушке. Пусть он рассудит.

— Но я драться не мог, — оправдывался Ники, — у меня был хохотун.

— Этого я слушать не хочу. И нечего на хохотуна сваливать. На бой ты должен отвечать боем, а не волчьими ямами. Фуй. Не мой сын.

— Я — твой сын! Я хочу быть твоим сыном! — заревел вдруг Ники.

— Если бы ты был мой сын, — ответил Великий Князь, — то давно бы уже попросил у Володи прощения.

Ники подошел ко мне, угрюмо протянул руку и сказал:

— Прости, что я тебя не лупил. В другой раз буду лупить.

Вечером от имени Ники мне принесли шаров пятнадцать, целую гроздь. Счастью моему не было конца, но история, вероятно, имела свое продолжение, которого я так до встречи в Севастополе и не знал.

И только теперь, через множество лет, стоя со мной на царской севастопольской ветке, Император Николай Второй намекнул мне, шутя, об этом...

Выслушав признание Императора, я, что называется, внутренне заерзал. Многое в моей жизни непонятное стало вдруг освещаться. «Он никогда мне этого не простил», — думал я.

Вдруг Император сказал:

— У вас утомленный вид. Надо бы полечиться, отдохнуть...

Я ответил, что собираюсь, уже отпуск — в кармане, и через неделю еду на кавказские группы.

Государь протянул руку и как-то просто, по-солдатски, сказал:

— Счастливо!

И поднялся в вагон, легко спружинив руками. И вдруг с площадки повернулся и сказал мне в темноту:

— Да! Если будешь в Тифлисе, передай от меня поклон князю Орлову.

И скрылся. А я чуть не грохнулся на тырс от этого дружеского, прежнего, детского, забытого «ты».

ЖИЗНЬ И УЧЕНИЕ

В рассказе о случае с воздушным шариком я отклонился в сторону и теперь начну по порядку излагать историю нашей совместной жизни с Великим Князем Николаем Александровичем и совместном учении.

Теперь, по исходе лет, мне кажется, что его отец, будущий Император Александр Третий (которого я считаю Государем гениальным), понимал, что детей своих не нужно особенно отдалять от земли

и делать из них небожителей. Он понимал, что небожительство придет само собой, в свое время, а пока суд да дело, нужно, чтобы они потоптались в обыкновенной земной жизни. Тепличные растения — непрочны. И потому на меня, на обыкновенного шалуна и забияку, он смотрел благосклонным глазом и прощал мне многие штуки. Я был представитель той простой, обыкновенной жизни, которую ведут миллионы его подданных, и, очевидно, по его плану нужно было, чтобы этой обыкновенной жизни причастился будущий хозяин жизни, а пока что — его маленький сын.

Я же, по совести сказать, не отдавал себе отчета в том великом счастье, которое мне выпало на долю. Больше: я просто тяготился той невероятно скучной и монотонной жизнью, которую мне пришлось вести в золоченых стенах великолепного дворца. Ну что толку из того, что к утреннему завтраку нам подавался чай, кофе и шоколад с горами масла и яиц, и все это — на каких-то особенных, чудесных блюдах? Ты мне дай краюху хлеба, которую я заверну в карман и потом на Псковской улице буду по кусочкам щипать и отправлять в рот. Тогда я почувствую этот очаровательный святой запах в меру зажаренной корки и дам себе счастье, как у Гомера, насладиться пищей. А то вот мы встали, все трое, кто хватил того, кто — другое, все спешат, глотают не жуя, несмотря на все запреты и замечания, и у всех — одна только мысль: поскорее в сад, на вольный воздух, поноситься друг за другом в погоне, устроить борьбу и по возможности и чехарду, которую Ники обожал. Другое, что он обожал,

Великая Княгиня Мария Федоровна
с будущим Императором Николаем II,
1873

это — следить за полетом птиц. Через многие десятки лет я и теперь не могу забыть его совершенно очаровательного личика, задумчивого и как-то мрачно тревожного, когда он поднимал кверху свои нежные, невинные и какие-то святые глаза и смотрел, как ласточки или какие-нибудь другие птицы вычерчивают в небе свой полет. Я это так любил, что иногда обращался с просьбой:

— Ники, посмотри на птиц!

И тогда он, конечно, не смотрел, а в смущении делался обыкновенным мальчишкой и старался сделать мне «салазки».

Он очень любил изображение Божией Матери, эту нежность руки, объявшей Младенца, и всегда завидовал брату, что его зовут Георгием, потому что у него такой красивый святой, убивающий змея и спасающий царскую дочь.

— Вот так и я бы спас нашу Ксеньюшку, если бы на нее напал змей, — говаривал часто маленький Великий Князь, — а то что же мой святой старик, и притом сердитый?

Он раз даже позондировал у моей мамы почву, нельзя ли ему перестать быть Николаем и быть Георгием.

— Ну что ж? — говорил он в ответ на возражения мамы. — Мы будем два Георгия: один большой, другой — маленький.

Он отлично понимал, что я — счастливее его, потому что моя мама — всегда со мной, а его мама видит его только два раза в день, утром да вечером, в постели.

Он обожал свою мать. Впрочем, обожал ее и я. Да и не знаю, кто ее не обожал? Вот это было божество

в полном значении этого слова. Я, дурак, мальчишка, лишался слов в ее присутствии. Я разевал рот и, застыв, смотрел на нее в божественном восторге. Она часто снилась мне, всегда с черным веером, каких потом я никогда не видел. Иногда и теперь я вижу этот прекрасный, раз в году повторяющийся сон, и все тот же страусовый веер, — и тогда я счастлив целую неделю, забывая и старость, и чужбину, и дикую неуютную жизнь.

Как это бывало?

Обыкновенно часов в одиннадцать утра, среди занятий, раздавался с четвертого этажа звонок. Все радостно вздрагивали. Все знали, что это звонит мамочка. Тут Ники гордо взглядывал на меня: «его мамочка». Мгновенно все мы летели к лифту и сами старались ухватить веревку. Достигнув четвертого этажа, на котором жила Августейшая Чета, мы через Блюдный зал, знакомой дорогой летели, кто скорей, в «ее» будуар. Сейчас же начинались поцелуи и расспросы:

— Ну, как спали? Что во сне видели? Боженьку видели?

Начинались обстоятельные, вперебивку, доклады, при которых всегда, со скрытно-радостным лицом, присутствовал и отец.

Дети рвались к матери, грелись у ее теплоты, не хотели оторваться, — но увы! Официальное время шло, и родителям нужно было уезжать к деду, в Зимний дворец, где они проведут потом целый день, до поздней ночи. Я потом слышал, что Наследник потому так упорно ездил в Зимний на целый день, что боялся, что отец, Александр Второй, даст конституцию. Мы этого тогда не знали, но

знали, что перед расставанием нас ждет огромное удовольствие. И это удовольствие наступало: Великая Княгиня всех по очереди катала нас вокруг комнаты на шлейфе своего платья. Это была постоянная дань за расставание. И, покатавшись, обласканные на целый день, мы снова спускались на свою половину к мрачным книгам и тетрадам.

Детская половина состояла из приемной, гостиной, столовой, игровой и так называемой опочивальни, в которой стояло три кровати. Была еще комната мисс Брент, англичанки, которая занималась воспитанием Великой Княжны Ксении, которая к нам, мужчинам, никогда никакого отношения не имела. В игровой комнате был песок, качели, кольца, всяческие игрушки. Кровати в спальне были особенные, с мудростью, без подушек (что на первых порах меня убивало), были невероятной упругости матрацы с валиками в головах. Был умывальник с проточной водой. Ванны не было, и купались дети у матери, на четвертом этаже. Я — у себя дома.

Занятия сперва захватили Великого Князя. Мир тетрадок, которые ему казались сокровищами, которые жалко пачкать чернилами, сначала мир очаровательных и таких, в сущности, простых книг, как «Родное слово», с картинками, от которых нельзя оторваться. В особенности занимала его картинка «Вместе тесно, а врозь скучно» и серый воздушный шар. Совершенно очаровало его стихотворение «Румяной зарею». Не знаю, то ли уютный ритм этих строф, то ли самые картины утра, выраженные в стихе, но он все просил маму, чтобы она читала, и, когда она читала, он благоговейно

шевелил губенками, повторяя слова. И опять его больше всего завораживала фраза: «Гусей караваны несутся к лугам». Я, признаться, не понимал этого, но чувствовал, что это — интересно, как-то возвышенно, что это — какой-то другой склад, мне не доступный, и вот по этой линии я инстинктивно чувствовал его какое-то превосходство надо мной. Мне было смешно, когда он думал, что эта книга — только одна на свете и только у него, что у других не может быть таких прекрасных книг, а я знал, что таких книг хоть завались и стоят они по двадцать пять копеек, а он не верил и совсем не знал, что такое двадцать пять копеек. Я ему иногда показывал деньги и говорил, что вот на этот медный кружок можно купить великолепную свинчатку, и он не понимал, что такое купить, а променять свинчатку на скучный медный кружок считал безумием.

Он только тогда согласился писать в тетрадке, когда мама показала их целую гору в запасе. У него было необыкновенное уважение к бумаге: писал он палочки страшно старательно, пыхтя и сопя, а иногда и потея, и всегда подкладывал под ладонь промокательную бумагу. Часто бегал мыть руки, хотя тут, пожалуй, была предлогом волшебной лившаяся из стены вода. Его писанье было девически чисто, и тетради эти мать потом благоговейно хранила. Не знаю теперь, где они, кому достались и кто их бережет.

Учение начиналось ровно в девять. Уроки были по 50 минут, десять минут — перемена. Вне урока рисовали огромного папу и маленькую маму с зонтиком. Иногда на уроках бывал Великий Князь

Георгий: этот только смотрел, слушал, вздыхал и норовил, как бы поскорее выбрать такой промежуток, чтобы поскорей стрельнуть из комнаты в сад. И мы смотрели ему вслед с искренней завистью. По стенам бегают зайчики, в саду простор, улица аппетитно шумит: улица — недоступный, запретный, какой-то особенный, удивительный, для счастливых, свободных людей мир.

Что же, признаться, скучно было во дворце жить. Великим Князьям было все равно: они в этом родились, свободы не знали и жили, как будто так и быть должно. Но я был птицей вольной, я знал, что такое свет Божий, что такое наслаждение дружбы, отваги, вольной игры, в которой каждый волен изобретать свои вариации, комбинации... Я знал, что такое сирень за забором или манящее яблоко. Я знал, что такое марафет, купленный по дорогой цене, за копейку, я знал восхитительное свойство денег, приближающих к вам очаровательные вещи, я знал запах дикой бузины и как из нее делать пушки, а из сочной арбузной корки — звонкие зарядалки. Я знал, как в сирени искать счастье, я знал мечтательность и загадочность счастья, а они? Они все имели уже при рождении.

Меня потрясло рождение Великого Князя Михаила. Однажды нам таинственно объявили, что родился братец. Там, наверху, на четвертом этаже родился братец. Что за братец? Какой братец? Мы знали только то, что наверх нас давно уже не пускали, и катанье на шлейфе кончилось, и маму никак нельзя видеть. Начиналась полная заброшенность. Великие Князья приуныли, осиротели, и Ники часто спрашивал:

— Мамочка больна?

Ему отвечали, что нет, не больна, но ее нельзя сейчас видеть, ей некогда, дедушка задерживает, уезжает рано и приезжает поздно. Дети как-то осунулись, потускнели, стали плохо есть, плохо спать. Жоржик плакал по ночам, и Ники, подбежав к кровати голыми ножками, трогательно успокаивал его, утешал и говорил:

— Гусей караваны несутся к лугам...

Ложился с ним в кроватку и вместе засыпал. Вообще, Ники не мог съесть конфетки, не поделившись...

И вдруг:

— Братец! Новый братец! На кого похож?

— Когда же мы его увидим?

— А вот погодите, придет срок.

Началось ожидание. Дворец притих, Аннушка ходила неузнаваемая, не глядя на людей, зажигала у своих образов красные страстные свечи.

И вдруг как-то нас всех позвали в неурочную минуту из сада, после завтрака или по окончании обеда. Была какая-то взволнованность и особое тревожное внимание к Великим Князьям. Как-то особенно тщательно осматривали их костюмчики, их причесочки, заново прошлись гребешком по проборчикам, заставили экстренно вымыть руки, вычистили ногти и потом как-то скомандовали:

— Ну, а теперь к маме, смотреть нового братца.

Взяли и меня.

И вот мы вошли в спальню Цесаревны. С подушки на нас смотрело милое, знакомое, улыбающееся, отстрадавшее лицо, счастливое. Ничего общего с той, что уезжала к дедушке, такой одетой и

причесанной, не было. Лежала обыкновенная, как все, мама, которой вовсе не надо каждый день ездить во дворец. А около нее стояла колыбелька, и в колыбельке лежал толстенный ребенок, спавший. Все в нем было новое: и кожа на лице, и ручки, и маленькие пальчики, и какие-то особенные, неуловимые волосики. И все было в смешных морщинках.

Но самое главное — около него на особом столике, вровень с колыбелью, лежала какая-то толстая, тяжелая цепь.

Я спросил, что это за цепь.

И мне ответили:

— Это — Андрей Первозванный.

ДРУЖБА

Когда начались занятия моей матери с Великим Князем Николаем Александровичем и когда мы только что переехали на жительство в Аничков дворец, — мама моя больше всего боялась (и теперь я считаю это совершенно естественным), как сложатся мои отношения с детьми, но все же российскими Великими Князьями самой, так сказать, большой ветви. В далеком, но все-таки несомненном будущем Великий Князь Николай Александрович — сначала Наследник престола, а затем, если Бог соизволит, и Император всея Руси, Царь Польский и Великий Князь Финляндский. Конечно, теперешний Наследник престола Великий Князь Александр Александрович — богатырь и рассчитан минимум на сто лет жизни (в моем тогдашнем воображении «не мал человек, под потолок ростом»), но все под Богом ходим, и надо брать вещи так, как

они суть. И поэтому мать ночей не спала и мне не давала, все уча меня, как надо быть почтительным к царским мальчикам, как быть сугубо осторожным в обращении с ними и в особенности, как нужно их титуловать.

— Обязательно называй «Вашим Высочеством» и никак не Ники или Жоржик, а Николай Александрович и Георгий Александрович и обязательно на «вы». Это — дети царские, считай счастьем, это папочка умолил... — и так далее, и так далее...

И я чувствовал, как у меня к сердцу подступает, что называется, неизбывная тоска. Это мне, человеку с Псковской улицы, ходить с накрахмаленной душой, быть вечно на страже собственных слов, следить за каждым своим движением и жестом! И потом: какие они Великие Князья? Такие же мальчишки, как и я, только у богатого отца, — вот и все. У них отец есть, а у меня, бедного, нет: вот и вся разница. Я — сирота, они нет. В этом их счастье. Так почему же мне думать о каких-то «Высочествах», когда они так же, как и я, ходят, бегают, разговаривают, едят, спят и так же, как и я, врут маме насчет больного живота, когда урока не выучил, или что палец болит, когда писать не хочется? И, как говорят французы, я ходил со смертью в душе. Мне было скучно и тоскливо, и в саду я старался отделяться от них. Пусть я играю здесь, а «Их Высочества» — там. Так проще и для языка — удобнее. И не нужно о чем-то думать, к чему-то приспособляться.

И вот однажды в зимний день я что-то делал в саду и вижу: прямо на меня, в одном сюртуке, идет действительно Великий и благоговейно уважае-

мый, без всяких предварительных наставлений, Князь Александр Александрович, подходит ко мне и спрашивает:

— Володя! А где же Ники?

Я ответил:

— Его Высочество за горой чистит снег.

Великий Князь, подумав немного, сказал:

— Слушай, Володя, для тебя Великий Князь здесь — только я один. А Ники и Жоржик — твои друзья, и ты должен звать их Ники и Жоржик. Понял?

— А мне мама велела...

— Правильно. Маму слушаться необходимо, но это я тебе разрешаю и сам с мамой поговорю. Понял?

— Понял, Ваше Высочество. А то очень скучно.

— То-то и дело, что скучно. Ну, беги к мальчикам, и играйте вместе.

Лед рухнул. С плеч скатилась гора.

Я на крыльях радости полетел к Ники, теперь моему дорогому другу и товарищу, которого тоже злило, что я называл его неуклюжим и плохо вращающимся во рту титулом. Иногда с досады он тоже и меня называл «Вашим Высочеством», и тогда я боялся матери: услышит и будет «скандал в очках», как говаривал наш ламповщик. Этот ламповщик был большим нашим общим другом, вроде Аннушки, и мы испытывали по отношению к нему самое полное доверие. Когда он, бывало, зайдет в игральную комнату заправлять лампы, — мы сейчас же к нему:

— Сидор, расскажи про войну...

И он, нарочно подольше возясь с лампами, рассказывал, и особенно наше воображение поразил переход русских войск через Дунай. Как это: переход через Дунай? И потом в саду мы изображали это так: маленький Жоржик был Дунаем, ложился на землю, а мы с Ники через него «переходили», причем Дунай, чтобы сделать трудности, шпынял нас ногой в зад. И мы тогда чем больше было трудностей, тем больше гордились и надевали медали, которые Ники уже тогда мне «жаловал», отлично понимая эту свою привилегию. Жорж не менее отлично понимал неблагодарность роли переходимого Дуная и за это выхлопатывал себе немалые привилегии, например: он был постоянным продавцом мороженого, ему принадлежала в частном порядке знаменитая столовая ложка, выбитая из пивной бутылки и о которой я в прошлый раз уже говорил.

Иногда Ники, ложась спать, когда горел только маленький ночничок, изображал низким басом:

— Сах-харно морожено, мр-р-ожено.

И тогда Жоржик вскакивал и лупил его кулачком по одеялу и требовал:

— Не смей кричать. Это я кричу.

Тогда, закрывшись в одеяло с головой, начинал я:

— Сы-ыхарно мырожено.

Жоржик подлетал ко мне и кричал:

— Замолчи! Это я кричу.

И ожесточенно барабанил по мне.

Мы с Ники закатывались со смеху, но Жорж входил в азарт, отстаивал права собственности, кричал, что никогда больше не будет Дунаем, не даст ложки даже понюхать и мы насидимся без мо-

роженного. А когда и это не действовало, начинал всерьез грозить:

— Диди скажу-у... Папе скажу-у...

— Докладчику — первый кнут, — говорил Ники.

— Пусть кнут, а я скажу.

— Ну замолчи, Володя, — начинал уступать Ники, — тебе жалую медаль.

— Какую? — спрашивал я.

— В ладонь, — отвечал Ники.

И тогда я уже от полной души говорил:

— Рад стараться, Ваше Императорское Высочество.

Тогда же Жорж смирялся, лез к Ники на кровать и начинал вести с ним переговоры о медали. Начиналась торговля.

— Сколько раз Дунаем будешь? — деловито осведомился Ники.

— Два раза буду.

— Мало два раза. Сто раз, — требовал Ники.

— Двести раз буду.

— Нет, сто.

— Сто много. Буду двести.

— Двести мало, требую сто.

— Сто, — тогда две медали.

— Ну, хорошо. Две так две. Ты маленький.

— Я маленький. Мне надо две.

— Маленькие по две не носят. Где это ты видел?

— Я видел.

— Врешь.

— Ей-Богу, не вру. Видел.

— Божиться грех, дурачок.

— Значит, жалуешь две?

— Две. Иди спать.

Жоржик счастливо вздыхал и шел к себе.

Ники вдруг что-то вспоминал, приподнимался и угрожающе говорил Жоржу:

— Но только, чтобы животом вверх лежать!

Жорж вздыхал и отвечал:

— Животом так животом. За живот третью медаль потребую. Не дашь — папе скажу.

И как по команде, все сразу засыпали, удовлетворенные, что жгучие вопросы жизни благополучно разрешены.

Время от времени во дворец приводили каких-то высокорожденных мальчиков «для принятия участия в играх Высочеств», как это на суконном языке именовалось. Мальчики эти были не чета нам, псковским, необыкновенно воспитаны, выдрессированы, отлично понимали оказанную им честь и всем от усердия шаркали ножками, даже проходящим лакеям. У них уже было и твердое и дальнзоркое представление о важности двора, и соображения карьерности, и настороженное внимание ко всему, и подмечание глаз, которое обыкновенно характеризует людей себе на уме. С переляку они и меня иногда именовали «Высочеством», понимая, что кашу маслом не испортишь, а я в порыве великодушия отводил их в сторону и тихонько, на ушко, жаловал им медали. Они шаркали ножкой и как-то по-особенному, головкой вниз, кланялись. Все почти, как на подбор, они были рыжие, и это в наших глазах их делало несимпатичными. В припадке ревности я даже выучил Великих Князей песенке, которую распевали у нас на Псковской улице:

Рыжий красного спросил:
Чем ты бороду красил?
Я не краской,
Не замазкой, —
Я на солнышке лежал,
Кверху бороду держал.

Определенного мотива этой песенки у нас не было, мы всегда пели его импровизацией, и Жоржик, надув шею, всегда брал самого низкого баса, подражая своему кумиру в церковном хоре. И вообще, у него необыкновенно были развиты подражательные способности, и он не раз морил нас со смеху.

Эти посещения рыжих мальчишек навели меня на мысль о необходимости подписать договор дружбы. Мысль была принята с большим воодушевлением. Дело было сделано так. Из новой тетради вырвали лист бумаги, и я, в подражание крови, мамиными красными чернилами написал, как мог: «Дружба на веки вечные, до гроба». Потом, памятуя, как после смерти отца мать подписывала через марку какие-то бумаги (это ослепило раз и навсегда мое воображение), я и теперь решил исполнить эту формальность. Путем долгих переговоров с Аннушкой я упросил ее купить в мелочной лавочке три марки, и Аннушка за девять копеек привезла мне три какие-то красненькие марки. Мы столбиком наклеили эти марки на договоре дружбы и потом расписались. Первым поставил свою подпись Ники и вывел ее через марку каракулями, нестигающимися линиями. Я подписался с росчерком «Володя», а Жоржику, как малограмотному, предложили поставить крест. И он поставил его с необычайной твердостью и правильностью. У него

была крепкая и уверенная рука. Он без линейки проводил совершенно и безукоризненно правильную линию — признак художественного дарования. Он рисовал чрезвычайно верно всякие предметы, особенно лошадей и собак. Детям нужна тайна, и с необыкновенными и изобретательными предосторожностями в какой-то жестяной коробочке мы зарыли договор дружбы под деревом в Аничковом саду. Потом забыли, и этот договор, быть может, и до сих пор в целости лежит на своем месте. Если не изменился пейзаж сада, я, пожалуй, и теперь бы его отыскал.

Рыжих мы не любили. Рыжие нанесли нам тяжкое оскорбление: когда Жоржик предложил им сахарного мороженого из мокрого песка, рыжие поголовно все шаркнули ножкой и отказались. Тогда мы им спели песенку про бороду: рыжие вежливо слушали и криво улыбались: фу, какие противные! Их карьера в Аничковом дворце была кончена. Когда провозглашалась угроза: «Завтра будут мальчишки», то Великие Князья с редким искусством начинали дуэт: «Не надо рыжих...» А Жоржик невпопад обмолвился:

— К чолту рыжих! — что произвело колоссальное смущение, и мама нюхала спирт.

Как чудесно и таинственно было сознавать, что неподалеку, рукой подать, в садовой земле зарыты такие сокровища, как договор дружбы и стеклянная ложка! У нас было особенное, многозначительное в присутствии других переглядывание, понятное только нам. Были особые, вроде масонских, знаки пальцами, — как-то: если я поднял большой палец мякотью к Ники, то это значило: «Дай спи-

сать задачу». Если я его поднял ногтем к нему, то это значило: «Надо произвести шум для отвлечения внимания». Мы так разработали эту систему, что иногда вели целые молчаливые беседы, как глухонемые. И это было таинственно, и прекрасно, и дружески связывающе.

ПАСХА В АНИЧКОВОМ ДВОРЦЕ

В годах 1876, 1877, 1878 и 1879 все предметы, начиная с грамоты, преподавала одна моя мать по программе для поступления в средние учебные заведения. Когда эта программа была выполнена и для дальнейших занятий был намечен генерал Данилович, была приглашена особая комиссия, которая произвела экзамен Великому Князю. Экзамен прошел блестяще (о нем я расскажу подробнее позже), и о результатах было доложено Августейшим Родителям и новому воспитателю генералу Даниловичу. Генералу же Даниловичу было предложено пригласить преподавателей по своему усмотрению, — тогда были приглашены гг. Коробкин (математика), Докучаев (русский язык), протопресвитер Бажанов (закон Божий), и забыл фамилию преподавателя географии и истории. Много позднее были приглашены преподаватели: по французскому языку — мсье Дюпперэ и немец Лякоста.

По окончании своей трудной и ответственной работы мама получила от Августейших Родителей большую бриллиантовую брошь с вензелями «АМ» и датой: 1876—1879. Это было дано при уходе матери из дворца, и это была брошь самая роскошная, но и ранее, после каждого учебного

года, Родители так же дарили маме броши бриллиантовые, но более скромные и обязательно со своими вензелями. Где-то они теперь, эти царские броши, которые когда-то хранились как семейные реликвии?

Теперь нужно вспомнить и рассказать, как Аничков дворец встречал Святую Пасху.

В Страстную Пятницу с Императорского фарфорового завода привозилась груда фарфоровых прелестных яиц различных размеров. Эти яйца предназначались для христосования со всеми служащими во дворце. Большие яйца, очень дорогие, вероятно, получали лица, близкие к Августейшей Семье. Меньшие размеры полагались персоналу, обслуживавшему дворец. Начиная с Великого Четверга церковные службы происходили как и везде, то есть вечером — двенадцать Евангелий, которых мы, дети, не достаивали: Родители слушали их до конца. На увод детей из церкви разрешение у Родителей всегда испрашивала мать, и мы, признаться, бывали рады, когда она отправлялась за занавеску. (Царская Семья была отделена от остальных молящихся особой бархатной занавесью у правого клироса. В церковь же был свободный доступ для всякого служащего при дворце.) В Пятницу был вынос Плащаницы, на котором мы обязательно присутствовали. Чин выноса, торжественный и скорбный, поражал воображение Ники, он на весь день делался скорбным и подавленным и все просил маму рассказывать, как злые первосвященники замучили доброго Спасителя. Глазенки его наливались слезами, и он часто говаривал, сжимая кулаки: «Эх, не было меня тогда там, я бы показал

им!» И ночью, оставшись одни в опочивальне, мы втроем разрабатывали планы спасения Христа. Особенно Ники ненавидел Пилата, который мог спасти Его и не спас.

Помню, я уже задремал, когда к моей постельке подошел Ники и, плача, скорбно сказал:

— Мне жалко, жалко Боженьку. За что они Его так больно?

Подскочил и Жоржик, и тоже с вопросом:

— Плавда, за что?

И до сих пор я не могу забыть его больших, возбужденных глаз.

Время до Воскресения дети переживали необычайно остро. Все время они приставали к маме с вопросами:

— Боженька уже живой, Диди? Ну скажите, Диди, что Он уже живой. Он уже ворочается в Своей могилке?

— Нет, нет. Он еще мертвый, Боженька.

И Ники начинал капризно тянуть:

— Диди... Не хочу, чтобы мертвый. Хочу, чтобы живой...

— А вот подожди. Батюшка отвалит крышку гроба, запоем: «Христос воскресе», — тогда и воскреснет Боженька...

— И расточатся врази Его? — тщательно выговаривал Ники непонятные, но твердо заученные слова.

— И расточатся врази Его, — подтверждала мать.

— Я хочу, чтобы батюшка сейчас сказал: «Христос воскресе»... Вы думаете, хорошо Ему там во

гробе? Хочу, чтобы батюшка сейчас сказал... — тянул капризно Ники, надувая губы.

— А этого нельзя. Батюшка тебя не послушается.

— А если папа скажет? Он — Великий Князь.

— И Великого Князя не послушает.

Ники задумывался и, сделав глубокую паузу, робко спрашивал:

— А дедушку послушается?

— Во-первых, дедушка этого не прикажет.

— А если я его попрошу?

— И тебя дедушка не послушается.

— Но ведь я же его любимый внук? Он сам говорил.

— Нет, я — его любимый внук, — вдруг, надувшись, басом говорил Жоржик. — Он мне тоже говорил.

Ники моментально смирялся: он никогда и ни в чем не противоречил Жоржику. И только много спустя говорил в задумчивости:

— Приедет дедушка, спросим.

На самом же деле любимицей Императора Александра Второго была маленькая Ксения. Приезжая во дворец, Император не спускал ее с колен, тетешкал и называл «моя красноносенькая красавица».

Несмотря на все недостатки воспитания, слишком оторванного от земли, теперь, с горы времен, мне это видно, что, несмотря на оторванность от живой жизни, дети оставались детьми и ничто детское им не было чуждо. Привозились самые занятные, самые драгоценные игрушки, сделанные в России и за границей, но все это занимало их вни-

мание только какой-то первый момент. Иное дело выстроить из песка домик для дедушки или из снега — крепость для защиты России, — это было свое, это было драгоценно. Каждый день летом подавалось мороженое, сделанное по драгоценным рецептам. Это имело успех, но что это было в сравнении с тем мороженым, которое мы сами делали из песка с водой? Продавцом этого мороженого был всегда, к нашей глубокой зависти, Жоржик. У него была какая-то ложка, сделанная из битой бутылки, и эта ложка, сделанная нами самими, хранилась под заветным деревом в саду, и была произнесена страшная клятва, чтобы никому, даже дедушке, не выдавать ее местопребывания.

И потому, когда я сказал, что иду сейчас в мамину квартиру, где Аннушка красит яйца, — то впечатление было такое, будто гром ударил среди ясного неба!

Что такое: красить яйца? Как это так: красить яйца? Разве можно красить яйца? И в сравнении с этим любопытством чего стоили все писанки, изготовленные на Императорском заводе?

Вываться из царских комнат не так-то легко, и тут нужен был весь опыт приснопамятной Псковской улицы, чтобы выбраться в эту сложную и трудноодолимую экспедицию. Нужно было главным образом преодолеть бдительность мамы. На наше счастье, ее через посланца вызвала к себе М. П. Флотова на четвертый этаж. И не успела еще отскрипеть веревка лифта, как мы всей компанией пробрались в заветный коридор, встретив на пути одного только Чукувера, который нес к себе

какие-то пакеты и не обратил на нас ни малейшего внимания.

Аннушка делала какую-то особенно прочную краску из лукового настоя, который разводила в глиняной миске. Вся мамина квартира пропахла луком, так что Ники даже осведомился:

— Чего это так в глаза стреляет?

Но когда он увидел, как обыкновенное белое яйцо, опущенное в миску, делается сначала бурым, а потом — красным, удивлению его не было границ. Аннушка, добрая девка, снизошла к нашим мольбам, засучила нам троим рукава, завесила грудь каждому какими-то старыми фартуками и научила искусству краски. И когда изумленный Ники увидел, как опущенное им в миску яичко выкрасилось, он покраснел от радости и изумления и воскликнул:

— Это я подарю мамочке!

Мать вернулась от Марьи Петровны, хватилась нас, безумно испугалась. Кинулись в сад — нас нет. В кухню — нас нет. Подняли всю дворню на ноги, поднялся шум, суматоха, и тут всех выручил Чукувер. Нас нашли, но в каком виде! И тут оба Великих Князя оказали бурное сопротивление: ни за что не хотели уходить из кухни Аннушки, — Жоржик даже брыкался. Разумеется, мне, как заводиловке, влетело больше всех. Влетело и Аннушке, а Аннушка огрызалась:

— Ну что ж, что царята? Дети, как и есть дети. Всякому лестно.

Забрав в руки плоды своего искусства, мы под стражей, с невероятно вымазанными руками, следовали на свою половину. Мать принимала валери-

ановые капли, услужливо поднесенные целителем Чукувером. А для нас весь мир исчез. Важно было донести целыми и не раздавить яички, предназначенные то маме, то папе, то бабушке.

Начали мыть нам руки, принесли песок, но краска так и не отмылась до самой Фоминой.

Во время христосования отец Ники вдруг потянул носом и спросил:

— Что-то ты, брат, луком пахнешь, а?

И тут заметил его неоттертые руки.

— А ну ты, Жорж? Ты, Володя?

Понюхал всех. От всех несло луком.

— В чем дело?

Мать со слезами объяснила происшествие. Александр Александрович расхохотался на весь дворец.

— Так вы малярами стали? Молодцы! А где же ваша работа?

Мы бросились в опочивальню и принесли свои узелки.

— Вот это папе, это маме, это — бабушке.

Александр Александрович развел руками.

— Вот это — молодцы, это — молодцы! Хвалю. Лучше всякого завода. Кто научил?

— Аннушка.

— Шаль Аннушке! И пятьдесят рублей денег. А вам по двугривенному. Сколько лет живу на свете — не знал, что из лука можно гнать краску!

И через несколько минут после его ухода нам принесли по новенькому двугривенному.

СЕМЬЯ

Однажды ламповщик, прихода которого мы с тайной в душе поджидали, прошел в свое обычное время со своими обычными машинами в игральную комнату. Хотя мамы с нами не было и в особой таинственности нужды тоже не было, все-таки мы с Ники показали друг другу пальцы в том их сочетании, которое значило «нужно идти к ламповщику».

Распевая искусственную песенку: та-ра-ра-ра-а! — и почему-то глядя в потолок, заложив руки за спину, я как ни в чем не бывало, вдоль стен пробираюсь в игральную. И так же запев песню без определенного мотива, собственного сочинения, следом за мной последовал Ники. Жоржа было брать опасно: по неопытности или по озорству разболтает — и тогда прощай сладчайшая тайна, которая красит жизнь! Но от наблюдательного взора Жоржа трудно было уйти. Он сначала сделал вид, будто ничего не понимает в наших демаршах и ни на что будто бы не обратил ни малейшего внимания, но, выждав время, нагрянул по нашим следам и застал нас на месте преступления.

Ламповщик, тоже таинственно оглядываясь, подальше от окна, достал из-за пазухи какую-то бумагу, сладковато и непонятно пахнущую и свернутую трубкой, и таинственно же развернул ее. Бумага не поддавалась и завертывалась углами. Ламповщик начал ее свертывать с противоположной стороны, и при этой манипуляции мелькнуло что-то нарисованное. Жоржик, уследив нарисованное, пришел немедленно в большое волнение.

— Калтинка! — с восторгом прошептал он.

— Не калтинка, а картинка, — сердито поправил его Ники, недовольный, что Жорж появился в игровой.

— Калтинка! — продолжал стоять на своем Жоржик.

Это оказался лубок довольно большего размера, изображавший в медальонах героев русско-турецкой войны. Ламповщик, водя по лоснистой поверхности лубка твердым ногтем, представил шепотом нам всех героев-генералов, и нам почему-то особенно запомнились Радецкий и Гурко (Жоржик, вызывая наше патриотическое возмущение, говорил: «Турка»). Тут же были портреты и турецких полководцев в фесках, и особенно был интересен Осман-паша. Жоржик раскрыл ротик и прошептал:

— Я хочу такую.

— Что «такую»? — сердито спросил Ники.

— Такую... Шапочку...

— Э, — сказал ламповщик, — кто в Бога верует, тому нельзя.

Посередине, в отличном от других большом медальоне, был нарисован дедушка с синими усами, и это привело Великих Князей в состояние необыкновенной гордости:

— У всех усы черные или белые, а у дедушки синие.

— Нет, — медленно вращая языком, говорил Жоржик, — у дедушки не синие...

— Как не синие? — сердился взволнованный Ники. — А это что? Конечно, синие.

— Нет, у дедушки серо-буро-малиновые, — ответил Жоржик.

И я до сих пор не могу понять, откуда и как, какими путями в затворническую головенку маленького Жоржика могла залететь эта простонародная насмешливая фраза. Где он ее подслушал и как? Повторяю еще раз, что по остроте наблюдательности Великие Князья шли далеко впереди меня.

— У меня тоже будут усы синие, — сказал Ники и от носа протянул рукой до уха, показывая величину будущих усов.

Ламповщик все с непрекращающейся таинственностью оставил нам картинку с генералами, и мы с трепещущим сердцем поняли, что наших сокровищ прибавилось.

Но как и куда спрятать ее от посторонних взоров? Я предложил проект зарыть ее в саду вместе с договором, но Ники не согласился и сказал:

— Ну как же в саду? А если ночью посмотреть захочется?

И с редкой для ребенка изобретательностью (это я теперь понимаю) предложил вовсе не прятать ее, а положить небрежно среди игрушек, как самую обыкновенную вещь.

— Мама заметит! — говорил я испуганно.

— А я тебе говорю, не заметит, — отвечал Ники и оказался прав. На картинку никто и никогда не обратил внимания.

И вот однажды приехал в Аничков дворец навестить своих внуков дедушка, Император Александр Второй. Боже! Какой это был дедушка, и какое счастье было иметь такого дедушку!

Во-первых, от него очаровательно пахло, как от цветка. Он был веселый и не надутый. В его глаза хотелось бесконечно смотреть. В этих глазах сидела

такая улыбка, за которую можно было жизнь отдать. И как он умел играть, этот милый дедушка, и какой мастер был на самые забавные выдумки! Он играл в прятки и залезал под кровать. Он становился на четвереньки и был конем, а Жоржик — ездом, и конь кричал:

— Держись тверже, опрокину!

Потом садился на стул, как-то отодвигал в сторону лампу, начинал по-особенному двигать пальцами, и по стенке начинал бегать то заяц, то горбатый монах. Мы смотрели разинув глаза и не дышали. Дедушка начинал учить нас складывать пальцы, но у нас не выходило, он вытирал с лица пот и говорил:

— Ну потом как-нибудь, в другой раз... Когда подрастете.

Он был счастлив с детьми, этот дедушка, как-то по-особенному и по-смешному умел щекотать нас за ушами и подкидывал маленькую Ксению чуть не под потолок, и она, падая ему в руки, как-то вкусно всхлипывала, смеялась и кричала:

— Еще, еще!

Император в изнеможении бросался в кресла и, как после танцев, широко обмахивался платком, а потом опять набирался сил и искал свои перчатки. Как сейчас вижу эти ослепительно белые, просторные перчатки. Император заводил два пальца в перчатку, и перчатка начинала тоненьким голосом разговаривать:

— А отчего у Жоржика вихор на затылке? А отчего у Ксеньюшки носик красненький?

И вдруг подходит к нему Жоржик, втирается меж колен и спрашивает:

— А отчего, дедушка, у тебя сегодня синих усов нет? Ты их дома оставил?

Дедушка вдруг опешил и спросил:

— Какие синие усы? Что ты, брат, выдумал?

— Ты сегодня другие усики надел? — приставал Жоржик. — Тебе синие надоели? Если надоели, подари мне. Мне очень нравятся синие усы. Я буду на тебя похож.

Император несколько мгновений с изумлением смотрел на внука.

— Ничего не понимаю, брат. Что ты тут несешь?

— Я тебя спрашиваю, где твои синие усы? — продолжал нараспев Жоржик, крутя то пуговицу, то аксельбант.

— Но, друг мой, у меня никогда синих усов не бывало, — говорил Император.

— Нет, бывало, — упорствовал Жоржик. — Я видел.

— Где ты видел?

— Я видел.

— Выдумал, братец. Во сне видел?

— Нет, не во сне. На картинке.

Мы с Ники обомлели и показали друг другу пальцы в самой замысловатой позиции, что означало: пропали.

— На какой картинке?

— На очень хорошей картинке. Хочешь, покажу?

— Ну, пожалуйста, мой друг, буду очень любопытен.

Жоржик, не взглянув на нас, медленно проследовал в игральную комнату. Ники снова шевельнул пальцами, скрючил средний, вышло: пропали!

А из игральной уже показался Жоржик с заветной картиной. Все притихли, насторожились. Я взглянул на маму и увидел, что она — краше в гроб кладут.

Жоржик медленно и неуклюже разворачивал картинку. Император ему помог, вытягивая ее углом.

Развернули, и торжествующий Жоржик сказал, показывая пальчиком:

— Видишь? Синие.

Император внимательно посмотрел и серьезно ответил:

— Ты — прав. Синие. Господа! Саша! взгляни. Усы действительно небесного цвета.

— Ха-ха-ха! А что же это вообще такое?

— Это — генералы, — храбро выступил Ники. — Всех знаем. Можете спросить.

— Ну, вот это кто?

И Ники рапортовал:

— Это Его Императорское Высочество, Великий Князь, Наследник Цесаревич Александр Александрович.

— Наш папа, — вступил Жоржик.

— А это? — экзаменовал удивленный Император.

— Это Осман-паша. Дедушка! Купи мне, пожалуйста, такую шапочку. Мне очень хочется.

— Нельзя! — ответил строго Ники. — Вера не позволяет.

— Правильно. На двенадцать баллов, — сказал Император, еще более удивленный, и, повернувшись к удивленному сыну, сказал: — Но они у тебя совершенно замечательные!..

Я торжествующе посмотрел на маму и с немалым удивлением увидел, что она как-то странно ловит ртом воздух. Бедная мамочка! Ей эти наши штуки стоили страшной болезни печени, которая и свела ее совершенно преждевременно в могилу.

— Но это же замечательно!

И поняв, что наши дела имеют успех, мы наперегонки стали рассказывать про ламповщика. И Император умиленно сказал:

— Пари держу, что это папин солдат.

И тут, забыв нас, взрослые заговорили очень оживленно, и дедушка, размахивая своим легким, как пух, платком, начал оживленно держать речь:

— Лучшими учителями детей, самыми талантливыми, были всегда папины солдаты, да-с! Не мудрствовали, никакой такой специальной педагогики, учили по букварю, а как учили! Молодец солдат! Передайте ему мое спасибо! Один такой солдат лично мне со слезами на глазах говорил однажды: где поднят русский флаг, там он никогда уже не опускается. А Ломоносов?

Мама не знала, что ей делать и за что зацепиться. Мы вдруг выбыли из центра внимания, и Жоржик подцепил дедушкины перчатки, от которых так восхитительно пахло, как от цветка. Жоржик подошел к дедушке и сказал:

— Дедушка, подари мне эти перчатки.

Дедушка не расслышал вопроса, машинально подтянул Жоржика к себе и усадил на колени. Жоржик с гордостью посмотрел на нас и весь ушел в созерцание перчаток.

И вот теперь, через такую уйму времени, я, как в двух шагах, вижу эту восхитительную сцену: Ве-

ликого Императора российского и маленького хорошенького мальчика, уютно устроившегося у него на коленях. Император не обращает на него никакого внимания, продолжает живой и, видимо, интересный разговор, а Жоржик тянется к его лицу и волосок за волоском перебирает сильно поседевшие усы. И когда Императору больно, то он отдергивает Жоржикову руку, тот выждет время и опять за свое.

Какая семья! И отчего у меня нет такого дедушки? И вообще, почему я такой неудачливый? Нет ни дедушки, ни отца: одна — мама. Я подхожу к ней, хочу приласкаться и слышу, как она дрожит мелкой лихорадкой.

ВОРОБЕЙ

Вспоминаю теперь, — это был очень интересный и памятный момент моей жизни, когда я впервые и вдруг почувствовал свое превосходство и, так сказать, взрослость над царскими детьми.

Я рассказывал, как перед Светлым Праздником мы всей компанией красили яйца в комнате Аннушки, как эти яйца в торжественный момент были после христосования поднесены Августейшим Родителям, как те пришли в восторг от трогательной детской инициативы и как за это дело Аннушке была пожалована шаль с каймой расписной, с пятьюдесятью рублями, а нам — по новенькому двугривенному.

Эти двугривенные серьезно и надолго поразили воображение маленьких Великих Князей.

— Что это такое? — надув от усердия губы, спрашивал Георгий. — Колесико?

Я разразился презрительным смехом: Боже! Не знать таких вещей и волшебный двугривенный (потом в корпусе его называли по-татарски «абазом») считать колесиком! Ха-ха-ха!

— А вот орлик, — продолжал Георгий, водя пальчиком, — а вот что-то написано по русскому языку...

— Двадцать копеек написано, вот что! — с необычайной гордостью сказал я.

— А что такое двадцать копеек? — продолжал любознательный Георгий.

— Это восемь пирожков, — объяснил я.

— Восемь пирожков? — теперь, в свою очередь, спросил Ники, тоже призадумавшийся над хорошенькой и сверкающей монеткой. — Как это восемь пирожков?

— Ну да, за нее дадут восемь пирожков или двадцать маковых, четыре карандаша черных или три карандаша красно-синих. За нее дадут шесть тетрадок и еще две копейки сдачи.

— Ты еще скажешь, и промокашку дадут? — спросил Ники, смотревший на промокательную бумагу как на вещь волшебную.

Он очень любил нарочно писать густо, с нажимом, и потом сейчас же сразу промокнуть и смотреть, как все это волшебным образом впитывалось и отпечатывалось на рыхлой розовой бумаге и все шиворот-навыворот. Между прочим, промокательная бумага тогда считалась большой редкостью, в быту больше пользовались песочком. А потом через зеркало рассматривать, как все и сразу стало на место.

— И промокашку, — подтвердил я.

— Ну, уж это ты врешь, — сказал Ники. — Спросим Диди.

— Спрашивай.

— Давай спорить!

— Давай. На что?

— Под стол лезть.

— Идет.

— Нет, — переключился Ники. — Ты отдашь мне своего воробья.

Я был уверен в результатах спора, но рискнуть воробьем даже в этом случае не решился. А вдруг, чем черт не шутит?

— На воробья спора нет, — твердо сказал я.

— Ага! — восторжествовал Ники. — Значит, врешь.

— Значит, врешь, — автоматически отозвался как всегда Жоржик.

Этого воробья я в холодный день как-то подобрал в Аничковом саду. По всей вероятности, он выпал из гнезда, беспомощно лежал на траве и, закрыв глазки, показывая белую пленку, тяжело дышал. Я тихонько взял его на ладонь и, зная правила птичьей медицины, стал на него дышать. Потом сделал ладони горсточкой, и воробьенку стало теплее, и стало похоже на гнездо.

Ники и Жоржик стояли около меня, затаив дух. Я казался им великим человеком.

— Он, может, кушать хочет? — спросил потом Ники.

— Сначала согреть, — сурово сказал я.

— Отоглеть, — машинально и автоматически повторил Жоржик.

— А потом крутое яйцо, — диктовал я линию поведения.

— Яичко, — повторил Жоржик.

Воробей лежал без движения.

— Он, может, мертвенький? — робко спросил Ники.

— Ничуть. Смотри на живот, — сурово говорил я, — видишь, как ходит туда-сюда животик?

— Вижу, — сказал вместо Ники Жоржик, поднявшийся на цыпочки.

— Надо на кухню, — вдруг сообразил я и помчался на кухню. Великие Князья — неотступно за мною.

И вот, первый раз в жизни, мы очутились в волшебном дворце огня и вкусного масляного тепла.

Кстати. Раз уже зашло дело о кухне, постараюсь рассказать, как в Аничковом дворце было поставлено дело питания. Разумеется, все эти подробности в описываемый период наших детских лет меня не интересовали, и их я узнал уже много лет спустя, офицером, из рассказов матери, которая до конца жизни не переставала интересоваться дворцом и его внутренней жизнью.

На служебных квартирах никаких кухонь не полагалось: служебный персонал дворца должен был столоваться из дворцовой же кухни на особых основаниях. Дома разрешалось только варить утренний кофе и мыть грязную посуду. Великокняжеская кухня была организована по ресторанному образцу. Во главе кухни стоял повар, француз, который там же имел квартиру. Кухня была у него на откуп, так сказать. Обеды отпускались по трем разрядам: первый разряд стоил семь рублей за обед и ужин; вто-

рой — пять рублей, и третий — три рубля. Для прислуги такса была свободная. Каждый день, как в первом классе ресторана, составлялось большое и сложное меню, написанное фиолетовыми чернилами, за которым часов в одиннадцать утра являлся сверху камер-лакей и нес его на показ к Великой Княгине Марии Федоровне. Если Великокняжеская чета завтракала у себя во дворце, то меню тут же определялось и заказ с обратным камер-лакеем спускался в кухню для своевременного исполнения. Но Великокняжеская чета очень редко кушала у себя во дворце: каждый день в одиннадцать часов утра она отправлялась в Зимний дворец и там проводила весь день у Императора-отца. Говорили, что Император требовал постоянного присутствия во дворце сына и Наследника для того, чтобы тот был в курсе государственных дел; другие говорили, что сам Александр Александрович боялся, что отец даст конституцию, и для того чтобы это предотвратить, ежедневно с утра до ночи присутствовал в Зимнем дворце. Одним словом, они сами ели у себя, в Аничковом, очень редко, и благами великокняжеской кухни пользовались обыкновенные смертные и в особом восхищении не были. Откупщик повар очень часто злоупотреблял своим положением безнаказанности (не пойдешь же жаловаться Великому Князю на кухню?) и ставил продукт не всегда доброкачественный. Разумеется, он отлично знал, что и кому. Так, М. П. Флотовой подавалась пища из котла, так сказать, великокняжеского, и тут жаловаться было, пожалуй, не на что: и количество, и качество было на одинаковой высоте, — поди не угоди Марье Петровне, которая все

время при Великой Княгине, скажет словечко между прочим, и пойдет писать губерния. А так служащий — обыкновенный, не приближенный — тот и потерпит, и деньги безропотно заплатит. Но в знак протеста многие, если представлялась возможность, шмыгали есть в ближайшие трактиры, где и свобода полная была, и почтение, и за целковый — кум королю.

Когда мы с воробьем влетели в кухню, то были все единодушно потрясены. Мне с первого абцуга показалось, что мы попали в церковь: высоченные потолки, люстры и масса духовенства в белом. Какие-то огромные чаши золотистого оттенка, серебряные ножи и, как на картинах Иорданса, туши огромных серебряных рыб (осетры), горы овощей и кровавого, почти дымящегося черкасского мяса. Что-то шипит, что-то булькает, куда-то торопится, перегоняет друг друга, пахнет ароматным русским маслом (такого нет нигде в мире), слышится артистически-музыкальный стук ножей, рубящих мясо, и первый раз слышу, какая-то командующая речь, не то русская, не то не русская, не то полурусская: это с французским акцентом, истерически и пренебрежительно командовал главный повар, он же — акционер.

— Дай графинюшку вина! — повелительно кричал он, в неопределенном направлении протягивая красную, южноволосистую руку, — и ему с царским почтением поваренок протягивал бутылку с французской надписью, и повар, как Санчо Панса, минуты две смотрел в потолок. Жара была невообразимая, нас никто не заметил, мы стояли в отдалении, разинув рот, удивляясь необычному и

невиданному зрелищу, и, вероятно, от насыщенного масляного тепла мой воробей, находившийся в руке, начал шевелиться и приходить в память. Еще немного спустя он спрятал белесоватые веки и открыл слезливо-желтенькие глазки. Великие Князья подняли радостный шум, и тут наше инкогнито было впервые открыто. В секунду весь состав кухни окружил нас самым почтительнейшим образом. Француз пришел в восхищение самое полное и начал благодарить Великих Князей за милостивое посещение.

Тогда я выступил вперед и важно заявил:

— Нам нужно крутое яйцо для питания птицы.

И сейчас же по кухне раздался миллион эх, если только так можно сказать: «Им нужно крутое яйцо... Да, крутое яйцо... Одно крутое яйцо... Для их птицы... Для великокняжеской птицы... Скорее, скорее кипяток, скорее, скорее яйцо, самое лучшее яйцо!» И тут до моего сознания в первый раз донеслась вся прелесть пребывания в Великих Князьях. Да, вот они, эти два маленьких мальчика, хозяйствуют здесь: все — для них, и все — через них, все — добро зело. Все люди, красные, в страшных накрахмаленных колпаках, вытянулись, на лицах написан восторг, и казалось, что все не знает, куда броситься. Ники под самые глаза в бархатном футляре поднесли меловито вымытое яйцо на показ и одобрение, и потом сам француз благоговейно опустил его в кастрюльку с кипятком. Ни один воробей, с самого сотворения мира, не имел пищи, приготовленной с таким умопомрачительным почетом.

— Дайте ваты! — сказал я, и откуда бы на кухне могла быть вата? Но вата, большой и пушистый

кусок, появилась немедленно и тоже не просто, а на каком-то серебряном подносе, как ключи от завоеванного города. И несмотря на весь этот почет, моя трезвая, санчопансовская голова тревожилась только об одном: как бы из всего этого приключения не получилось крупных неприятностей с головойкой, так как я не мог не понимать, что визиты на кухню никак не могли входить в программу нашей жизни. «У нас же — не как у людей», — размышлял я и рассчитывал только на то, что спасенный воробей из благодарности должен умолить Бога. Я отлично помнил слова Аннушки, однажды сказавшей:

— Если хочешь молитвы к Богу, то ни поп, ни чиновник не поможет. Проси зверя, чтоб помолился. Зверю у Бога отказу нет.

И я мысленно обратился с этой просьбой к воробью. Воробей, закутанный в вату, смотрел на пролетающих мух неодобрительно, и каковы его думы — сказать было трудно.

Мои думы о молитве были переданы по наитию Ники, и Ники вдруг сказал:

— Надо помолиться за воробушка, пусть его Боженька не берет, — мало у Него воробьев?

И мы, вообще любившие играть в церковную службу, внимательно за ней следившие, спрятавшись за широкое дерево, отслужили молебен за здоровье воробья, и воробей остался в живых. Мы поместили его на Аннушкиных антресолях и имели за ним отцовское попечение. Воробей вскорости не только пришел в себя, но и избаловался, потерял скромность, шумел, клевался, и на семейном совете мы решили даровать ему свободу и открыли ок-

но. Воробей выскочил на подоконник, понюхал осенний петербургский воздух, неодобрительно покрутил носом и важно вошел обратно в комнату. Воробей был не из дураков и отлично знал, что, глядя на зиму, лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Мы только что были на крестинах новорожденного Великого Князя Михаила Александровича и видели, как это дело делается. Решено было воробья обратить в христианскую веру. Надев скатерти на плечи, мы обмакнули его в стакан с подогретой водой и назвали воробья Иоанном. Иоанн после этого долго фыркал и был в раздражении. Я был протопресвитером, Ники — протодиаконом, Жоржик — крестным отцом, а Аннушка, дико и неуместно хохотавшая, — кумою.

ЦЕРКОВЬ ДВОРЦА. ПРИЕЗД НЯНЬ

Наша детская дворцовая жизнь текла невероятно однообразно. Я не помню ни одного хотя бы раза, когда нас, детей, взяли бы, например, в театр. Единственным нашим развлечением было посещение богослужений и летом переезд в Гатчину, на дачное житье.

Богослужения в домовой церкви Аничкова дворца совершались, как и везде: накануне праздника — всенощная, на другой день — обедня. Службы совершал, если не изменяет мне память, протопресвитер Бажанов в сослужении протодиакона. Пел уменьшенный состав императорской певческой капеллы. Всенощная начиналась в 6 часов вечера, а обедня — в 10 утра. О том, будет ли присутствовать на богослужении Августейшая

Семья, протопресвитеру сообщалось устно через гоф-курьера, и служба не должна была начинаться раньше, чем Семья не войдет в церковь. Семья входила, делала почтительный поклон священнослужителям, и только тогда раздавался бархатный бас протодиакона:

— Восстаните! Господи, благослови!

Со стороны никто в церковь не допускался, но все богослужения разрешалось посещать служащим дворца и их семействам.

Всенощные бдения под воскресные дни посещались хозяевами дворца сравнительно редко, но все службы под праздники двенадцатые выстаивались обязательно.

Дети одни, без родителей, в церковь не ходили по следующей причине: по придворным правилам, Царская Семья во время богослужений молилась на правом клиросе за особой бархатной занавесью, которая скрывала их от постороннего глаза. Одних же детей, без надзора, оставлять не полагалось. Вход же за занавеску посторонним лицам, даже моей матери, как воспитательнице, не разрешался. Тогда все маленькие сидели дома и очень огорчались: пение хора доносилось издали, а пел хор воистину по-ангельски. Потом, в каждой службе есть начало театральное — с выходами, каждением, миропомазанием, с речитативами возгласов и ектений, с освящением елея и пяти хлебов и особенно, с раздачей северных пахучих и нежно-пушистых верб: это радовало детский взор, удовлетворяло наблюдательность и пробуждало художественное и эстетическое восприятие. И потом все это было так далеко от повседневной обычной жизни, от суеты

дворца: церковные слова звучали торжественно и часто непонятно, и загадочно, и заклинательно, — все это было в полном смысле добро зело.

В Ники было что-то от ученика духовного училища. Он любил зажигать и расставлять свечи перед иконами и тщательно следил за их сгоранием; тогда он выходил из-за занавески, тушил огонек, — и огарок, чтобы не дымил, опрокидывал в отверстие подсвечника, — делал это истово, по-ктиторски, и уголком блестящего глаза посматривал на невидимого отца. Заветным его желанием было облачиться в золотой стихарик, стоять около священника посередине церкви и во время елеопомазания держать священный стаканчик.

Ники недурно знал чин служб, был музыкален и умел тактично и корректно подтягивать хору. У него была музыкальная память, и в спальней очень часто мы повторяли и «Хвалите» с басовыми раскатами, и аллилуйя, и особенно — «Ангельские силы на гробе Твоем». Если я начинал врать в своей второй, Ники с регентской суровостью, не покидая тона, всегда сурово говорил:

— Не туда едешь!

Память у него была острая, и, надев скатерть вместо ризы, он читал наизусть многие прошения из ектений и, напружинив голос до диаконского оттенка, любил гудеть:

— О Благочестивейшем, Самодержавнейшем, Великом Государе нашем... О супруге его...

А я должен был, и обязательно в тон, заканчивать:

— Господи, помилуй...

И так как протодиакон, обладатель превосходного бархатного баса и происходивший, очевидно, из какой-то северной карельской губернии, произносил «Алѣксандр», то и Ники говорил «Алѣксандр».

По окончании службы вся Семья по старшинству подходила к солее для лобызания креста, и все почтительно целовали руку протопресвитера, а протопресвитер отвечал целованием рук как у родителей, так и у детей.

Я всегда бывал в церкви, но стоял среди публики, недалеко от мамы.

По окончании обедни протодиакон выносил из алтаря большой серебряный поднос с просфорами и с уставным русским поклоном подходил к бархатной занавеске. Очевидно, по наследству от русских нянек Великие Князья просфорки называли «просвирками». Были они необычайно вкусно выпечены, башенками, с круглыми головками, на которых был выдавлен восьмиугольный крест с копьем, и тут же были ямочки от вынутых частиц. Александр-отец отламывал от головки твердо-мягкий кусочек и, съедая его на ходу, остальную просфорку отдавал какому-нибудь мальчику из публики. Я старался всегда подвернуться ему под руку и, если просфорка доставалась мне, был целый день счастлив и горд и как-то особенно чувствовал праздник.

Ники зорко следил за процедурой раздачи, и если видел, что я получил просфору от его отца, отдавал свою гоф-курьеру Березину, которого почему-то очень любил. Великая Княжна Ксения отдавала свою англичанке, при ней состоявшей.

Раздача просфор была раз навсегда установленной церемонией, за которой все прихожане строго следили.

* * *

Большую радость и удовольствие доставлял нам приезд во дворец четырех нянек-кормилиц, пестовавших и самого отца, и его детей.

Я теперь отдаю себе отчет, что при невероятной смеси кровей в Царской Семье эти мамки были, так сказать, драгоценным резервуаром русской крови, которая в виде молока вливалась в жилы романовского дома и без которой сидеть на русском престоле было бы очень трудно. Все Романовы, у которых были русские мамки, говорили по-русски с простонародным налетом. Так говорил и Александр Третий. Если он не следил за собой, то в его интонациях, как я понял впоследствии, было что-то от варламовской раскатистости. И я сам не раз слышал его «чивой-то».

Выбирались мамки из истовых крестьянских семей и по окончании своей миссии отправлялись обратно в свои деревни, но имели право приезда во дворец, во-первых, в день Ангела своего питомца, а во-вторых, к празднику Пасхи и на елку, в день Рождества.

Во дворце хранились для них парчовые сарафаны и нарядные кокошники, и было в этом что-то от русских опер, от «Снегурочки». Сначала их вели к родителям, а потом к нам, детям. И тут начинались восклицания, поцелуи, слезы, критика: «Как ты вырос, а носище-то, ногти плохо чистишь», и т. д. Александр Третий твердо знал, что его мамка любит мамуровую пастилу и специально заказывал ее на

Няня-кормилица

фабрике Блигкена и Робинсона. На Рождестве мамки обязаны были разыскивать свои подарки. И так как мамка Александра была старенькая и дряхленькая, то под дерево лез сам Александр с сигарой и раз чуть не устроил пожара. Эта нянька всегда старалась говорить на «вы», но скоро съезжала на «ты». У нее с ним были свои «секреты», и для них они усаживались на красный диван, разговаривали шепотом и иногда явно переругивались. Подслушиватели уверяли, что она его упрекала за усердие к вину, а он парировал: «Не твое дело». А она спрашивала: «А чье же?» В конце концов старуха, сжав губы, решительно и властно вставала, уходила в дальние комнаты и возвращалась оттуда со стаканом воды в руках. На дне стакана лежал уголек.

Александр начинал махать руками и кричать лакею:

— Скорей давай мохнатое полотенце, а то она мне новый сюртук испортит.

— Новый сошьешь, — сердито отвечала мамка и, набрав в рот воды, брызгала ему в лицо и, пробормотав какую-то таинственную молитву, говорила:

— Теперь тебя ничто не возьмет: ни пуля, ни кинжал, ни злой глаз.

Однажды, косясь на Государыню, он вдруг громко спросил:

— А не можешь ли ты чивой-то сделать, чтобы я свою жену в карты обыгрывал?

Старуха ему просто и ясно ответила:

— Молчи, путаник.

А в другой раз, перецеловав его лицо, руки, плечи, обняв его по-матерински за шею, она вдруг залилась горячими слезами.

— Что с тобой, мамонька? — встревожился Александр. — Чивой-то ты? Кто-нибудь тебя обидел?

Старуха отрицательно покачала головой.

— В чем же дело?

— Вспомнила, родненький, вспомнила. Одну глупость вспомнила.

— Да что вспомнила-то? — озабоченно спрашивал Александр.

— Уж и силен же ты был, батюшка, ох и силен!

— Да что я, дрался, что ль, с тобой?

— И дрался, что греха таить. А самое главное — кусался. И зубенков еще не было, а так, деснушками, как ахнешь, бывало, за сосок, аж в глаза ночь набежит.

Александр ахнул от смеха и расцеловал свою старуху, гордую и счастливую.

— Зато уж и выкормила, уж и выходила, богатырек ты мой любимый, болезный...

Эта мамка пользовалась во дворце всеобщим уважением, и не было ничего такого, чего ни сделал бы для нее Александр. Говорили, что в Ливадии на смертном одре вспомнил он о ней и сказал:

— Эх, если бы жива была старая! Вспрыснула бы с уголька, и все как рукой бы сняло. А то профессора, аптека...

...Всех этих нянек поставляла ко двору деревня, находившаяся около Ропши. Каждой кормилице полагалось: постройка избы в деревне, отличное жалованье и единовременное пособие по оконча-

нии службы. Работа была обременительная, и за все время пребывания во дворце мамка не имела права ни ездить домой, ни выходить в город.

Приезд этих нянек, повторяю, доставлял нам большое удовольствие, ибо как-то нарушал тот однообразный устав, которым была ограничена наша маленькая жизнь.

МОЕ «ВЛИЯНИЕ»

Да, конечно, дворец есть дворец, и каждое утро почтительнейший, ловчайший, с ухватками фокусника лакей, сервировал нам какао, горку твердо-ледяного сливочного, фигурно вылепленного масла и горку таких булочек, что плакать хотелось. Все это бесшумное и торжественное великолепие сначала ослепляло, но потом стало привычным и скоро приелось. Одно только и было интересно, что необыкновенно чистые, до прозрачности вымытые ногти лакея. А все остальное: ну да, булочки; ну да, масло; ну да, салфеточки; но сиди за столом по команде; не болтай ногами; не разложи локтей, как хочется; не зевни; таскайся целый день в воскресном костюме; береги глянец сапог; будь начеку к осмотрам, к внезапным ревизиям, на которых ты играешь роль отставного козы-барабанщика; вперед не забегай, в середине не мешай и сзади не отставай; потом в сад на пятнадцать минут, а в саду через стенку слышно, как шумит Невский проспект, а с ним — целый мир. Про петербургский климат много писали плохого, но когда там весна или начало осени, то рая не нужно. И вот чувствуешь, кожей ощущаешь, что простой веселый воробей попал в компанию экзотических птиц.

И разве это — счастье?

Счастье в том, чтобы зажать в ладонь, еще не выпавшуюся, мамин двугривенный и в одних трусиках пулей лететь в мелочную лавочку купца Воробьева, спуститься по сбитым ступенькам в полутемное подвальное помещение, вдохнуть очаровательный, только в России известный запах квашеной капусты, маринованной, в бочонке, сельди и толстой сахарной бумаги; купить осьмушку затвердевшего масла, бутылку новодеревенского молока и трехкопеечную марку для городского письма, — и все это донести с шиком, с разгоном, не пролить, не разбить, не потерять и потом воссесть за стол, ощутить беспокойный аппетит, уплетать, вспоминать тающий сон, мысленно разрабатывать программу дня, — и потом свобода, пыльная дорога, сады, сирень, воздух — по копейке штука, и горизонтом пахнет.

У воробья была своя жизнь, — и особенно у воробья коломенского, который живет в одноэтажном деревянном доме.

Но Александр Третий (я это понял потом) был человек умный, не набитый придворной спесью. Я потом уже узнал, что он просил, например, своего брата Алексея «сделать Ники мужчиной». И вводя в свою семью меня, он умышленно выбирал мальчишку с воли, чтобы приблизить к этой воле птиц экзотических, ибо, собираясь царствовать, собираясь управлять людьми, нужно уметь ходить по земле, нужно позволять ветрам дуть на себя, нужно иметь представление о каких-то вещах, которых в клетку не заманишь. На больших высотах дышат так, а внизу — иначе.

И вот однажды в саду, во время дружеской болтовни, Ники расспросил меня про Коломну: что такое Коломна? Где она находится и подчиняются ли дедушке тамошние люди?

Я рассказал все честно и откровенно.

— А что ты делал в Коломне? — спросил Ники.

Несмотря на дружбу, на одинаковый возраст, на склонность к шалостям, я своим детским инстинктом чувствовал снисходительное к себе отношение, как к бедному родственнику, которого пока что терпят, а потом прогонят и скоро забудут. Потом уже, в зрелые годы, я осознал свою аничковскую жизнь и понял, что тайна династий заключается в том, что они несут в себе особенную, я сказал бы — козлиную кровь. Пример: если вы возьмете самого лучшего, самого великолепного барана и поставите его во главе бараньего же стада, то рано или поздно он заведет стадо в пропасть. Козлишко же, самый плохонький, самый шелудивенький, приведет и выведет баранов на правильную дорогу. На земле много ученых, но никому в голову не приходило изучить загадку династий, козлиного водительства, ибо таковая загадка несомненно существует. И еще другое: стада человеческие, увы, имеют много общего со стадами бараньими. Я имею право сказать это, ибо едал хлеб из семидесяти печей.

И когда Ники, этот козленок, поправляя меня в пении, повелевал мне не ошибаться, он смотрел на меня такими глазами, которых я нигде не видал, и я чувствовал некоторую робость, совершенно тогда не объяснимую, как будто огонек прикасался к моей крови. И теперь этот Ники спрашивает меня же о вещах, которые я прекрасно знаю и которых он не

знает. Это был клад, с которым можно было взять реванш. Я почувствовал вдохновение и ответил:

— В Коломне я был представляльщиком.

Райский птенец был озадачен, что и требовалось доказать.

— Что такое «представляльщиком»? — спросил он.

На цирковых афишах часто пишут: «Чтобы верить, надо видеть». Эта фраза всегда ласкала мое воображение, и на этот раз я имел удовольствие ее повторить.

— Чтобы верить, надо видеть.

— Ну, где же это я увижу? — сказал жалобно Ники. — Не в саду же этом?

— В саду этом ты ничего не увидишь, — ответил я.

— Ну, покажи, Володя, покажи.

И тут я почувствовал, что бездомный, бедный воробей имеет свои преимущества.

— Я показал бы, да ты всем расскажешь.

— Никому не скажу, Володя.

— Побожись.

У нас в Коломне был такой статут: когда вам говорили: «Побожись», вы должны были гордо и презрительно ответить: «К моей ж... приложись». Но кому в голову могло прийти требовать исполнения этих статутов в дворцовой обстановке, и я ограничился только гордой и загадочной улыбкой.

— Я буду побожись, — сказал печально Ники, явно не знавший слова «божиться».

— Скажи: убей меня Бог, что не скажу.

— Убей меня Бог, что не скажу.

— Ни отцу, ни матери, ни тинь тилили, ни за веревочку.

— Ни отцу, ни матери, — и тут Ники запнулся: дальнейших хитросплетений, как я, впрочем, и ожидал, он выговорить не мог. И я гордо усмехнулся такой беспомощности.

— Ладно, — сказал я, идя на уступки. — Но помни: если обманешь, то Бог с корнем вырвет ноги. Понял?

— Понял, понял, — лепетал Ники, едва ли что-нибудь понимая.

Теперь, на склоне лет, я, вспоминая дворцовую жизнь, начинаю понимать, какой это ужас, когда ребенку вбивают в голову четыре языка, четыре синтаксиса, четыре этимологии. Какая это путаница, какая непросветная темень!

— Ну вот, — сказал я, — теперь смотри.

Я пошел за толстое дерево, сломил небольшую ветку и, опираясь на нее, как на трость, вышел, пьяно качаясь. Сделал снисходительный жест почтеннейшей публике, помахал на себя ладонью, как веером, и баском спел:

Шик, блеск, иммер элеган

И пустой карман, —

Ах, простите, госыпода,

Я сегодня пьян...

Дело в том, что в Коломну время от времени приезжал какой-то полотняный балаган, который мы звали «комедией» и куда на стоячие места нас пускали за три копейки. Я воровски экономил на маминых покупках эти три копейки, пробирался в стоячие места, садился верхом на острый забор и, не замечая страданий от этой позиции, жадно,

запоем впивался в «парфорсное» представление: Бог с младых ногтей моих благословил меня любовью к театру. Я всех знал: и шпагоглотальщика Вольдемара, и артистку шаха персидского трапезистку Мари, и трех ученых собак, и клоуна Шпильку, и куплетиста Этьена. Теперь я думаю, что в этом Этьене были какие-то проблески таланта. Я бредил им, я видел его во сне, я следил за ним, когда он в свободные минуты выходил из балагана и неизменно направлялся в трактирное заведение. Перед стойкой он делал молчаливый жест, и там уже знали, что нужно. У Этьена слезились глаза, и они казались мне самыми прекрасными в мире. У Этьена была грязная шелковая двубортная жилетка, и она казалась мне с королевского плеча. Когда он пел: «Если барин при цепочке, эфто значит без часов», — он вынимал из жилетного карманчика цепочку, и на ней действительно часов не оказывалось, — и это имело дикий успех, ибо в этом было презрение к барину.

Если барин при калошах,

Эфто значит без сапог...

В кабаке за три копейки Этьену давали маленький, зеленого толстого стекла стаканчик, и Этьен как-то особенно вкусно брал его на ладонь, долго и молча вдыхал аромат сивухи, всячески отдалял момент наслаждения и вдруг вскрикивал: «Запаливай!»

В дворцовом саду этим волшебным Этьеном был я, маленький Володя, но моя почтеннейшая публика, в лице Ники, понятия не имела, что такое «шик, блеск» и в особенности «иммер элеган» (впрочем, последнего я и сам не знал). Ники не по-

нимал символизма: «пустой карман» и что такое «пьян».

— Но у меня тоже пустой карман, — недоуменно говорил Ники, выворачивая свой карманчик.

— Да, — учительствовал я. — Карман пустой, но если ты попросишь своего папу, он тебе может двадцать копеек дать.

— А что такое двадцать копеек? — продолжал вопрошать Ники.

— Фунт карамели можно купить, — выходил я из себя.

— А что такое «пьян»?

Я прошелся по лужайке покачиваясь.

— Вот что такое «пьян», — объяснял я.

Ники тоже прошелся покачиваясь.

— И я пьян? — спросил он.

— Конечно, пьян, но ведь все это понарошке.

— Как это понарошке?

— Так, понарошке. А чтоб было всамделишнее, нужно водку пить.

— Какую водку?

— Так, горькая вода есть такая.

— А зачем же пить горькую воду?

— Чтобы «запаливать».

— А ты пил?

— Нет.

— Почему?

— Потому что мама выдерет.

— А-а... — с почтением протянул Ники, потому что он знал, что такое «выдерет».

Дружеская беседа затянулась. Перешли на самую соблазнительную вещь: табак.

— А ты пробововал курить? — спросил Ники.

Я почувствовал ошибку в слове «пробовать», но смолчал и ответил:

— Пробововал.

— Ну и что же?

— Да ничего.

— Мне страшно покурить хочется, — сказал Ники.

— А вот сопри у отца папирос, и покурим.

Весь дворец знал, что турецкий султан прислал Александру несколько картонов папирос, но все они были заперты под замок. Пришлось посушить на солнце лопух и тонко нарезать его ниточками. Потом догадались набрать окурков в пепельнице, крошили их в газетную бумагу, сворачивали, но выходило плохо: один конец толстый, другой — тонкий. Но это уже было опасно. Нюхали друг друга изо рта, не пахнет ли табаком? И потом по коломенскому рецепту жевали сухой чай. Это отбивало запах. И если Император Николай Второй был исправным курильщиком, то в этом были и мои семена.

Шалун он был большой и обаятельный, но на расправу — жидок. Я был влюблен в него, что называется, по-институтски: не было ничего, в чем бы я мог отказать ему. И когда Александр ловил нас в преступлениях, я всегда умолял его:

— Ники — не виноват.

— Ты не виноват? — спросил однажды Александр.

— Я не виноват, — ответил Ники, прямо глядя в глаза.

— Ах, ты не виноват? — рассердился Александр. — Так вот, это тебе лично, а это — за Володю.

— Почему за Володю? — со слезами спрашивал Ники, почесывая ниже спины.

— Потому что Володя за других не прячется. Володя — мальчик, а ты — девчонка.

— Я не девчонка, — заревел Ники. — Я мальчик.

— Ну-ну, не реви, — ответил отец и в утешение дал нам по новенькому четвертаку.

Вспоминаю, как иногда, выезжая, например, в театр, родители заходили к нам прощаться. В те времена была мода на длинные шлейфы, и Мария Федоровна обязана была покатасть нас всех на шлейфе и всегда начинала с меня. Я теперь понимаю, какая это была огромная деликатность — и как все вообще было невероятно деликатно в этой очаровательной и простой семье.

И потому я горько плакал, когда прочитал, что Николай Второй записал в своем предсмертном дневнике: «Кругом — трусость и измена». Но... этого нужно было ожидать.

Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы...

**ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
ОБ ИМПЕРАТОРЕ
НИКОЛАЕ II
И ЕГО СЕМЬЕ**

2
ЧАСТЬ

МОИ ПЕРВЫЕ УРОКИ ПРИ ДВОРЕ

(осень 1905 года)

Осенью 1904 года я принял сделанное мне предложение провести год в качестве преподавателя французского языка при герцоге Сергии Лейхтенбергском.

Отец моего ученика, герцог Георгий Лейхтенбергский был внуком Евгения Богарне; по своей матери, Великой Княгине Марии Николаевне, дочери Николая I, он приходился дядей Императору Николаю II.

Семья проживала в это время в своем маленьком имении на побережье Черного моря, где и осталась на всю зиму. Там захватили их печальные события весны 1905 года, и там мы пережили трагические часы бунтов в Черноморском флоте, бомбардировки побережья, погромов и последовавшей за ними суровой расправы. С самого начала Россия являлась предо мною в ужасном, полном угроз образе, как бы предваряя ожидавшие меня ужасы и страдания.

В начале июня семья переехала на прекрасную Сергиевскую дачу в Петергофе, которая принадлежала герцогу. Контраст был разительный: сухое побережье южного Крыма, маленькие татарские деревушки, скрытые в горах, и пыльные кипарисы сменились огромными сосновыми лесами и очаровательною свежестью берегов Финского залива.

Петергоф был любимым местом пребывания его основателя, Петра Великого. Туда приезжал он отдыхать от суровых трудов по постройке С.-Петербургa, этого города, который возник как бы по волшебному мановению его, на болотах при устье Невы, и которому суждено было соперничать с европейскими столицами.

Все в Петергофе напоминает его основателя. Прежде всего Марли, которое он сделал на время своей резиденцией, — «домик», поставленный среди воды на полоске земли, которая разделяет два больших бассейна. Далее, близ залива, Эрмитаж, где он любил угощать своих сотрудников на пирах, сопровождавшихся обильными возлияниями. Монплеизир — постройка в голландском вкусе, которая была его любимым местопребыванием, со своей террасой, выдающейся над морем: нельзя не подивиться тому, как этот континентальный человек любил воду! Наконец, Большой дворец, который своими бассейнами и прекрасными далями своего парка должен был, по его замыслу, соперничать с великолепием Версаля.

Все эти постройки, за исключением Большого дворца, которым пользовались еще для приемов, представляли вид заброшенных и пустых сооружений, которым только память прошлого возвращала жизнь.

Император Николай II разделял предпочтение своих предков к очаровательному местечку, каким является Петергоф. Каждое лето он приезжал сюда со своими и поселялся на маленькой даче — Александрии, окруженной тенистым парком, который охраняет ее от нескромных взоров.

Семья герцога Лейхтенбергского провела все лето 1905 года в Петергофе. Сообщения между Александрией и Сергиевской дачей были часты, потому что тесная дружба связывала тогда Императрицу и герцогиню Лейхтенбергскую. Таким образом я имел иногда случай видеть членов императорской семьи. Когда истек мой договор, мне предложили остаться при моем ученике в качестве наставника, а также взять на себя преподавание французского языка Великим Княжнам Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне, старшим дочерям Императора Николая II. Я принял предложение и после краткого пребывания в Швейцарии вернулся в Петергоф в первых числах сентября. Несколько недель спустя я вступил в отправление своих новых обязанностей при дворе.

В день, назначенный для первого урока, за мной приехала дворцовая карета, чтобы отвезти меня на дачу Александрию, где еще имели пребывание Государь и его семья. Но несмотря на ливрейного кучера, карету с придворными гербами и приказания, которые, наверное, были отданы на мой счет, я на своем опыте узнал, что в резиденцию Их Величеств нельзя проникнуть без затруднений. Я был остановлен у ограды парка, и потребовалось несколько минут переговоров, прежде чем мне разрешили въезд. На повороте аллеи я тотчас же заметил две небольшие кирпичные постройки, соединенные крытым мостом. Они были такие простые на вид, что я принял их за дворцовые службы. Только когда карета остановилась, я понял, что прибыл по назначению.

Меня провели во второй этаж, в маленькую комнату с очень скромной обстановкой в английском вкусе. Дверь отворилась, и вошла Императрица, держа за руку двух дочерей, Ольгу и Татьяну. Сказав несколько любезных слов, она заняла место за столом и сделала мне знак сесть против нее; дети поместились по обе стороны.

Императрица была еще очень хороша в это время: высокого роста, стройная, с великолепно поставленной головой. Но все это было ничто в сравнении со взглядом ее серо-голубых глаз, поразительно живых, отражавших все волнения ее животрепещущей души.

Старшая из Великих Княжон, Ольга, девочка десяти лет, очень белокурая, с глазками, полными лукавого огонька, с приподнятым слегка носиком, рассматривала меня с выражением, в котором, казалось, было желание с первой же минуты отыскать слабое место, — но от этого ребенка веяло чистотой и правдивостью, которые сразу привлекали к нему симпатии.

Вторая, Татьяна, восьми с половиной лет, с каштановыми волосами, была красивее своей сестры, но производила впечатление менее открытой, искренней и непосредственной натуры.

Урок начинается; я озадачен; меня стесняет сама простота положения, которое я иначе себе воображал. Императрица не упускает ни одного моего слова; у меня совершенно ясное чувство, что это не урок, который я даю, а экзамен, которому я подвергаюсь. Несоответствие между тем, чего я ожидал, и действительностью сбивает меня. К довершению несчастья, я представлял себе, что мои ученицы

прошли гораздо больше, чем оказалось на деле. Я выбрал несколько упражнений: они оказываются слишком трудными. Моя подготовка к уроку мне не в помощь, приходится импровизировать, изворачиваться... Наконец, к большому моему облегчению, звон часов положил предел моему испытанию.

В течение следующих недель Императрица регулярно присутствовала на уроках детей, видимо интересуясь ими. Ей часто приходилось, когда ее дочери оставляли нас, обсуждать со мною приемы и методы преподавания живых языков, и я всегда поражался здравым смыслом и проницательностью ее суждений.

Я сохранил от этого начала своей преподавательской деятельности воспоминание об одном уроке, который происходил за день или за два до обнародования манифеста 17 октября 1905 года. Императрица заняла в этот день место в кресле подле окна; она сразу произвела на меня впечатление отсутствующей и озабоченной; ее лицо, вопреки ее желанию, выдавало волнение ее души. Она делала видимые усилия, чтобы обратить свое внимание в нашу сторону, но вскоре впала в тягостную задумчивость, которая ее целиком поглотила. Ее вышиванье покоилось на ее коленях; она скрестила руки, взгляд ее, как будто устремленный внутрь, следил за мыслями, равнодушный к окружающему... Обыкновенно по окончании часа я закрывал книгу и ожидал, пока Императрица не встанет и не отпустит меня. Но на этот раз она до того погрузилась в созерцание, что несмотря на молчание, которое обозначало конец наших занятий, она не сдела-

ла никакого движения. Минуты шли, дети выражали нетерпение; я раскрыл свою книгу и возобновил чтение. Лишь через четверть часа одна из Великих Княжон подошла к матери и вернула ее к сознанию действительности.

Через несколько месяцев Императрица заместила себя на моих уроках одной из своих фрейлин, княжною Оболенской. Она как бы обозначала этим конец испытанию, которому меня подвергла.

Я должен признаться, что эта перемена облегчила меня; я лучше чувствовал себя в присутствии княжны Оболенской; последняя помогала мне с большим рвением. Но от первых месяцев я сохранил совершенно отчетливое воспоминание о крайнем интересе, с каким Императрица относилась к воспитанию и обучению своих детей, как мать, всецело преданная своему долгу. Вместо высокомерной, холодной Царицы, о которой мне столько говорили, я к величайшему удивлению нашел женщину, просто преданную своим материнским обязанностям.

В это время по некоторым признакам я мог также отдать себе отчет в том, что сдержанность ее, на которую столь многие обижались и которая вызывала против нее столько враждебных чувств, была, скорее, последствием природной застенчивости и как бы маской ее чувствительности.

Одна подробность особенно ясно обнаруживает заботу о точности, которую Императрица вносила в свое попечение о дочерях, и свидетельствует также о внимательности, которую она хотела внушить им к их наставникам, требуя от них порядка, который составляет первое условие вежливости. Пока она

Императрица Александра Федоровна.
Царское Село, 1906

Великие Княжны Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия.
Петергоф, сентябрь 1906

присутствовала на моих уроках, я всегда при входе находил книги и тетради, старательно расположенными на столе перед местом каждой из моих учениц. Меня никогда не заставили ждать ни одной минуты. Впоследствии дело не всегда так обстояло.

К моим первым ученицам, Ольге и Татьяне, последовательно присоединялись, когда им наступал девятый год, сначала Мария, в 1907-ом, а потом Анастасия, в 1909 годах*.

Здоровье Императрицы было уже поколеблено беспокойством в связи с угрозой, висевшей над жизнью Цесаревича. Это все больше мешало ей следить за учением дочерей. Тогда я еще не представлял себе, какова была истинная причина ее кажущегося равнодушия, и расположен был ставить это ей в упрек. События не замедлили объяснить мне, в чем дело.

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. — ПОЕЗДКИ В КРЫМ

(осенью 1911 г. и весной 1912 г.) И В СПАЛУ (осенью 1912 г.)

Царская семья проводила обыкновенно зиму в Царском Селе, красивом городке, дачном месте, километрах в 20-ти на юг от Петрограда. Он расположен на возвышенности, верхняя часть которой занята Большим дворцом, любимым местом пребывания Екатерины II. Неподалеку от него, в парке, прорезанном маленькими искусственными озерами, возвышается полускрытая деревьями

* В 1909 г. мои обязанности наставника при герцоге Сергии Лейхтенбергском закончились. С тех пор я мог посвящать больше времени моим урокам при дворе.

постройка гораздо более скромная — Александровский дворец. Император Николай II сделал из него свою обычную резиденцию после трагических событий января 1905 года.

Император и Императрица жили в одном из дворцовых флигелей, внизу, а их дети в следующем этаже, над ними. В среднем корпусе помещались парадные покои, а противоположный флигель был занят некоторыми лицами свиты. В этих рамках, которые вполне отвечали ее скромным вкусам, жила Царская Семья.

Там в феврале 1906 года я увидел в первый раз Цесаревича Алексея Николаевича, которому было тогда полтора года. Вот при каких обстоятельствах это произошло. В этот день я по обыкновению прибыл в Александровский дворец, куда мои обязанности призывали меня несколько раз в неделю. Я уже готовился кончить свой урок с Ольгой Николаевной, когда вошла Императрица с Великим Князем Наследником на руках. Она шла к нам с очевидным намерением показать мне сына, которого я еще не знал. На лице ее сияла радость матери, которая увидела наконец осуществление самой заветной своей мечты. Чувствовалось, что она горда и счастлива красотой своего ребенка. И на самом деле, Цесаревич был в то время самым дивным ребенком, о каком только можно мечтать, со своими чудными белокурыми кудрями и большими серо-голубыми глазами, оттененными длинными загнутыми ресницами. У него был свежий и розовый цвет лица здорового ребенка, и когда он улыбался, на его круглых щеках вырисовывались две ямочки. Когда я подошел к нему, он посмотрел на меня серьезно

Наследник Цесаревич Алексей.
На палубе яхты «Штандарт», 1907

и застенчиво и лишь с большим трудом решился протянуть мне свою маленькую ручку.

Во время этой первой встречи я несколько раз видел, как Императрица прижимала Цесаревича к себе нежным жестом матери, которая как будто всегда дрожит за жизнь своего ребенка; но у нее эта ласка и сопровождавший ее взгляд обнаруживали так ясно и так сильно скрытое беспокойство, что я был уже тогда поражен этим. Лишь много времени спустя мне пришлось понять его значение.

В последующие годы я все чаще имел случай видеть Алексея Николаевича, который убегал от своего матроса и прибегал в классную своих сестер, куда за ним тотчас приходили. Иногда, однако, эти посещения внезапно прекращались, и в течение довольно долгого времени его не бывало видно. Каждый раз такие отсутствия вызывали у всех обитателей дворца глубоко подавленное настроение, и мои ученицы тщетно старались скрыть свою печаль. Когда я задавал им вопросы, они старались на них не отвечать и говорили уклончиво, что Алексей Николаевич недомогает. С другой стороны, я знал, что он подвержен болезни, о которой говорили иносказательно и сущность которой никто не в состоянии был мне объяснить.

Как я выше заметил, начиная с 1909 года я был освобожден от обязанностей наставника герцога Сергея Лейхтенбергского и мог больше времени посвящать Великим Княжнам. Я жил в Петербурге и пять раз в неделю приезжал в Царское Село. Хотя число моих уроков значительно увеличилось, успехи моих учениц были медленны, — тем более, что Царская Семья совершала поездки в Крым на несколько

месяцев. Я все более сожалел, что им не брали французской гувернантки, и, когда они возвращались, всегда замечал, что они многое забывали. Девушка Тютчева*, их русская гувернантка, несмотря на свою большую преданность и прекрасное знание языков, не могла всюду поспеть. Чтобы заполнить этот пробел, Императрица просила меня сопровождать Царскую Семью, когда она покидала Царское Село на продолжительное время.

В первый раз я поехал в Крым при этих условиях осенью 1911 года. Я жил на маленькой даче в Ялте с моим коллегой г. Петровым, преподавателем русского языка, которого равным образом пригласили продолжать свое преподавание; каждый день мы ездили в Ливадию давать уроки.

Этот образ жизни нам очень нравился, потому что вне наших занятий мы были совершенно свободны и могли наслаждаться прекрасным климатом русской Ривьеры, не связанные церемониалом придворной жизни.

Весной следующего года Царская Семья снова провела несколько месяцев в Крыму. Нас поместили, г. Петрова и меня, в маленьком павильоне Ливадийского парка, мы обедали вместе с несколькими офицерами и придворными чиновниками; лишь свита и некоторые приезжие приглашались на завтрак к столу Царской Семьи; вечерние обеды происходили в интимном кругу.

Однако через несколько дней после нашего приезда, желая, как я впоследствии узнал, отметить особым знаком внимания уважение к тем, кому она

* Внучка известного поэта.

доверяла воспитание своих детей, Императрица пригласила нас через гофмаршала к Императорскому столу.

Я был очень тронут чувством, внушившим этот жест, но эти трапезы были связаны для нас, особенно вначале, с довольно утомительной напряженностью, хотя придворный этикет в обычные дни не был слишком требователен.

Мои ученицы также, видимо, скучали за этими длинными завтраками, и мы с удовольствием встречались в классной, чтобы возобновить наше дневное чтение в условиях полной простоты. Я довольно мало видал Алексея Николаевича. Он почти всегда завтракал с Императрицею, которая всего чаще оставалась у себя.

Мы вернулись 10 июня в Царское Село, и немного спустя Царская Семья переехала в Петергоф, откуда она уезжала каждое лето, чтобы совершать обычное плавание на яхте «Штандарт» в финские шхеры.

В начале сентября 1912 года Царская Семья отправилась в Беловежскую Пушу *, где она пробыла две недели, потом в Спалу **, в Польшу, для более продолжительного пребывания. Туда я приехал в конце сентября, вместе с г. Петровым. Немного спустя после моего приезда Императрица изъявила мне желание, чтобы я начал занятия с Алексеем Николаевичем. Я дал ему первый урок 2 октября в

* Императорская охота в Гродненской губернии. Это единственное, кроме Кавказа, место, где встречаются зубры — европейские бизоны, сохранившиеся в огромных лесах.

** Древняя охота польских королей.

присутствии его матери. Ребенок которому было в то время восемь с половиной лет, не знал ни слова по-французски, и я наткнулся вначале на серьезные трудности. Моя преподавательская деятельность вскоре прервалась, потому что Алексей Николаевич, который с самого начала показался мне недомогающим, должен был лечь в постель. Когда мы приехали с моим коллегой, мы оба были поражены бледностью ребенка, а также тем, что его носили, как будто он не способен был ходить*. Значит, недуг, которым он страдал, без сомнения, усилился...

Несколько дней спустя, стали шепотом говорить, что его состояние внушает живейшее беспокойство и что из Петербурга вызваны профессора Раухфус и Федоров. Жизнь, однако, продолжалась по-прежнему; одна охота следовала за другой, и приглашенных было больше, чем когда либо... Однажды вечером, после обеда, Великие Княжны Мария и Анастасия Николаевны разыграли в столовой, в присутствии Их Величеств, свиты и нескольких приглашенных, две небольшие сцены из пьесы Мольера «Мещанин во дворянстве». Исполняя обязанности суфлера, я спрятался за ширмы, заменявшие кулисы. Немного наклонившись, я мог наблюдать в первом ряду зрителей Императрицу — оживленную и улыбающуюся в разговоре со своими соседями.

* Обычно ребенка носил боцман Деревенко, бывший матрос императорской яхты «Штандарт». Он был приставлен к нему несколько лет перед тем.

Когда представление кончилось, я вышел внутренней дверью в коридор перед комнатой Алексея Николаевича. До моего слуха ясно доносились его стоны. Внезапно я увидел перед собой Императрицу, которая приближалась бегом, придерживая в спешке обеими руками длинное платье, которое ей мешало. Я прижался к стене, и она прошла рядом со мной, не заметив меня. Лицо ее было взволновано и отражало острое беспокойство. Я вернулся в залу; там царило оживление, лакеи в ливреях обносили блюда с прохладительными угощениями; все смеялись, шутили, вечер был в разгаре. Через несколько минут Императрица вернулась; она снова надела свою маску и старалась улыбаться тем, кто толпился перед нею. Но я заметил, что Государь, продолжая разговаривать, занял такое место, откуда мог наблюдать за дверью, и я схватил налету отчаянный взгляд, который Императрица ему бросила на пороге. Час спустя я вернулся к себе, еще глубоко взволнованный этой сценой, которая внезапно раскрыла предо мною драму этого двойного существования.

Хотя состояние больного еще ухудшилось, однако по внешности в образе жизни не было перемен. Только Императрица показывалась все меньше и меньше; но Государь, подавляя свое беспокойство, продолжал охотиться, и каждый вечер к обеду являлись обычные гости.

17 октября* прибыл наконец из Петербурга профессор Федоров. Я видел его на минуту вече-

* Числа указаны как здесь, так и в других местах книги, по новому стилю.

ром; у него был очень озабоченный вид. На следующий день были именины Алексея Николаевича. Этот день был отмечен только богослужением. Следуя примеру Их Величеств, все старались скрыть свою тревогу.

19 октября жар еще усилился: 38,7° утром, 39° вечером. Императрица вызвала профессора Федорова среди обеда. В воскресенье, 20 октября, положение еще ухудшилось. За завтраком было, однако, несколько приглашенных. Наконец на следующий день, когда температура дошла до 39,6° и сердце стало очень слабо, граф Фредерикс испросил разрешения Государя публиковать бюллетени о здоровье: первый бюллетень был в тот же вечер послан в Петербург. Значит, потребовалось вмешательство министра двора, чтобы решились открыто признать серьезность положения Цесаревича.

Почему Император и Императрица подвергали себя столь ужасному принуждению? Зачем, раз у них было только одно желание — быть подле своего больного ребенка, они заставляли себя показываться, с улыбкой на устах, среди своих гостей? Дело в том, что они не хотели, чтобы стало известно, какой болезнью страдает Великий Князь Наследник. Я понял, что эта болезнь в их глазах имела значение Государственной тайны.

Утром 22 октября температура у ребенка была 39,1°. Однако к полудню боли понемногу утихли, и доктора могли приступить к более полному обследованию больного, который до сих пор не позволял этого вследствие невыносимых страданий, которые он претерпевал.

В три часа дня был отслужен молебен в лесу; на нем присутствовало множество соседних крестьян.

С кануна этого дня стали служить по два раза в день молебны об исцелении Великого Князя Наследника. Так как в Спале не было храма, то с начала нашего пребывания в парке поставили палатку с маленькой походной церковью. Там теперь и утром и вечером служил священник.

Прошло еще несколько дней, в течение которых острая тревога сжимала все сердца. Наконец наступил кризис, и ребенок начал выздоравливать, но это выздоровление было медленное, и несмотря на все, чувствовалось, что беспокойство еще продолжается. Так как состояние больного требовало постоянного и очень опытного наблюдения, профессор Федоров выписал из Петербурга одного из своих молодых ассистентов, хирурга Владимира Деревенко*, который с этого времени остался состоять при ребенке.

В печати того времени много говорилось о болезни Цесаревича; по этому поводу ходили самые фантастические рассказы. Лично я узнал истину лишь позднее, из уст доктора Деревенко. Кризис был вызван падением Алексея Николаевича в Беловеже: выходя из маленькой лодки, он стукнулся левым бедром об ее край, и удар вызвал довольно обильное внутреннее кровоизлияние. Ребенок был уже на пути к выздоровлению, когда в Спале недостаточная осторожность внезапно осложнила его состояние. У него образовалась кровеносная опу-

* Он носил ту же фамилию, что и боцман Деревенко, о котором была выше речь; отсюда постоянные недоразумения.

холь в паху, которая угрожала перейти в тяжкое заражение крови.

16 ноября, когда опасность повторения стала менее угрожающей, ребенка перевезли с бесконечными предосторожностями из Спалы в Царское Село, где семья провела зиму.

Состояние здоровья Алексея Николаевича требовало постоянного и очень специального медицинского ухода: Болезнь в Спале вызвала временное омертвление нервов левой ноги, которая отчасти утратила свою чувствительность и оставалась согнутой — ребенок не мог ее вытянуть. Потребовалось лечение массажем и применение ортопедического аппарата, который постепенно вернул ногу в нормальное состояние. Нечего говорить, что при таких обстоятельствах я не мог помышлять о возобновлении занятий с Наследником Цесаревичем. Такое положение продолжилось до летних вакаций 1913 года.

Я имел обыкновение каждое лето возвращаться в Швейцарию; в этом году Императрица дала мне знать за несколько дней до моего отъезда, что она намерена по моем возвращении доверить мне обязанности наставника Алексея Николаевича. Это известие преисполнило меня одновременно радости и страха. Я был очень счастлив доверию, которое мне оказывали, но боялся ответственности, ложившейся на меня. Я чувствовал, однако, что не имею права уклониться от тяжелой задачи, которая мне предстояла, раз обстоятельства позволяли мне, быть может, оказать непосредственное влияние, как бы оно ни было мало, на духовное развитие то-

Императрица Александра Федоровна с сыном.
На борту яхты «Штандарт», 1912

го, кому придется в свое время быть монархом одного из величайших Государств Европы.

МОИ ПЕРВЫЕ ШАГИ В КАЧЕСТВЕ НАСТАВНИКА

БОЛЕЗНЬ ЦЕСАРЕВИЧА (август 1913 г.)

Я вернулся в Петербург в конце августа. Царская Семья была в Крыму. Я зашел в канцелярию Ее Величества, чтобы ознакомиться с последними распоряжениями, и уехал в Ливадию, куда прибыл 3 сентября. Я нашел Алексея Николаевича побледневшим и похудевшим. Он еще очень плохо себя чувствовал. Его заставляли принимать очень горячие грязевые ванны, сильно его ослаблявшие и предписанные докторами, дабы уничтожить последние остатки его заболевания, явившегося результатом упомянутого выше случая в Спале.

Я ожидал, что буду позван к Императрице и от нее получу точные указания и распоряжения. Но она оставалась невидима, не присутствовала даже за столом. Она только просила мне передать через Татьяну Николаевну, что во время прохождения курса лечения последовательные занятия с Алексеем Николаевичем невозможны. Чтобы ребенок мог ко мне привыкнуть, она меня просила сопровождать его во всех прогулках и проводить около него возможно больше времени.

Тогда у меня произошел длинный разговор с доктором Деревенко. Он мне сообщил, что Наследник Цесаревич болен гемофилией (кровоточивостью), наследственной болезнью, в известных семьях передающейся из поколения в поколение через женщин детям мужского пола. Ей подвержены

только мужчины. Он объяснил мне, что малейшая царапина могла повлечь за собой смерть ребенка, так как кровообращение гемофилика ненормально. Кроме того, оболочка артерий и вен так хрупка, что всякий ушиб, усиленное движение или напряжение вызывают разрыв сосудов и приводят к роковому концу. Вот какова была ужасная болезнь, которой страдал Алексей Николаевич; постоянная угроза жизни висела над его головой: падение, кровотечение из носа, простой порез — все, что для обыкновенного ребенка было бы пустяком, могло быть для него смертельно.

Его нужно было окружать особым уходом и заботами в первые годы его жизни и постоянной бдительностью стараться предупреждать всякую случайность. Вот почему к нему по предписанию врачей были приставлены, в качестве телохранителей, два матроса с императорской яхты: боцман Деревенко и его помощник Нагорный, которые по очереди должны были за ним следить.

Когда я приступил к моим новым обязанностям, мне было не так-то легко завязать первые отношения с ребенком. Я должен был говорить с ним по-русски, отказавшись от французского языка. Положение мое было щекотливо. Не имея никаких прав, я не мог требовать подчинения.

Как я уже сказал, я был вначале удивлен и разочарован, не получив никакой поддержки со стороны Императрицы. Целый месяц я не имел от нее никаких указаний. У меня сложилось впечатление, что она не хотела вмешиваться в мои отношения с ребенком. Этим сильно увеличилась трудность моих первых шагов, но это могло иметь то преимуще-

Наследник Цесаревич Алексей и боцман А. Е. Деревенко.
Фридберг, Германия, 1910

ство, что раз завоевав положение, я мог более свободно утвердить свой личный авторитет. Первое время я часто терялся и даже приходил в отчаянье. Я подумывал о том, чтобы отказаться от принятой на себя задачи.

К счастью, я нашел в докторе Деревенко отличного советника, помощь которого мне была очень ценна. Он посоветовал мне быть терпеливее. Он объяснил, что вследствие постоянной угрозы жизни ребенка и развившегося в Императрице религиозного фанатизма, она предоставила все течению времени и откладывала день ото дня свое вмешательство в наши отношения, не желая причинять лишних страданий своему сыну, если ему, быть может, не суждено было жить. У нее не хватало храбрости вступать в борьбу с ребенком, чтобы навязывать ему меня.

Я сам сознавал, что условия были неблагоприятны. Но несмотря на все, у меня оставалась надежда, что со временем состояние здоровья моего воспитанника улучшится.

Тяжелая болезнь, от которой Алексей Николаевич только что начал оправляться, очень ослабила его и оставила в нем большую нервность. В это время он был ребенком, плохо переносившим всякие попытки его сдерживать; он никогда не был подчинен никакой дисциплине. Во мне он видел человека, на которого возложили обязанность принуждать его к скучной работе и вниманию, и задачей которого было подчинить его волю, приучив его к послушанию. Его уже окружал бдительный надзор, который, однако, позволял ему искать убежища в бездействии; к этому надзору

присоединялся теперь новый элемент настойчивости, угрожавший отнять это последнее убежище. Не сознавая еще этого, он это чувствовал чуть-ем. У меня создалось вполне ясное впечатление глухой враждебности, которая иногда переходила в открытую оппозицию.

Я чувствовал на себе страшную ответственность; несмотря на все предосторожности, было немыслимо предупредить возможность несчастных случайностей. Их было три в течение первого месяца.

Тем временем дни шли за днями, и я чувствовал, как укреплялся мой авторитет. Я мог отметить у своего воспитанника все чаще и чаще повторявшиеся порывы доверчивости, которые были для меня как бы залогом того, что вскоре между нами установятся более сердечные отношения.

По мере того, как ребенок становился откровеннее со мной, я лучше отдавал себе отчет в богатстве его натуры и убеждался в том, что при наличии таких счастливых дарований было бы несправедливо бросить надежду.

Алексею Николаевичу было тогда 9 лет. Он был довольно крупен для своего возраста, имел тонкий, продолговатый овал лица с нежными чертами, чудные светло-каштановые волосы с бронзовыми переливами, большие сине-серые глаза, напоминавшие глаза его матери. Он вполне наслаждался жизнью, когда мог, как резвый и жизнерадостный мальчик. Вкусы его были очень скромны. Он совсем не кичился тем, что был Наследником престола, об этом он всего меньше помышлял. Его самым большим счастьем было играть с двумя сыновьями

Императрица Александра Федоровна с сыном.
1913

матроса Деревенко, которые оба были несколько моложе его.

У него была большая живость ума и суждения и много вдумчивости. Он поражал иногда вопросами выше своего возраста, которые свидетельствовали о деликатной и чуткой душе. Я легко понимал, что те, которые не должны были, как я, внушать ему дисциплину, могли без задней мысли легко поддаваться его обаянию. В маленьком капризном существе, каким он казался вначале, я открыл ребенка с сердцем, от природы любящим и чувствительным к страданиям, потому что сам он уже много страдал. Как только это убеждение вполне сложилось во мне, я стал бодро смотреть на будущее. Моя работа была бы легка, если бы не было окружавшей нас обстановки и условий среды.

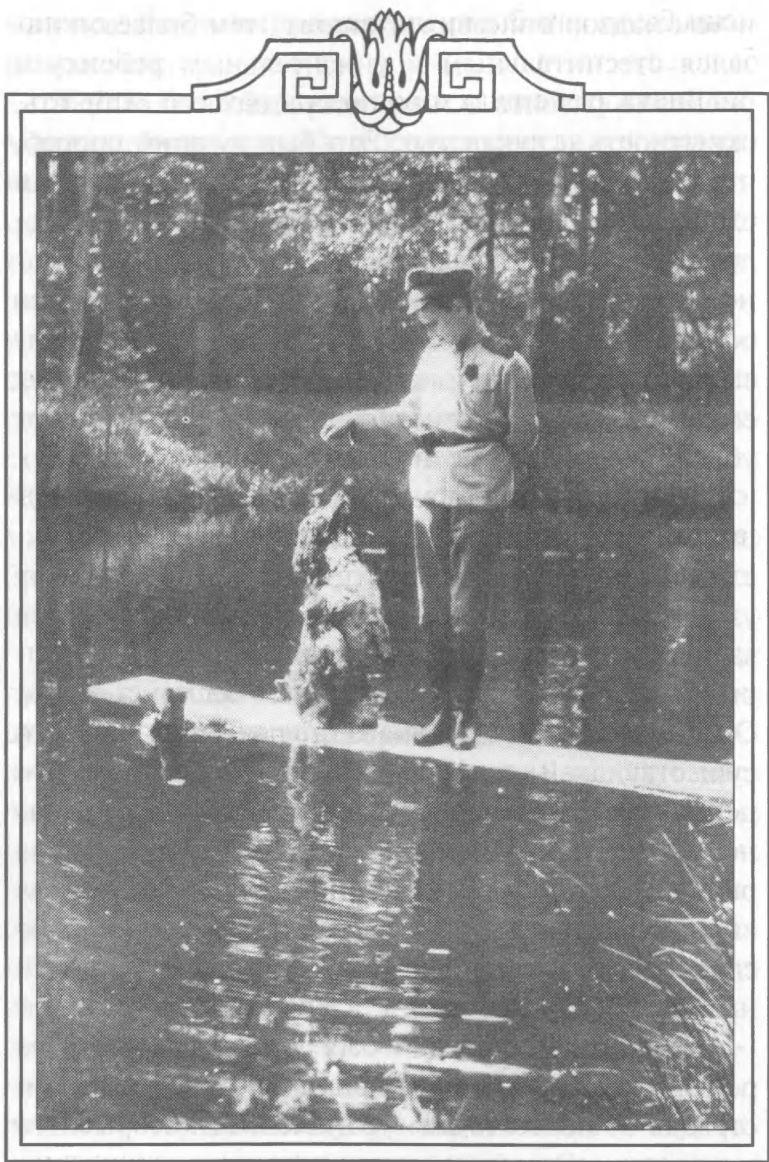
Я поддерживал, как уже об этом выше сказал, лучшие отношения с доктором Деревенко, но между нами был один вопрос, по которому мы не сходились. Я находил, что постоянное присутствие двух матросов — боцмана Деревенко и его помощника Нагорного — было вредно ребенку. Эта внешняя сила, которая ежеминутно выступала, чтобы отстранить от него всякую опасность, казалось мне, мешала укреплению внимания и нормальному развитию воли ребенка. То, что выигрывалось в смысле безопасности, ребенок проигрывал в смысле действительной дисциплины. На мой взгляд, лучше было бы дать ему больше самостоятельности и приучить находить в самом себе силы и энергию противодействовать своим собственным импульсам, — тем более, что несчастные случаи продолжали повторяться. Было невозможно все предусмотреть,

и чем надзор становился строже, тем более он казался стеснительным и унижительным ребенку и рисковал развить в нем искусство его избегать, скрытность и лукавство. Это был лучший способ, чтобы сделать из ребенка, и без того физически слабого, человека бесхарактерного, безвольного, лишенного самообладания, немощного и в моральном отношении. Я говорил в этом смысле с доктором Деревенко. Но он был так поглощен опасением рокового исхода и подавлен, как врач, сознанием своей тяжелой ответственности, что я не мог убедить его разделить мои воззрения.

Только одни родители могли взять на себя решение такого вопроса, могущего иметь столь серьезные последствия для ребенка. К моему великому удивлению, они всецело присоединились ко мне и заявили, что согласны на опасный опыт, на который я сам решался лишь с тяжелым беспокойством. Они, без сомнения, сознавали вред, причиняемый существующей системой тому, что было самого ценного в их ребенке. Они любили его безгранично, и именно эта любовь давала им силу идти на риск какого-нибудь несчастного случая, последствия которого могли быть смертельны, лишь бы не сделать из него человека, лишенного мужества и нравственной стойкости.

Алексей Николаевич был в восторге от этого решения. В своих отношениях к товарищам он страдал от постоянных ограничений, которым его подвергали. Он обещал мне оправдать доверие, которое ему оказывали.

Как ни был я убежден в правильности такой постановки дела, мои опасения лишь усилились. У

Цесаревич Алексей с собакой Джом.
Царское Село, июнь 1917

меня было как бы предчувствие того, что должно было случиться.

Вначале все шло хорошо, и я начал было успокаиваться, — как вдруг внезапно стряслось несчастье, которого мы так боялись. В классной комнате ребенок взлез на скамейку, поскользнулся и упал, стукнувшись коленкой об ее угол. На следующий день он уже не мог ходить. Еще через день подкожное кровоизлияние усилилось, опухоль, образовавшаяся под коленом, быстро охватила нижнюю часть ноги. Кожа натянулась до последней возможности, стала жесткой под давлением кровоизлияния, которое стало давить на нервы, и причиняла страшную боль, увеличивавшуюся с часу на час.

Я был подавлен. Ни Государь, ни Государыня не сделали мне даже тени упрека; наоборот, казалось, что они всем сердцем хотят, чтобы я не отчаялся в задаче, которую болезнь делала еще более трудной. Они как будто хотели своим примером побудить и меня принять неизбежное испытание и присоединиться к ним в борьбе, которую они вели уже так давно. Они делились со мною своей заботой и трогательной благожелательностью.

Императрица сидела у изголовья сына с начала заболевания, нагибалась к нему, ласкала его, окружала его своей любовью, стараясь тысячью мелких забот облегчить его страдания. Государь тоже приходил, как только у него была свободная минута. Он старался подбодрить ребенка, развлечь его, но боль была сильнее материнских ласк и отцовских рассказов, и прерванные стоны возобновлялись. Изредка отворялась дверь, и одна из Великих Княжон на цыпочках входила в комнату, целовала ма-

ленького брата и как бы вносила с собою струю свежести и здоровья. Ребенок открывал на минуту свои большие глаза, уже глубоко очерченные болезнью, и тотчас снова их закрывал.

Однажды утром я нашел мать у изголовья сына. Ночь была очень плохая. Доктор Деревенко был в беспокойстве, так как кровотечения еще не удалось остановить и температура подымалась. Опухоль снова возросла, и боли были еще нестерпимее, чем накануне. Цесаревич, лежа в кроватке, жалобно стонал, прижавшись головой к руке матери, и его тонкое, бескровное личико было неузнаваемо. Изредка он прерывал свои стоны, чтобы прошептать только одно слово «мама», в котором он выражал все свое страдание, все свое отчаянье. И мать целовала его волосы, лоб, глаза, как будто этой лаской она могла облегчить его страдания, вдохнуть ему немного жизни, которая его покидала. Как передать пытку этой матери, беспомощно присутствующей при мучениях своего ребенка в течение долгих часов смертельной тревоги, этой матери, которая знала, что она — причина этих страданий, что она передала ему ужасную болезнь, против которой бессильна человеческая наука! Как понимал я теперь скрытую драму этой жизни, и как легко мне было восстановить этапы ее долгого крестного пути!

ЖИЗНЬ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ. МОИ УЧЕНИКИ

(зима 1913 -1914 гг.)

Никому иному как Распутину было приписано улучшение в болезни Алексея Николаевича, на-

Великие Княжны Мария,
Татьяна, Анастасия и Ольга.
С. Петербург,
1914

ступившее после ужасного приступа гемофилии, описанного мною выше.

Он произошел, если читатель припомнит, вскоре после перемены режима, которую я отстаивал для Наследника, и я невольно чувствовал себя отчасти ответственным за это. Я переживал очень сильную тревогу. Приняв решение, я, конечно, усматривал грозные опасности, но считал себя в силах с ними бороться; однако испытание оказалось настолько ужасным, что я спрашивал себя, стоит ли продолжать его. А между тем, у меня было ясное чувство, что этого требовала повелительная необходимость.

Выздоровление бывало всякий раз очень медленно. После двух месяцев Государь и Государыня выказали решимость, несмотря на риск, держаться уже избранного ими пути.

Хотя доктора Боткин* и Деревенко были другого мнения, однако они преклонились перед волей родителей и мужественно согласились с решением, которое еще увеличивало трудности и без того уже столь тяжелой и неблагодарной задачи. Я искренно восхищался их энергией и самоотвержением. Они всегда были начеку в постоянном ожидании возможного кризиса, и как только происходил новый несчастный случай, для них начиналась борьба, тем более страшная, что они знали недостаточность средств, которыми располагали. Когда наконец после долгих бессонных ночей они имели радость видеть маленького больного вне опасности,

* Доктор Боткин, сын знаменитого профессора Сергея Боткина, был придворным врачом.

его выздоровление приписывалось не их трудам, а чудесному вмешательству Распутина. Но отказавшись от всякого самолюбия, они находили поддержку в чувстве глубокой жалости, которую испытывали при виде смертельной тревоги родителей и мук этого ребенка, который в десятилетнем возрасте испытал больше страданий, чем люди, приблизившиеся к пределу своей жизни.

Наше пребывание в Крыму затянулось дольше обыкновенного из-за болезни Алексея Николаевича, и мы вернулись в Царское Село лишь в декабре. Мы провели там всю зиму 1913—1914 года. Жизнь носила в Царском гораздо более семейный характер, чем в других местах пребывания Царской Семьи. Свита, за исключением дежурных фрейлин и командира сводно-гвардейского полка*, не жила во дворце, и Царская Семья, кроме случаев посещения родственников, обыкновенно собиралась за столом без посторонних и совершенно запросто.

Уроки** начинались в 9 часов с перерывом между 11 часами и полуднем. Мы выезжали на прогулку в карете, санях или автомобиле, затем занятия возобновлялись до завтрака, который происходил в час дня. После завтрака мы всегда проводили два часа на воздухе. Великие княжны и Государь, когда бывал свободен, присоединялись к нам, и Алексей Николаевич веселился с сестрами, спускаясь

* Полк, несший личную охрану государя и составленный из частей всех других полков гвардии.

** Предметами обучения моего ученика в это время были: языки — русский и французский, арифметика, история, география и закон Божий. Он начал изучать английский язык лишь позже и никогда не брал уроков немецкого языка.

Великая Княжна Татьяна.
Ливадия, Крым, осень 1913

с ледяной горы, которая была устроена на берегу небольшого искусственного озера. Он любил также играть со своим ослом Ванькой, которого запрягали в маленькие санки, или со своей собакой Джоем (Joy), темно-коричневой болонкой на низких лапках, с длинными, падающими почти до пола шелковистыми ушами. Ванька был бесподобное, умное и забавное животное. Когда Алексею Николаевичу захотели подарить осла, долго, но безрезультатно обращались ко всем барышникам в Петербурге; тогда цирк Чинизелли согласился уступить старого осла, который по дряхлости уже не годился для представлений. И вот таким образом Ванька появился при дворе, вполне оценив, по-видимому, дворцовую конюшню. Он очень забавлял нас, так как знал много самых невероятных фокусов. Он с большой ловкостью выворачивал карманы в надежде найти в них сладости. Он находил особую прелесть в старых резиновых мячиках, которые небрежно жевал, закрыв один глаз, как старый янки. Эти два животных играли большую роль в жизни Алексея Николаевича, у которого было очень немногих развлечений. Он страдал главным образом от отсутствия товарищей. Оба сына матроса Деревенко, его обычные сотоварищи в играх, были гораздо моложе его и ни по образованию, ни по развитию ему не подходили. Правда, по воскресеньям и праздникам к нему приезжали двоюродные братья, но эти посещения были редки. Я несколько раз настаивал перед Императрицей на том, что это надо бы изменить. Были сделаны кое-какие попытки в этом смысле, но они ни к чему не привели. Правда, что болезнь Алексея Николаевича крайне затрудняла

выбор ему товарищей. К счастью, его сестры, как я уже говорил, любили играть с ним; они вносили в его жизнь веселье и молодость, без которых ему было бы очень трудно.

Во время дневных прогулок Государь, любивший много ходить, обыкновенно обходил парк с одной из дочерей, но ему случалось также присоединяться к нам, и с его помощью мы однажды построили огромную снеговую башню, которая приняла вид внушительной крепости и занимала нас в продолжение нескольких недель.

В 4 часа мы возвращались, и уроки возобновлялись до обеда, который подавался в семь часов для Алексея Николаевича и в восемь — для остальных членов семьи. Мы заканчивали день чтением вслух какой-нибудь любимой им книги.

Алексей Николаевич был центром этой тесно сплоченной семьи, на нем сосредотачивались все привязанности, все надежды. Сестры его обожали, и он был радостью своих родителей. Когда он был здоров, весь дворец казался как бы преображенным; это был луч солнца, освещавший и вещи, и окружающих. Счастливо одаренный от природы, он развивался бы вполне правильно и равномерно, если бы этому не препятствовал его недуг. Каждый кризис требовал недель, а иногда и месяцев покоя, а когда кровотечение бывало более обильно, то в результате наступало общее малокровие, и ему часто на долгое время запрещалась всякая напряженная работа. Таким образом, можно было использовать только промежутки между заболеваниями, что, несмотря на живость его ума, крайне затрудняло его образование.

Великая Княжна Ольга.
Ливадия, Крым, осень 1911

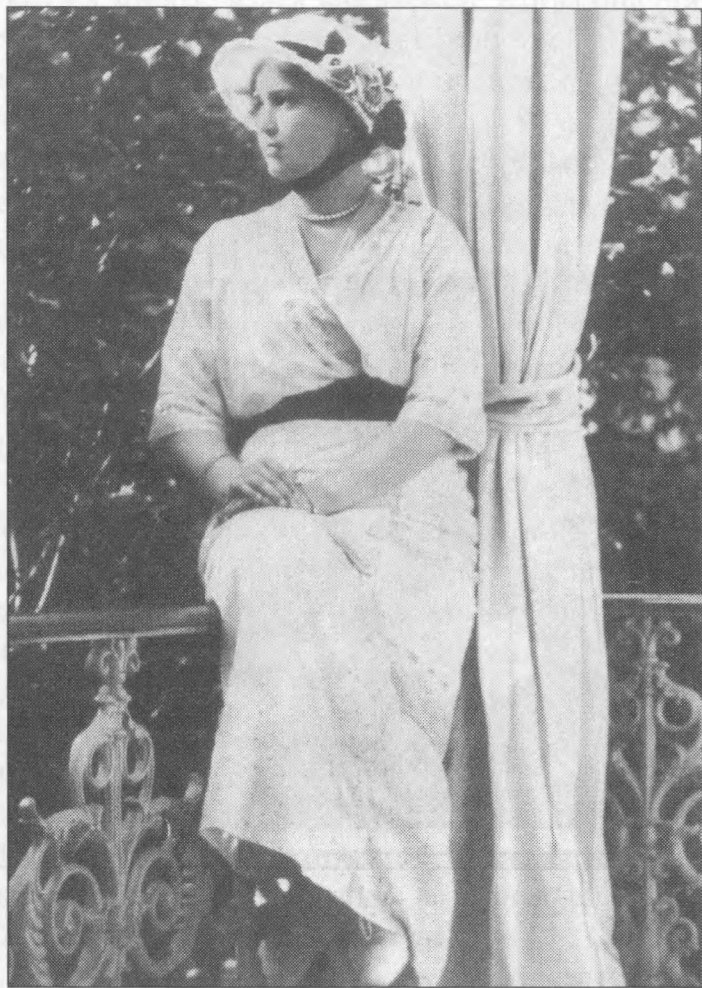

Великие княжны были прелестны своей свежестью и здоровьем. Трудно было найти четырех сестер, столь различных по характерам и в то же время столь тесно сплоченных дружбой. Последняя не мешала их личной самостоятельности и, несмотря на различие темпераментов, объединяла их живой связью. Из начальных букв своих имен они составили общее имя: «Отма». Под этой общей подписью они иногда делали подарки или посылали письма, написанные одной из них от имени всех четырех.

Я думаю, что всем будет понятно удовольствие, которое я испытываю, отдаваясь здесь некоторым личным воспоминаниям. Это позволит мне вызвать вновь к жизни во всей полноте непосредственности и жизнерадостности их молодости, я бы сказал, почти детства, — этих молодых девушек, которые стали жертвами самого ужасного рока в ту пору, когда для других в их годы наступает расцвет.

Старшая, Ольга Николаевна, обладала очень живым умом. У нее было много рассудительности и в то же время непосредственности. Она была очень самостоятельного характера и обладала быстрой и забавной находчивостью в ответах. Вначале мне было не так-то легко с нею, но после первых стычек между нами установились самые искренние и сердечные отношения.

Она все схватывала с удивительной быстротой и умела придать усвоенному оригинальный оборот. Я вспоминаю, между прочим, как на одном из наших первых уроков грамматики, когда я объяснял ей спряжения и употребление вспомогательных глаголов, она прервала меня вдруг восклицанием:

Великая Княжна Мария.
Царское Село, лето 1915

Великая Княжна Анастасия.
Ливадия, 1912

«Ах, я поняла: вспомогательные глаголы — это прислуга глаголов; только один несчастный глагол „иметь” должен сам себе прислуживать!»..

Она много читала вне уроков. Когда она стала старше, всякий раз, как я давал ей книгу, под предлогом трудности текста или незначительности интереса, который он представлял, я отмечал на полях места или главы, которые она должна была пропускать, с тем, чтобы потом вкратце передать ей их содержание. Я делал так из предосторожности.

Однажды одно упущение с моей стороны доставило мне одну из неприятнейших минут моей педагогической карьеры, но благодаря находчивости Государя, все окончилось лучше, чем я мог ожидать.

Ольга Николаевна читала «Les Misérables» Виктора Гюго и дошла до описания битвы под Ватерлоо. В начале урока она передала мне, как всегда, список слов, которые она не поняла. Каков же был мой ужас, когда я увидел выписанным слово, создавшее славу героя, командовавшего гвардией! Я был уверен, что соблюдаю все предосторожности... Я попросил книгу, чтобы проверить свои отметки, и убедился в своей непростительной забывчивости. Чтобы избежать щекотливого объяснения, я вычеркнул злосчастное слово и вернул ей листок. Ольга Николаевна воскликнула:

— Каково! Вы вычеркнули слово, смысл которого я вчера спрашивала у папа!

Если бы молния упала у моих ног, она не произвела бы во мне большего потрясения.

— Как, вы...

— Ну да, и он сначала меня спросил, откуда я знаю это слово, а потом сказал, что это очень сильное выражение, которое повторять не надо, но что в устах генерала, его сказавшего, оно было в ту минуту самым прекрасным словом французского языка.

Несколько часов спустя я встретил Государя на прогулке в парке; он отозвал меня в сторону и сказал мне самым серьезным голосом:

— Вы, однако, обучаете моих дочерей странному подбору слов!

Я запутался в смущенных объяснениях, но Государь расхохотался и перебил меня:

— Бросьте, не смущайтесь, я отлично понял все, что произошло, и сказал моей дочери, что это страница славы французской армии.

Татьяна Николаевна, от природы, скорее, сдержанная, обладала волей, но была менее откровенна и непосредственна, чем старшая сестра. Она была также менее даровита, но искупала этот недостаток большей последовательностью и ровностью характера. Она была очень красива, хотя не имела прелести Ольги Николаевны.

Если только Императрица делала разницу между дочерьми, то ее любимицей была Татьяна Николаевна. Не то, чтобы ее сестры любили мать меньше нее, но Татьяна Николаевна умела окружать ее постоянной заботливостью и никогда не позволяла себе показать что она не в духе. Своей красотой и природным умением держаться она в обществе затемняла сестру, которая меньше занималась своей особой и как-то стушевывалась. Тем не менее, эти обе сестры нежно любили друг друга; между ними

было только полтора года разницы, что естественно их сближало. Их звали «большие», тогда как Марию Николаевну и Анастасию Николаевну продолжали звать «маленькие».

Мария Николаевна была красавицей, крупной для своего возраста. Она блистала яркими красками и здоровьем; у нее были большие, чудные серые глаза. Вкусы ее были очень скромны; она была воплощенной сердечностью и добротой; сестры, может быть, немного этим пользовались и звали ее «le bon gros Toutou» («добрый толстый Туту»^{*}); это прозвище ей дали за ее добродушную и немного мешковатую услужливость.

Анастасия Николаевна была, наоборот, большая шалунья и не без лукавства. Она во всем быстро схватывала смешные стороны; против ее выпадов трудно было бороться. Она была баловница — недостаток, от которого она исправилась с годами. Очень ленивая, как это бывает иногда с очень способными детьми, она обладала прекрасным произношением французского языка и разыгрывала маленькие театральные сцены с настоящим талантом. Она была так весела и так умела разогнать морщины у всякого, кто был не в духе, что некоторые из окружающих стали, вспоминая прозвище, данное ее матери при английском дворе, звать ее «Sunshine» — «Солнечный луч».

^{*} Трудно переводимое выражение, всего ближе передаваемое словами «добрый толстый тюлька», употребляемыми для ласкательного обозначения маленького щеночка.

Император Николай II с дочерьми Ольгой, Татьяной и
Анастасией.
Крым, октябрь 1913

В общем, трудноопределимая прелесть этих четырех сестер состояла в их большой простоте, естественности, свежести и врожденной доброте.

Мать, которую они обожали, была в их глазах как бы непогрешима; одна Ольга Николаевна имела иногда поползновение к самостоятельности. Они были полны очаровательной предупредительности по отношению к ней. С общего согласия и по собственному почину они устроили очередное дежурство при матери. Когда Императрице нездоровилось, та, которая в этот день исполняла эту дочернюю обязанность, безвыходно оставалась при ней.

Их отношения с Государем были прелестны. Он был для них одновременно Царем, отцом и товарищем.

Чувства, испытываемые ими к нему, видоизменялись в зависимости от обстоятельств. Они никогда не ошибались, как в каждом отдельном случае относиться к отцу и какое выражение данному случаю подобает. Их чувство переходило от религиозного поклонения до полной доверчивости и самой сердечной дружбы. Он ведь был для них то тем, перед которым почтительно преклонялись министры, высшие церковные иерархи, Великие Князья и сама их мать, то отцом, сердце которого с такой добротой раскрывалось навстречу их заботам или огорчениям, то, наконец, тем, кто вдали от нескромных глаз умел при случае так весело присоединиться к их молодым забавам.

Исключая Ольгу Николаевну, Великие Княжны были довольно посредственными ученицами. Это отчасти происходило оттого, что несмотря на мои

неоднократные просьбы, Императрица не захотела взять французскую гувернантку, не желая, очевидно, видеть кого-нибудь между собой и дочерьми. В итоге получилось то, что, читая по-французски и любя французский язык, она никогда не научилась на нем свободно говорить*.

Причиной несколько небрежного воспитания ее дочерей было болезненное состояние здоровья Императрицы. Болезнь Алексея Николаевича мало-помалу истощила ее силы. В минуты кризисов она расходовала их без счета, с изумительной энергией и мужеством. Но как только опасность проходила, природа предъявляла свои права: она неделями лежала на кушетке, подорвав свои силы перенесенным напряжением. Ольга Николаевна не оправдала надежд, которые я возлагал на нее. Ее живой ум не находил в окружавшей ее обстановке необходимых элементов для своего развития и вместо того, чтобы расцвести, скорее, блекнул. Остальные сестры никогда не проявляли особого вкуса к занятиям и были, скорее, одарены практическими качествами.

Обстоятельства рано приучили всех четырех довольствоваться самими собой и своею природной

* Ее величество говорила с ними по-английски, Государь — исключительно по-русски. С окружающими Императрица говорила или по-французски, или по-английски; она говорила по-русски последнее время довольно свободно, но только с теми, кто не знал других языков. В течение всего времени, что я жил общей жизнью с императорской семьей, мне ни разу не привелось слышать, чтобы кто-либо из ее членов говорил по-немецки иначе, как вынужденный обстоятельствами: во время приемов, с приглашенными и т. д.

веселостью. Как мало молодых девушек без ропота удовлетворялось бы таким образом жизни, лишенным всяких внешних развлечений! Единственную отраду его представляла прелесть тесной семейной жизни, вызывающей в наши дни такое пренебрежение.

МОИ ВОСПИТАТЕЛЬСКИЕ НЕДОУМЕНИЯ

(зима 1913 — 1914 г.г., продолжение)

Тем временем проходили месяцы, и я с радостью убеждался, что мой ученик делает успехи. Он привязался ко мне, старался заслужить доверие, которое я ему выказывал. Мне приходилось еще много бороться с его леностью, но сознание, что та доля свободы, которою он пользовался, зависела всецело от того, как он ею будет располагать, подстрекало его энергию и укрепляло его волю. К счастью, зима прошла благополучно. После Ливадии не было больше тяжелых приступов болезни.

Я отлично знал, что это только передышка, но видел в Алексее Николаевиче серьезное старание сдерживать свою порывистую и живую натуру, которая так часто, увы, была причиной несчастных случаев, и я себя спрашивал, не найду ли я в этой болезни, столь опасной в других отношениях, союзника, который заставит мало-помалу ребенка научиться владеть собою и закалит его характер.

Все это служило мне большим успокоением, но я, однако, не делал себе никаких иллюзий насчет огромных трудностей моей задачи. Я понимал яснее, чем когда-либо, насколько условия среды мешали успеху моих стараний. Мне приходилось бо-

роться с подобострастием прислуги и нелепым преклонением некоторых из окружающих. И я был даже очень удивлен, видя, как природная простота Алексея Николаевича устояла перед этими неумеренными восхвалениями.

Я помню, как депутация крестьян одной из центральных губерний России пришла однажды поднести подарки Наследнику Цесаревичу. Трое мужчин, из которых она состояла, по приказу, отданному шепотом боцманом Деревенко, опустились на колени перед Алексеем Николаевичем, чтобы вручить ему свои подношения. Я заметил смущение ребенка, который багрово покраснел. Как только мы остались одни, я спросил его, приятно ли ему было видеть этих людей перед собою на коленях.

— Ах нет, но Деревенко говорит, что так полагается!

— Это вздор! Государь сам не любит, чтобы перед ним становились на колени. Зачем вы позволяете Деревенко так поступать?

— Не знаю... я не смею.

Я переговорил тогда с боцманом, и ребенок был в восторге, что его освободили от того, что было для него настоящей неприятностью.

Но еще более существенными обстоятельствами были его одиночество и неблагоприятные условия, в которых протекало его воспитание. Я отдавал себе отчет в том, что это почти роковым образом должно быть так; что воспитание каждого царственного ребенка клонится к тому, чтобы сделать из него существо одностороннее, которое в

конце концов оказывается далеким от жизни благодаря тому, что в своей юности он не был подчинен общему закону. Обучение, которое он получает, может быть только искусственным, тенденциозным и догматическим, оно часто принимает черты безусловности и непримиримости катехизиса. Это происходит по многим причинам: от выбора преподавателей; от того, что они ограничены в самой свободе своих выражений, им приходится считаться с условностями данной среды и с исключительным положением своего воспитанника; наконец, это связано с тем обстоятельством, что в очень ограниченное число лет они должны пройти обширную программу. Это неизбежно побуждает преподавателей прибегать к формулам; они ограничиваются недоказанными утверждениями и не думают о том, чтобы пробудить в своем ученике дух изыскания, анализа и способности сравнения, а только о том, чтобы устранять все, что могло бы породить в нем несвоевременную любознательность и склонность познать все, что лежит вне положенных рамок.

Кроме того, ребенок, воспитанный в этих условиях, лишен одного элемента, который играет решающую роль в образовании его суждений: ему всегда недостает знаний, приобретенных вне уроков, дающихся самой жизнью, свободным общением с себе подобными и различными, порой противоречивыми влияниями людей разной среды; недостает непосредственного наблюдения, подлинного соприкосновения с людьми и условиями жизни,

словом — всего того, что с течением годов развивает критический ум и понимание действительности.

При таких условиях надо человеку быть одаренным исключительными способностями, чтобы достигнуть ясного взгляда на жизнь, правильного мышления и твердого управления своею волей. Между ним и жизнью — непроницаемые перегородки: он не может понять того, что творится за стеной, на которой рисуют для его забавы и развлечения обманчивые картины.

Все это меня сильно озабочивало, но я знал, что в конечном итоге не мне выпадет обязанность исправлять, в пределах возможного, эти отрицательные стороны и неблагоприятные условия. В русской императорской семье существовал обычай приставлять к Наследнику Цесаревичу, когда ему наступал одиннадцатый год, воспитателя, обязанного руководить его образованием и воспитанием. Его выбирали преимущественно из среды военных, педагогическая карьера которых, казалось, готовила их к этой тяжелой по своей ответственности задаче. Всего чаще ее поручали какому-нибудь генералу, бывшему начальнику одного из военных учебных заведений. Это была должность, которой очень добивались ввиду сопряженных с нею преимуществ, а главное — ввиду влияния, которое можно было приобрести на Наследника Цесаревича, влияния, которое часто оставалось значительным в первые годы его царствования.

Выбор этого воспитателя имел огромное значение; от него должно было зависеть направление

Цесаревич Алексей
со своими преподавателями
Пьером Жильяром, В. Воейковым,
Сиднеем Гиббсом и
П. В. Петровым.
Ставка, Могилев, 1916

всего дальнейшего воспитания Алексея Николаевича, и я не без тревоги ожидал этого назначения.

ПУТЕШЕСТВИЕ В КРЫМ И РУМЫНИЮ

(апрель — июль 1914 года)

Весной 1914 года императорская семья, как и в предыдущие годы, уехала в Крым. 13 апреля в яркий, чудный день мы прибыли в Ливадию. Нас ослепило солнце, в лучах которого утопали скалистые утесы, возвышавшиеся отвесно над морем, маленькие татарские деревушки, наполовину вросшие в обнаженные скаты гор, и ярко-белые мечети, которые своим блеском выделялись на фоне старых кипарисов, обрамляющих кладбища. Контраст с тем, что мы только что покинули, был так резок, что этот пейзаж, хотя и хорошо нам знакомый, представлялся нам чем-то сказочным и волшебным в своей дивной красоте и переливах света.

Эти приезды весною в Крым доставляли нам чудный отдых после бесконечных петербургских зим, и мы им радовались за несколько месяцев вперед. Под предлогом устройства на новом месте занятия на первые дни были прекращены, и мы пользовались этим временем, чтобы наслаждаться всю этой дивной природой. Затем возобновились правильные уроки. Мой сотоварищ г. Петров сопровождал нас, как и в предыдущие приезды.

Здоровье Алексея Николаевича за последние месяцы значительно улучшилось, он вырос и приобрел здоровый вид, что вызывало общую радость.

8 мая, чтобы доставить удовольствие сыну, Государь решил воспользоваться днем, который обе-

щал быть особенно хорошим, и подняться до «Красного камня». Мы поехали в автомобиле: Государь, Наследник, один из офицеров со «Штандарта» и я. Боцман Деревенко и дежурный казак Государя следовали за нами в другом автомобиле. Мы поднялись мало-помалу чудными сосновыми лесами по откосам гор Яйлы. Громадные медно-красные стволы сосен, покрытые серым налетом, стройно и гордо поднимались к своим похожим на зеленые купола верхушкам. Мы довольно быстро достигли цели нашей поездки: большого, господствующего над долиной утеса, по цвету которого можно было подумать, что он заржавел от времени.

День был так хорош, что Государь решил продолжать прогулку. Мы перевалили через северный склон Яйлы. Там были еще большие снежные поля, и Алексею Николаевичу доставило большое удовольствие скользить по снегу. Он бегал вокруг нас, играл, шалил, катался в снегу, падал и вновь подымался, чтобы снова упасть через минуту. Никогда, казалось, живость его природы и радость жизни не проявлялись в нем с такой силой. Государь с очевидной радостью следил за прыжками Алексея Николаевича; видно было, что он глубоко счастлив, видя, что его сыну вернулись наконец здоровье и силы, которых он так долго был лишен. Но страх возможного ушиба не покидал его, и он от времени до времени окликал ребенка, чтобы уговорить его резвость. Недуг Наследника причинял ему глубокое страдание и непрерывные заботы, хотя он об этом никогда не говорил.

День клонился к вечеру, и мы с сожалением пустились в обратный путь. Государь был всю дорогу

очень весел; создавалось впечатление, что этот свободный день, посвященный сыну, доставил ему большое наслаждение. Он вырвался на один день из атмосферы забот, связанных с его монаршим ремеслом, и изысканной предупредительности окружающих. Благодаря тому, что эта маленькая экскурсия была совершена неожиданно, ему удалось даже обмануть бдительность дворцовой полиции, присутствие которой он всегда угадывал вокруг себя, хотя она работала весьма незаметно; он ненавидел ее. Один раз по крайней мере ему дано было пожить, как простому смертному, и казалось, что нервы его успокоились и он отдохнул.

В обыкновенное время Государь видел своих детей довольно мало; его занятия и требования придворной жизни мешали ему отдавать им все то время, которое он хотел бы им посвятить. Он всецело передал Императрице заботу о их воспитании и в редкие минуты близости с ними любил без всякой задней мысли, с полным душевным спокойствием наслаждаться их присутствием. Он старался тогда отстранить от себя все заботы, сопряженные с той громадной ответственностью, которая тяготела над ним; он старался забыть на время, что он Царь, и быть только отцом.

Никакое сколько-нибудь важное событие не нарушало нашей однообразной жизни в течение следующих недель.

В конце мая месяца при дворе разнесся слух о предстоящем обручении Великой Княжны Ольги Николаевны с принцем Карлом Румынским*. Ей

* Теперешний румынский наследник престола.

было тогда восемнадцать с половиною лет. Родители с обеих сторон, казалось, доброжелательно относились к этому предположению, которое политическая обстановка делала желательным. Я знал также, что министр иностранных дел Сазонов прилагал все старания, чтобы оно осуществилось, и что окончательное решение должно было быть принято во время предстоявшей вскоре поездки русской императорской семьи в Румынию.

В начале июля, когда мы были однажды наедине с Ольгой Николаевной, она вдруг сказала мне со свойственной ей прямоотой, проникнутой той откровенностью и доверчивостью, которые позволяли наши отношения, начавшиеся еще в то время, когда она была маленькой девочкой:

— Скажите мне правду, вы знаете, почему мы едем в Румынию?

Я ответил ей с некоторым смущением:

— Думаю, что это акт вежливости, которую Государь оказывает румынскому королю, чтобы ответить на его прежнее посещение.

— Да, это, быть может, официальный повод, но настоящая причина... Ах, я понимаю, вы не должны ее знать, но я уверена, что все вокруг меня об этом говорят и что вы ее знаете.

Когда я наклонил голову в знак согласия, она прибавила:

— Ну так вот! Если я этого не захочу, этого не будет. Папа мне обещал не принуждать меня, а я не хочу покидать Россию.

— Но вы будете иметь возможность возвращаться сюда всегда, когда вам это будет угодно.

— Несмотря на все, я буду чужой в моей стране, а я русская и хочу остаться русской!

13 июня мы отплыли из Ялты на императорской яхте «Штандарт» и на следующий день утром подошли к Констанце, большому румынскому порту на Черном море, где должны были произойти торжества.

На набережной у пристани рота пехоты со знаменем и музыкой отдавала воинские почести, в то время как артиллерийская батарея, помещенная на плоскогорье, господствующем над портом, производила установленный салют. Все суда на рейде были расцвечены флагами.

Их Величества были встречены старым королем Карлом, королевой Елизаветой (Кармен-Сильва) и принцами и принцессами королевского дома. После обычных представлений все отбыли в собор, где Нижне-Дунайским епископом был отслужен молебен. В час дня, пока председатель совета министров угощал лиц свиты, члены обеих царственных семей собрались за интимным завтраком. Он был подан в павильоне, построенном по желанию Кармен-Сильвы в самом конце мола. Это было одно из ее любимых мест пребывания; ежегодно она подолгу жила там. Она любила целыми часами «слушать море» на этой террасе, которая, казалось, повисла между небом и волнами, и где только морские птицы нарушали ее одиночество.

Среди дня Их Величества угощали чаем на «Штандарте» и присутствовали затем на большом военном параде.

Вечером, в 8 часов, все вновь собрались на парадный обед в красивой зале, построенной для

этого случая. Общий вид ее был очаровательный, стены и потолок — белые, лепной работы, усеянные маленькими электрическими лампочками, со вкусом расположенными; зеленые растения и цветы в красивом сочетании, — все это давало общее впечатление красок и линий, приятных для глаз.

Государь, имея по правую руку от себя королеву Елизавету, а по левую принцессу Марию, сидел в центре длинного стола, за которым поместились 84 приглашенных. Императрица сидела против него между королем Карлом и принцем Фердинандом. Ольга Николаевна, сидя около принца Карла, с обычной приветливостью отвечала на его вопросы. Что касается остальных трех Великих Княжон, они с трудом скрывали скуку, которую всегда испытывали в подобных случаях, и поминутно наклонялись в мою сторону, указывая смеющимися глазами на старшую сестру. К концу обеда, который проходил с обычным церемониалом, король встал, чтобы приветствовать Государя. Он говорил по-французски, но с сильным немецким выговором. Государь по-французски же ему ответил; он говорил приятно, красивым и звучным голосом. По окончании обеда мы перешли в другую залу, где Их Величества милостиво беседовали с некоторыми из присутствующих, прочие же сгруппировались сообразно своим симпатиям или в силу случайности. Но вечер рано окончился, потому что «Штандарт» в тот же день должен был сняться с якоря.

Час спустя яхта отошла, держа направление на Одессу. На следующий день утром я узнал, что

предположение о сватовстве было оставлено или по крайней мере отложено на неопределенное время. Ольга Николаевна настояла на своем *.

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ. — ПУТЕШЕСТВИЕ В МОСКВУ

(август 1914 г.)

В то время, когда эти исторические события разыгрывались в кабинете министра иностранных дел в Петербурге**, Государь, Государыня и Великие Княжны были у всенощной в маленькой Александрийской церкви.

Встретив Государя несколько часов перед тем, я был поражен выражением большой усталости на его лице; черты его вытянулись, цвет лица был землистый, и даже мешки под глазами, которые появлялись у него, когда он бывал утомлен, казалось, сильно выросли. Теперь он всей своей душой молился, чтобы Господь отвратил от его народа войну, которая, он это чувствовал, была близка и почти неизбежна. Все его существо казалось преисполненным порывом простой и доверчивой веры. Рядом с ним стояла Государыня, скорбное лицо которой выражало то глубокое страдание, которое я так часто видел у нее у изголовья Алексея Николаевича. Она тоже горячо

* Кто мог предвидеть тогда, что эта свадьба могла спасти ее от ожидавшей ее ужасной участи!

**1 августа 1914 г. германский посол в Петербурге сообщил российскому министру иностранных дел Сазонову об объявлении Германией войны России. (Прим. составителя.)

молилась в этот вечер, как бы желая отвести грозящую опасность...

Служба кончилась, и Их Величества с Великими Княжнами вернулись на ферму Александрию. Было около 8 часов вечера. Государь, прежде чем пройти в столовую, зашел в свой рабочий кабинет, чтобы ознакомиться с доставленными в его отсутствие депешами. Из телеграммы Сазонова он узнал, что Германия объявила войну. Он имел с министром короткую беседу по телефону и просил его приехать в Александрию, как только он будет иметь к тому возможность.

Государыня и Великие Княжны ожидали Государя в столовой. Ее Величество, обеспокоенная его продолжительным опозданием, только что поручила Татьяне Николаевне сходить за отцом, когда Государь, очень бледный, наконец появился и голосом, выдававшим против желания его волнение, сообщил, что война объявлена. Услыхав это известие, Государыня разрыдалась. Видя отчаянье матери, Великие Княжны в свою очередь залились слезами.

В эти тревожные дни Царь принимает решение совершить вместе с семьей паломничество к московским святыням. Вместе с ними, при своём воспитатнике Цесаревиче Алексее, в Москву отправляется и Жильяр, который ведет там дневник.

Царская Семья должна отбыть 17—20 августа в Москву, где Государь хочет, по обычаю своих предков, в тяжелую годину, переживаемую Родиной, испросить благословения Божия себе и своему народу в трагические для страны минуты.

Понедельник 17 августа. — Прибытие Их Величеств в Москву было самым трогательным и умили-

тельным зрелищем, какое мне довелось видеть до сих пор....

После обычных приемов на вокзале мы длинной вереницей экипажей направились в Кремль. Огромная толпа наполняла площади и улицы; люди взбирались на крыши лавок, как гроздья висели на деревьях скверов, влезали в окна магазинов, толпились на балконах и у окон домов. И под непрерывный звон колоколов всех церквей из тысяч уст разносился внушительный своим религиозным величием и сдержанным волнением тот чудный русский гимн, в котором выражена вера целого народа:

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу нам.
Царствуй на страх врагам,
Царь православный!
Боже, Царя храни!

Сквозь раскрытые настежь двери церквей были видны огни свеч, горящих перед иконостасами, священники в полном облачении, с золотыми крестами в руках, благословляли Царя при его проезде. Звуки гимна то замирают, то вновь крепнут и растут, как молитва, с могучим и величественным припевом:

Боже, Царя храни!

Шествие приближается к Воскресенским воротам*. Государь выходит из экипажа и по обычаю

* Под этими воротами Цари всегда проезжали в Кремль по прибытии в Москву. Они ведут из города на Красную площадь, которая тянется вдоль восточной стены Кремля.

входит в часовню приложиться к чудотворной иконе Иверской Божьей Матери. Он выходит, делает несколько шагов и останавливается, господствуя над несметной толпой. Его лицо серьезно и проникновенно; неподвижно внемлет он голосу своего народа и как бы входит в общение с ним. Еще раз он слышит биение сердца великой России...

Он поворачивается затем к часовне, крестится, покрывается и медленно подходит к экипажу, который скрывается в старинных воротах и проезжает в Кремль.

Алексей Николаевич опять очень жалуется сегодня вечером на боли в ноге. Сможет ли он завтра ходить, или придется его нести, когда Их Величества отправятся в собор? Государь и Государыня в отчаянии. Ребенок не мог уже участвовать на выходе в Зимнем дворце. Это почти всегда так, когда ему надо показаться народу: можно быть почти уверенным, что в последнюю минуту явится какое-нибудь осложнение. И правда, кажется, что его преследует злой рок!

Вторник 18 августа.— Когда сегодня Алексей Николаевич убедился, что не может ходить, он пришел в большое отчаянье. Их Величества тем не менее решили, что он все же будет присутствовать при церемонии. Его будет нести один из казаков Государя. Но это жестокое разочарование для родителей: они боятся, что в народе распространится слух, будто Цесаревич — калека.

В одиннадцать часов, когда Государь появился наверху Красного крыльца, несметная толпа, теснившаяся на площади, восторженно его привет-

ствовала. Он медленно спустился под руку с Государыней, сопровождаемый длинным шествием, и направился по помосту в Успенский собор. Он входит в церковь среди восторженных кликов толпы. Присутствуют митрополиты: Киевский, Петербургский и Московский, а также высшее православное духовенство. По окончании службы члены императорской семьи прикладываются по очереди к святым мощам. Они следуют затем в Чудов монастырь, где молятся у гробницы святителя Алексия.

Еще долго после возвращения Их Величеств во дворец народ продолжал стоять на площади в надежде их снова увидеть. И когда мы вышли несколько часов спустя, на площади были еще толпы крестьян.

Четверг 20 августа.— Энтузиазм все растет и растет. Кажется, будто народ московский, гордясь пребыванием Царя среди него и желая удержать его в Москве возможно дольше, хочет привлечь его выражением своей любви. Манифестации делаются все более и более непосредственными, бурными и яркими. Мы каждый день выезжаем на автомобиле с Алексеем Николаевичем. Обыкновенно мы направляемся на Воробьевы горы, откуда открывается поразительный вид на долину Москвы-реки и на царскую столицу. С этого места Наполеон, перед вступлением в Москву, смотрел на нее 14 сентября 1812 года.

Зрелище это поистине величественно: на первом плане, у подножия холма — Новодевичий монастырь со своим кремлем и шестнадцатью башнями с бойницами; немного позади его — священный

город со своими четырьмястами пятьюдесятью церквями, с дворцами, садами, монастырями, обнесенными зубчатыми стенами, с их золотыми куполами и причудливыми формами их ярко расцвеченных глав.

Сегодня утром, во время нашего возвращения с обычной прогулки, шофер принужден был остановиться при въезде в один из переулков около Якиманки — так велика была толпа. Она состояла исключительно из простонародья и окрестных крестьян, пришедших в город по делам или в надежде увидеть Царя. Вдруг раздались крики: «Наследник, Наследник!..» Толпа бросилась вперед, нас окружили, мы очутились, как в кольце, словно в плену у этих мужиков, рабочих, торговцев, которые толкали друг друга, кричали и пробивались вперед, чтобы лучше разглядеть Цесаревича. Женщины и дети, мало-помалу осмелев, влезали на подножки автомобиля, протягивают руки через дверцы и, когда им удастся дотронуться до ребенка, кричат с торжеством: «Я его тронула, я тронула Наследника!»

Испуганный бурным проявлением этих народных чувств, Алексей Николаевич откинулся в глубину автомобиля. Он был бледен, взволнован неожиданностью этой народной манифестации, принимавшей столь крайние и новые для него формы. Однако он скоро оправился, видя добрые улыбки этих славных людей, но оставался сконфуженным и смущенным вниманием, предметом которого сделался; он не знал, что ему говорить и делать. Что касается меня, то я не без страха спрашивал себя, как все это кончится. Я знал, что для прогулок Наследника Цесаревича не делается никаких нарядов

полиции, так как ни время, ни направление их не могли быть заранее установлены. Я начинал бояться какого-нибудь несчастного случая в невероятной сутолоке и давке, происходившей вокруг нас. Наконец появилось два толстых, запыхавшихся городских, грозно кричавших изо всех сил. Толпа с покорным послушанием русского мужика заколебалась и медленно отступила. Я дал приказание боцману Деревенко, следовавшему за нами в другом автомобиле, ехать вперед, и нам таким образом удалось медленно выбраться из толпы.

Пятница 21 августа. — Их Величества пожелали перед возвращением в Царское Село посетить Троице-Сергиевский монастырь — святыню, наиболее чтимую в России после древней Киевской лавры. Поезд довез нас до маленькой станции Сергиево, откуда мы проследовали в экипажах до монастыря. Он построен на возвышенности, и его можно было бы принять издали за огромную крепость, если бы пестрые колокольни и золоченые купола его тридцати церквей не выдавали его истинного назначения. Как оплоту Православия, ему пришлось подвергнуться в течение своей истории грозным нападениям, из которых самым знаменитым была осада, выдержанная в XVII веке в течение шестнадцати месяцев против тридцатитысячной польской армии. Здесь так же, как в Москве и на верхнем Поволжье, с наибольшей силой воскресает прошлое боярской Руси, Великих Князей московских и первых Царей. Здесь лучше всего можно понять исторический рост русского народа.

Царская Семья присутствовала на молебне и приложилась к мощам преподобного Сергия, осно-

вателя монастыря. Архимандрит благословил Государя иконой, писанной на доске от гроба преподобного, одного из наиболее чтимых во всей России святых. В былое время эта икона всегда сопровождала Царям в их походах. По приказанию Государя она будет перевезена в ставку и поставлена в походную церковь верховного главнокомандующего.

После этого Государь, Государыня и дети проследовали в маленькую церковь святого Никона, затем они задержались на несколько минут в бывших патриарших палатах. Но времени было мало, и мы должны были отказаться от осмотра Гефсиманской пустыни, которая находится в небольшом расстоянии от монастыря и где по обычаю, еще нередко в России, некоторые схимники затворяются в подземных замурованных кельях. Они живут там в посте и молитве иногда до конца своих дней, совершенно отделившись от мира и получая пищу через отверстие в стене, которое остается для них единственным средством сообщения с людьми.

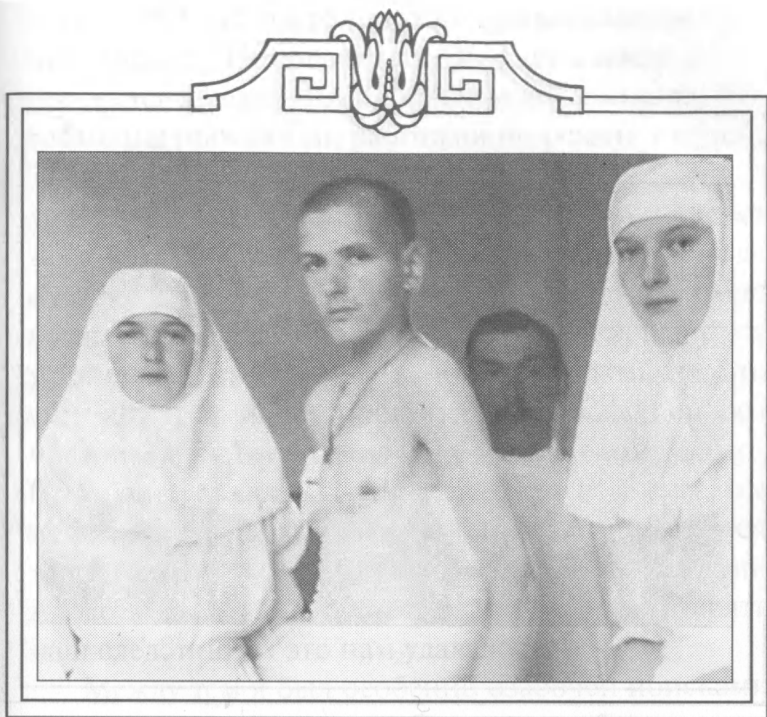
Простившись с архимандритом, императорская семья покинула монастырь, провожаемая до внешней ограды толпой монахов, теснившихся вокруг экипажей.

* * *

Императрица с самого начала войны посвятила себя раненым. Она решила, что Великие Княжны Ольга и Татьяна Николаевны будут помогать ей в этом деле. Они все три проходили курсы обучения сестер милосердия и проводили каждый день по несколько часов в уходе за ранеными, которые были эвакуированы в Царское Село. Ее Величество, иногда с Государем, а иногда одна с двумя старши-

ми дочерью, посещала краснокрестные учреждения западных и центральных городов России. По ее просьбе было создано много военных госпиталей и оборудованы санитарные поезда, специально приспособленные для перевозки раненых в тыл, — часто очень медленной вследствие дальности расстояний. Ее примеру последовали, и никогда частная инициатива не проявлялась с таким подъемом и щедростью.

Всю эту зиму здоровье Цесаревича было вполне удовлетворительно, и уроки могли идти своим чередом. В начале весны Ее Величество заявила мне, что Государь и она решили, ввиду всех сложившихся обстоятельств, не давать пока воспитателя Алексею Николаевичу. Я принужден был вопреки тому, что ожидал, нести один в продолжение еще некоторого времени тяжелую ответственность и стараться по мере сил пополнять пробелы в воспитании Наследника. Я очень ясно сознавал, что его надо было хотя бы на несколько часов в день выводить из его обычной обстановки и ставить в непосредственное соприкосновение с жизнью. Я достал себе карту местности издания генерального штаба и наметил ряд прогулок в автомобиле, которые дали нам возможность объездить постепенно все окрестности на расстоянии 30 верст. Мы выезжали тотчас после завтрака, часто останавливаясь у въезда встречных деревень, чтобы смотреть, как работают крестьяне. Алексей Николаевич любил их расспрашивать; они отвечали ему со свойственными русскому мужику добродушием и простотой, совершенно не подозревая, с кем они разговаривали. Железные дороги в

Великие Княжны Ольга и Татьяна
с раненым в госпитале.
Царское Село,
осень 1916

Сестры милосердия — Императрица Александра Федоровна
с дочерьми Ольгой и Татьяной

пригородах Петрограда также привлекали внимание Алексея Николаевича. Он очень живо интересовался движением на маленьких станциях, которые мы проезжали, работами по ремонту путей, мостов и т. д.

Дворцовая полиция забеспокоилась насчет этих прогулок, которые происходили вне района ее охраны и направление которых никогда не было известно заранее. Мне предложили подчиниться установленным правилам, но я не обратил на это внимания, и наши прогулки продолжались по-прежнему. Тогда полиция прибегла к новому способу охраны, и каждый день, выезжая из парка, мы неизбежно видели автомобиль, который несся вслед за нами. Одним из наибольших удовольствий Алексея Николаевича было заставить его потерять наш след; иногда это нам удавалось.

Между тем я был особенно озабочен поисками Наследнику товарищей. Эту задачу было очень трудно разрешить. По счастью обстоятельства сами собою отчасти пополнили этот пробел. Доктор Деревенко имел сына одних приблизительно лет с Наследником. Дети познакомились и вскоре подружились; не проходило воскресенья, праздника или дня отпуска, чтобы они не соединялись. Наконец они стали видаться ежедневно, и Цесаревич получил даже разрешение посещать доктора Деревенко, жившего на маленькой даче недалеко от дворца. Он часто проводил там всю вторую половину дня в играх со своим другом и его товарищами в скромной обстановке этой семьи среднего достатка. Это нововведение подверглось большой критике, но Их Величества не обращали на это внимания; они са-

ми были так просты в своей частной жизни, что могли только поощрять такие же вкусы своих детей.

Тем временем война внесла довольно значительное изменение в наше существование. Жизнь дворца стала еще более суровой. Государь часто отсутствовал. Государыня так же, как и обе старшие дочери, всегда носила форму сестры милосердия; она делила свое время между посещениями госпиталей и многочисленными занятиями по организации помощи раненым. Она очень утомляла себя в начале войны. Она, не рассуждая, тратила свои силы, с тем пылом и страстью, которые вносила во все свои начинания, и хотя здоровье ее уже было сильно подорвано, выказывала изумительную выносливость. Казалось, она черпала большую поддержку в выполнении предпринятого ею святого дела; она одновременно находила в нем удовлетворение своей потребности самопожертвования и забвение своей тоски и опасений, которые ей внушала болезнь Наследника даже в спокойные промежутки.

Как всегда в тяжелые и тревожные минуты, Царь и Царица черпали нужную им поддержку в религии и в любви своих детей. Великие княжны просто и благодушно относились ко все более и более суровому образу жизни во дворце. Правда, что все их прежнее существование, совершенно лишенное всего, что обычно красит девичью жизнь, приготовило их к этому. В 1914 году, когда вспыхнула война, Ольге Николаевне было почти 19, а Татьяне Николаевне только что минуло 17 лет. Они никогда не присутствовали ни на одном балу; им до-

велось лишь участвовать на двух-трех вечерах у своей тетки, великой княгини Ольги Александровны. С начала военных действий у них была одна лишь мысль — облегчить заботы и тревоги своих родителей. Они окружали их своей любовью, которая выражалась в самых трогательных и нежных знаках внимания.

Какой пример, если бы только о нем знали, давала эта столь достойная семейная жизнь, полная такой нежности! Но как мало людей о ней подозревали! Правда, что эта семья была слишком равнодушна к общественному мнению и укрывалась от посторонних взоров.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II
— ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ.
ПРИЕЗД ЦЕСАРЕВИЧА В СТАВКУ.
— ПОЕЗДКИ НА ФРОНТ

(сентябрь—декабрь 1915 г.)

Государь вернулся 6 октября на несколько дней в Царское Село, и было решено, что Алексей Николаевич вновь поедет с ним в ставку, так как ему очень хотелось показать войскам Наследника. Государыня покорилась этой необходимости; она понимала, как Государь страдал от своего одиночества; в самые тяжелые дни своего существования он был лишен своей высшей радости — семьи. Она знала, какую поддержку он почерпнет в присутствии своего сына. Но сердце ее обливалось кровью при мысли об отъезде Алексея Николаевича; это была его первая разлука с ней, и можно себе представить, какую жертву приносила эта мать, не рас-

Ефрейтор Алексей Романов.
Рядом с императорским поездом, 1915

стававшаяся со своим ребенком ни на минуту без тревожной мысли, увидит ли она его вновь живым!

Мы уехали 14 октября в Могилев. Императрица и Великие Княжны провожали нас на вокзал. Когда я прощался с ней, Ее Величество просила меня писать ей ежедневно, чтобы сообщать известия об Алексее Николаевиче. Я обещал ей добросовестно исполнять ее желание во все время нашего отсутствия.

На следующий день мы остановились в Режице, где Государь хотел сделать смотр войскам, отведенным с фронта и расквартированным в окрестностях. Все эти полки принимали участие в тяжелой кампании в Галиции и на Карпатах, и их состав два или три раза почти полностью возобновлялся. Но несмотря на понесенные ими ужасные потери, они прошли перед Государем с удивительным подъемом. Правда, они были на отдыхе уже несколько недель и успели оправиться от усталости и лишений. Это был первый смотр Царя войскам после принятия им верховного командования. Таким образом, они видели в нем одновременно Царя и главнокомандующего. После смотра Государь подошел к солдатам и вступил в простой разговор с некоторыми из них, расспрашивая их о жестоких боях, в которых они участвовали. Алексей Николаевич шаг за шагом следовал за отцом, слушая со страстным интересом рассказы этих людей, которые столько раз видели близость смерти. Его обычно выразительное и подвижное лицо было полно напряжения от усилия, которое он делал, чтобы не пропустить ни одного слова из того, что они рассказывали. Присутствие Наследника рядом с Госу-

дарем возбуждало интерес в солдатах, и когда он отошел, слышно было, как они шепотом обмениваются впечатлениями о его возрасте, росте, выражении лица и т. д. Но больше всего их поразило, что Цесаревич был в простой солдатской форме, ничем не отличавшейся от той, которую носила команда солдатских детей.

Мы приехали 16 октября в Могилев, маленький городок Белоруссии очень провинциального вида, куда Великий Князь Николай Николаевич перевел ставку за два месяца перед тем, во время большого германского наступления. Государь жил в доме губернатора, построенном на высоте, господствующей над левым берегом Днепра. Он занимал в первом этаже две довольно большие комнаты, из которых одна служила ему рабочим кабинетом, а другая спальней. Он решил, что сын будет жить с ним. Походная кровать Алексея Николаевича была поставлена рядом с кроватью его отца. Я же был помещен, как и часть военной свиты Царя, в здании окружного суда, которое было отдано в распоряжение ставки. Наша жизнь сложилась следующим образом. Государь уходил каждый день в 9 с половиной часов в штаб и оставался там обыкновенно до часу дня; я же пользовался его отсутствием, чтобы заниматься с Алексеем Николаевичем в его кабинете, где мы должны были располагаться ввиду недостатка помещений. Завтрак подавался в большой зале губернаторского дома. За ним собиралось ежедневно до тридцати приглашенных. Среди последних находился генерал Алексеев, его главные сотрудники, начальники всех союзных военных миссий, свита и некоторые офицеры, находившиеся проез-

дом в Могилеве. После завтрака Государь разрешал срочные дела, после чего, около трех часов, мы выезжали на прогулку в автомобиле. Отъехав на известное расстояние от города, мы останавливались, выходили и около часа гуляли пешком по окрестностям. Одной из любимых целей наших поездок был красивый сосновый лес, окружающий деревушку Салтановку, где 29 июля 1812 г. произошло столкновение маршала Даву с войсками генерала Раевского*. Часовня, построенная на берегу пруда неподалеку от старой мельницы, указывает место, где был центр сопротивления русских.

По возвращении с прогулки Государь вновь принимался за работу, а Алексей Николаевич готовил в кабинет отца уроки к следующему дню. Однажды в то время, как я по обыкновению был при нем, Государь, обернувшись ко мне с пером в руках, внезапно прервал мое чтение словами:

— Если бы кто-нибудь мне сказал, что придет день, когда я подпишу объявление войны Болгарии, я счел бы такого человека безумцем. И вот, однако, день этот настал. Но я подписываю это скрепя сердце, так как убежден, что болгарский народ обманут своим королем и что большая часть его сохраняет привязанность к России. Сознание племенного единства скоро пробудится в нем, и он поймет свое заблуждение, но будет поздно!

* Французская армия в своем походе на Москву заняла Могилев 19 июня, и маршал Даву жил несколько дней в том же доме губернатора, где теперь поместился Государь с Алексеем Николаевичем.

Этот случай показывает всю простоту нашей жизни в ставке и интимность, созданную совершенно исключительными обстоятельствами, в которых я находился.

Государь пожелал осмотреть войска в сопровождении Наследника, и мы отправились 24 октября в армию. На следующее утро мы прибыли в Бердичев, где в наш поезд сел главнокомандующий юго-западным фронтом генерал Иванов. Несколько часов спустя мы были в Ровно. В этом городе помещался генерал Брусилов со своим штабом, и мы должны были отправиться с ним к месту расположения войск. Мы тотчас же сели в автомобили, ибо приходилось проехать более двадцати верст. При выезде из города к нам присоединился отряд аэропланов, который провожал нас до той минуты, когда мы увидели длинные серые ряды войск, построенных позади леса. Минуту спустя мы подъехали. Государь с Цесаревичем прошел пешком по всему фронту, затем части прошли одна за другой перед ним. Вслед за этим он приказал выступить вперед офицерам и солдатам, представленным к награде, и сам вручил Георгиевские кресты. Когда окончилась эта церемония, уже наступила ночь. На возвратном пути, узнав от генерала Иванова, что неподалеку находится передовой перевязочный пункт, Государь решил прямо проехать туда. Мы въехали в густой лес и вскоре заметили небольшое здание, слабо освещенное красным светом факелов. Государь, сопровождаемый Алексеем Николаевичем, вошел в дом, подходил ко всем раненым и с большой добротой с ними беседовал. Его внезапное посещение в столь поздний час и так близко от линии фронта

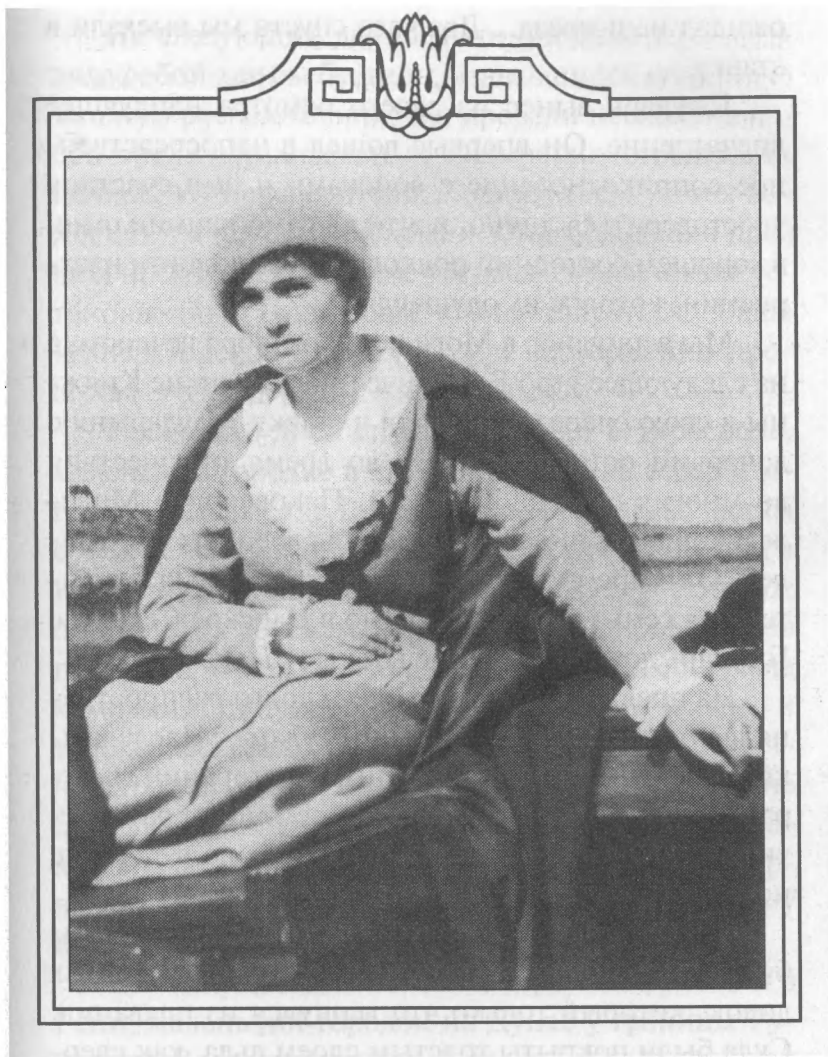

Император Николай II.
Берег Днепра под Могилевом, 1916

вызвало изумление, выразившееся на всех лицах. Один из солдат, которого только что вновь уложили в постель после перевязки, пристально смотрел на Государя, и когда последний нагнулся над ним, он приподнял единственную свою здоровую руку, чтобы дотронуться до его одежды и убедиться, что перед ним действительно Царь, а не видение. Алексей Николаевич стоял немного позади своего отца, глубоко потрясенный стонами, которые он слышал, и страданиями, которые угадывал вокруг себя.

Мы вернулись в наш поезд, который тотчас проследовал на юг. На следующее утро мы проснулись в Галиции; ночью мы проехали бывшую границу Австрии. Государь желал поздравить войска, которые, благодаря чудесам храбрости и несмотря на недостаток оружия и снарядов, все же удержались на неприятельской территории. Мы покинули железную дорогу в Богдановке и постепенно поднимались на плоскогорье, где были собраны части от всех полков армии генерала Щербачева. По окончании церемонии, несмотря на представления окружающих, Государь посетил Печерский полк, расположенный на расстоянии пяти километров от передовых окопов в месте, доступном для огня неприятельской артиллерии. После этого мы вернулись к автомобилям, которые были оставлены в лесу, и направились к армии генерала Лечицкого, находившейся в 50 километрах оттуда. На возвратном пути нас застигла ночь; густой туман покрывал поля; мы заблудились, и нам дважды пришлось поворачивать назад. Наконец после долгих блужданий нам удалось выбраться к полотну железной дороги, но мы находились в 25 километрах от места, где нас

Великая Княжна Ольга.
Берег Днепра под Могилевом, 1916

ожидал наш поезд... Два часа спустя мы выехали в ставку.

Государь вынес из своего осмотра наилучшее впечатление. Он впервые вошел в непосредственное соприкосновение с войсками и был счастлив удостовериться лично, почти на самой линии огня, в хорошем состоянии полков и превосходном настроении, которое их одушевляло.

Мы вернулись в Могилев 27 октября вечером, а на следующее утро Ее Величество и Великие Княжны в свою очередь прибыли в ставку. Государыня с дочерьми останавливалась во время путешествия во многих городах Тверской, Псковской и Могилевской губерний для посещения военных госпиталей. Они пробыли с нами три дня в Могилеве. Затем вся семья выехала обратно в Царское Село, где Государь должен был пробыть несколько дней.

На предыдущих страницах я долго распространялся о первом путешествии Государя с Наследником. Чтобы избежать скучных повторений, я ограничусь в дальнейшем рассказе лишь краткими указаниями о наших поездках в армию в течение ноября.

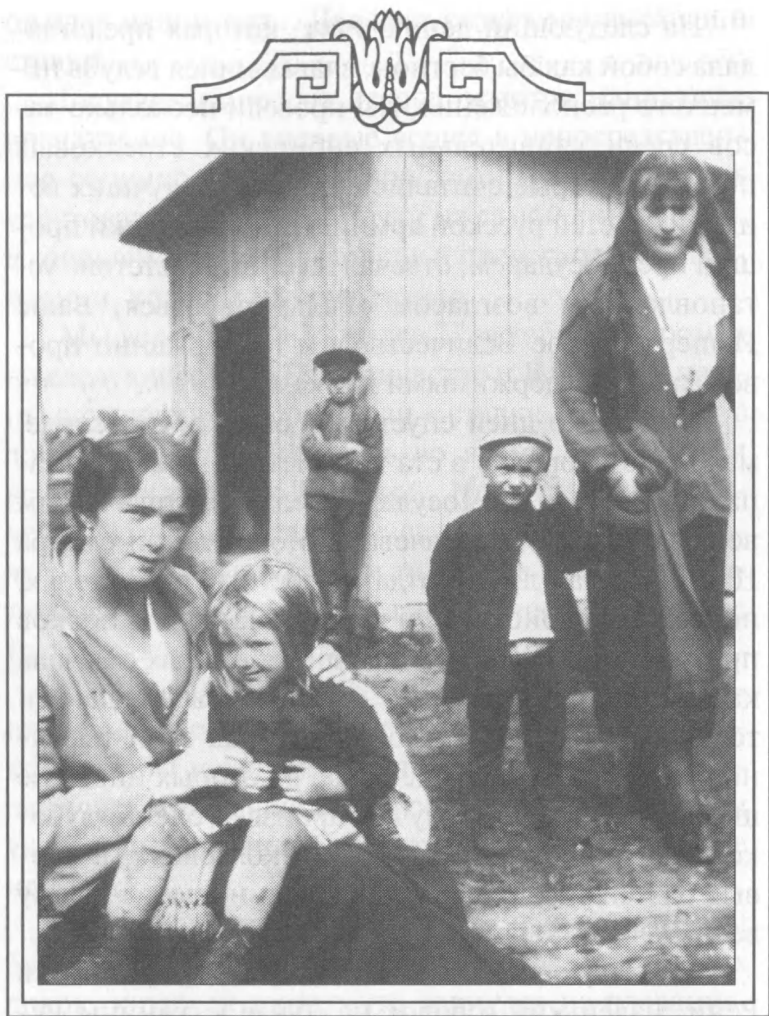
Мы покинули Царское Село 9 ноября; 10 мы были в Ревеле, где Царь посетил отряд подводных лодок, который только что вернулся из плавания. Суда были покрыты толстым слоем льда, как сверкающей чешуей. Тут же находились две английских подводных лодки, которые ценою огромных усилий проникли в Балтийское море. Им удалось уже потопить некоторое количество немецких судов. Государь передал Георгиевские кресты командирам этих лодок.

На следующий день в Риге, которая представляла собой как бы бастион, вдававшийся вглубь немецкого расположения, мы провели несколько часов среди удивительных сибирских стрелковых полков, которые считались одними из лучших воинских частей русской армии. Они молодецки прошли пред Государем, отвечая на его приветствие установленным возгласом «Рады стараться, Ваше Императорское Величество!» и восторженно провожая его неудержимыми кликами.

Несколько дней спустя мы были в Тирасполе, маленьком городке в ста километрах на северо-запад от Одессы, где Государь сделал смотры частям войск генерала Щербачева. По окончании смотра Царь пожелал лично отдать себе отчет в потерях, понесенных войсками, и через командиров полков приказал, чтобы те, кто находился в рядах с начала кампании, подняли руку. Приказ был отдан, и только несколько рук поднялось над этой тысячной толпой; были целые роты, в которых никто не шевельнулся... Этот случай произвел очень глубокое впечатление на Алексея Николаевича; в первый раз жизнь столь непосредственно показала ему весь ужас войны.

На следующий день, 22 ноября, мы прибыли в Рени, маленький городок на Дунае у границы Румынии. В нем находились большие склады, так как там была база для судов, снабжавших продовольствием, оружием и снарядами несчастную Сербию, которая, благодаря измене Болгарии, только что подверглась австро-германскому вторжению.

На другой день недалеко от Балты, в Подолии, Государь дал смотр знаменитой кавказской кавале-

Великие Княжны Ольга и Татьяна
с крестьянскими детьми.
Ставка под Могилевом, 1916

рийской дивизии, полки которой вновь покрыли себя славой во время этой войны. Среди них были, между прочим, кубанские и терские казаки — на высоких седлах, с длинными тонкими пиками, в мохнатых папахах, придававших им свирепый вид. Когда мы тронулись в обратный путь, эта масса кавалерии вдруг двинулась, развернулась по обе стороны дороги и понеслась галопом, взбираясь на возвышенности, спускаясь по круче оврагов, перескакивая через препятствия, и проводила нас до вокзала стремительной лавиной, в которой люди и лошади сталкивались, падали наземь. Воздух оглашался дикими криками кавказских горцев. Зрелище было одновременно величественное и страшное; тут проявлялись все дикие инстинкты этих первобытных племен.

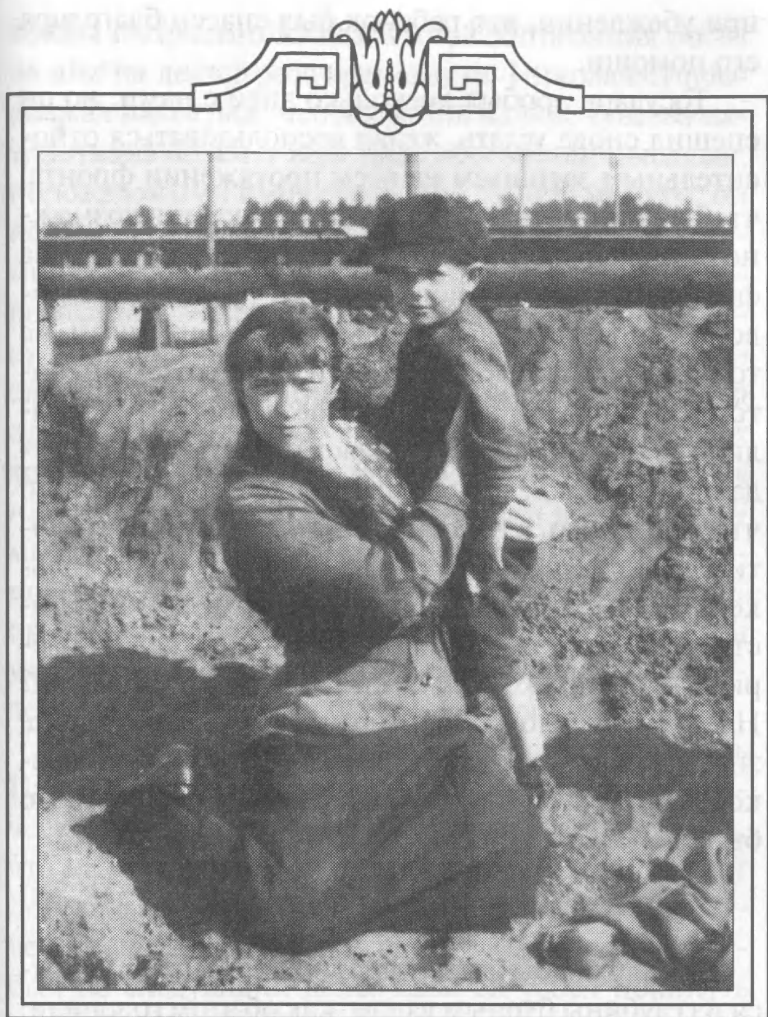
Мы вернулись в ставку лишь 26 ноября, объехав почти весь огромный русский фронт от Балтийского до Черного моря.

Около 10 декабря мы узнали, что Государь намерен посетить гвардейские полки, которые были тогда сосредоточены на границе Галиции. Утром в день нашего отъезда, в четверг 16 декабря, у Алексея Николаевича, простудившегося накануне и схватившего страшный насморк, после сильного чихания открылось кровотечение носом. Я послал за профессором Федоровым*, но ему не удалось вполне остановить кровотечение. Мы пустились в путь, несмотря на это происшествие, потому что

* Профессор Федоров сопровождал Государя во всех его поездках с тех пор, как он взял на себя верховное командование. Доктор Боткин и доктор Деревенко остались в Царском Селе.

все было приготовлено для прибытия Государя. Ночью болезнь ухудшилась; температура поднялась, и больной ослабел. В три часа утра профессор Федоров, испуганный ложившейся на него ответственностью, решился послать разбудить Государя и просить вернуться в Могилев, где он мог бы в лучших условиях ухаживать за ребенком.

На следующий день мы возвратились в ставку, но состояние Цесаревича стало так тревожно, что решено было отвезти его обратно в Царское Село. Государь все же отправился в штаб, где провел два часа с генералом Алексеевым. Потом он вернулся к нам, и мы немедленно тронулись в путь. Возвращение в Царское Село было особенно тревожно, потому что силы больного быстро падали. Приходилось несколько раз останавливать поезд, чтобы сменять тампоны. В течение ночи с Алексеем Николаевичем, — которого в постели поддерживал матрос Нагорный, так как его нельзя было оставлять в совершенно лежащем положении, — дважды делались обмороки, и я думал, что это конец. К утру, однако, наступило легкое улучшение, и кровотечение уменьшилось. Мы прибыли наконец в Царское Село; было одиннадцать часов утра. Государыня в смертельной тревоге ожидала нас с Великими Князнями на платформе вокзала. С бесконечными предосторожностями больного доставили во дворец. Наконец удалось прижечь ранку, образовавшуюся на месте маленького лопнувшего кровеносного сосуда. Государыня приписала, однако, молитвам Распутина улучшение, наступившее утром в состоянии здоровья Цесаревича; она осталась

Великая Княжна Анастасия.
Под Могилевом, 1916

при убеждении, что ребенок был спасен благодаря его помощи.

Государь пробыл несколько дней с нами, но он спешил снова уехать, желая воспользоваться относительным затишьем на всем протяжении фронта, чтобы осмотреть войска и войти с ними в возможно более близкое соприкосновение. Его поездки на фронт удались великолепно. Его присутствие повсеместно возбуждало сильнейший энтузиазм не только среди солдат, но также и среди крестьян, которые на каждой остановке поезда толпами сбегались из окрестностей, стараясь увидеть Царя. Государь был убежден, что должен сделать все усилия, чтобы оживить в народе и в армии чувство патриотизма и привязанности к нему. Пережитые им только что часы заставляли его верить, что он этого действительно достиг, и те, кто его сопровождал, поверили в это так же, как и он. Была ли это иллюзия? Надо очень плохо понимать русский народ и не знать, насколько глубоко укоренилось монархическое чувство в мужике, чтобы не допустить, что это была действительность.

РЕВОЛЮЦИЯ. ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II

Монархия была свергнута вовсе не поднявшимся из глубины бурным валом, как об этом говорили; наоборот, ее крушение подняло такую страшную волну, которая поглотила Россию и едва не затопила соседние Государства. Государь по возвращении из ставки провел январь и февраль в Царском Селе; он чувствовал, что политическое положение становится все более и более натянутым, но все еще не вполне терял надежду. Страна страдала, устала от

войны и страстно жаждала мира. Оппозиция росла со дня на день, гроза гремела, но Николай II продолжал надеяться, что несмотря на все, чувство патриотизма возьмет верх над гибельными мыслями, порождаемыми в умах тревогою данной минуты; он надеялся, что не захотят необдуманными действиями подвергнуть риску результаты войны, столь дорого стоившей стране. Он сохранил нерушимую веру в армию; он знал, что боевое снаряжение, высланное из Франции и Англии, своевременно приходило и что оно улучшало условия, в которых армия воевала. Он возлагал величайшую надежду на новые части, созданные в России в течение зимы*, и был убежден, что русская армия будет в состоянии присоединиться весной к большому наступлению союзников, которое нанесет роковой удар Германии и спасет Россию. Еще несколько недель — и победа была бы обеспечена.

Тем не менее Государь не решался покинуть Царское Село, настолько его озабочивало политическое положение; с другой стороны, он считал, что не может далее отлагать свой отъезд и что долг повелевает ему вернуться в ставку. Наконец в четверг 8 марта Царь отправился в Могилев, куда прибыл на следующий день. Едва он успел покинуть столицу, как первые признаки волнения начали проявляться в рабочих кварталах столицы. Заводы забастовали, и в следующие дни движение быстро разрослось. Население Петрограда подвергалось в

*Россия приступила к реорганизации армии, которая увеличивала количество дивизий и давала в результате значительное увеличение сил.

течение зимы большим лишениям, так как вследствие недостатка подвижного состава перевозка продовольствия и топлива была в высшей степени затруднена, и положение не давало надежд на улучшение. Правительство не сумело принять никаких мер, могущих успокоить брожение, а Протопопов лишь раздражал население столь же нелепыми, сколь преступными репрессивными полицейскими мерами. Прибегли к вмешательству военной силы. Но все полки были на фронте, и в Петрограде оставались лишь обучавшиеся запасные части, сильно разложенные пропагандой, организованной в казармах, несмотря на надзор. Не замедлили произойти случаи отказа в повиновении, и после трех дней слабого сопротивления войска перешли одни за другими на сторону мятежников. 13 марта город был почти весь в руках революционеров, и Дума приступила к образованию Временного правительства.

В Могилеве вначале не отдавали себе отчета в значении событий, развертывавшихся в Петрограде. Однако в субботу 10 марта генерал Алексеев и некоторые лица из свиты Государя попытались разъяснить ему события и уговаривали его без замедления даровать свободы, требуемые народом. Но Николай II, лишний раз введенный в заблуждение намеренно неверными или неполными сведениями, представленными несколькими несознательными лицами из числа его приближенных*, не считал нужным внять

*Профессор Федоров отдавал себе отчет в том, что каждый час промедления уменьшает возможность предотвратить надвигающуюся катастрофу, и стал разыскивать генерала В.,

этим советам. 12-го сделалось невозможным долее скрывать от Государя правду; он понял, что необходимо принять чрезвычайные меры, и решил немедленно вернуться в Царское Село.

Царский поезд покинул Могилев в ночь с 12-го на 13-ое. Когда через сутки он подошел к станции Малая Вишера, стало известно, что станция Тосно, в пятидесяти километрах на юг от Петрограда, занята мятежниками и что доехать до Царского Села невозможно. Пришлось вернуться. Царь решил проехать в Псков, где находился главнокомандующий северным фронтом генерал Рузский; он прибыл туда 14-го вечером. Поставленный генералом в известность о последних петроградских событиях, Государь поручил ему передать по телефону Родзянко, что он готов на все уступки, если Дума считает, что он в состоянии восстановить порядок в стране. Ответ был: уже поздно. Было ли это так в действительности? Распространение революционного движения ограничивалось Петроградом и ближайшими окрестностями. И несмотря на пропаганду, престиж Царя был еще значителен в армии и не тронут среди крестьян. Разве недостаточно было дарования конституции и поддержки Думы, чтобы вернуть Николаю II популярность, которою он пользовался при начале войны?

занимавшего один из высших постов в свите Государя. Он на-шел его на приставной лестнице, занятым прибиванием гвоздя в стену для какой-то картины. Федоров поделился с ним своей тревогой и умолял его сейчас же пойти к Государю. Но генерал обозвал его маньяком, заболевшим страхом революций, и, взяв молоток в руки, продолжал свое занятие, прерванное докучливым посетителем.

Ответ Думы ставил перед Царем выбор: отречение или попытка идти на Петроград с войсками, которые оставались ему верны; но это была гражданская война в присутствии неприятеля... У Николая II не было колебаний, и 15-го утром он передал генералу Рузскому телеграмму с уведомлением председателя Думы о своем намерении отречься от престола в пользу сына.

Несколько часов спустя он приказал позвать к себе в вагон профессора Федорова и сказал ему:

— Сергей Петрович, ответьте мне откровенно, болезнь Алексея неизлечима?

Профессор Федоров, отдавая себе отчет во всем значении того, что ему предстояло сказать, ответил:

— Государь, наука говорит нам, что эта болезнь неизлечима. Бывают, однако, случаи, когда лицо, одержимое ею, достигает почтенного возраста. Но Алексей Николаевич, тем не менее, во власти случайности.

Государь грустно опустил голову и прошептал:

— Это как раз то, что мне говорила Государыня... Ну, раз это так, раз Алексей не может быть полезен родине, как я бы того желал, то мы имеем право сохранить его при себе.

Решение им было принято, и вечером, когда приехали из Петрограда представители Временного правительства и Думы, он передал им акт отречения, составленный им заранее; в нем он отрекался за себя и за своего сына от русского престола в пользу своего брата, Великого Князя Михаила Александровича.

На следующий день после отречения Государя Великий Князь Михаил Александрович по совету всех членов Временного правительства (кроме двух) отрекся в свою очередь и предоставил Учредительному собранию разрешение вопроса о будущем образе правления в России.

Непоправимое совершилось. Исчезновение Царя оставило в душе народной огромный пробел, который она была не в силах заполнить. Сбитый с толку и не знающий, на что решиться в поисках идеала и верований, способных заменить ему то, что он утратил, народ находил вокруг себя лишь полную пустоту.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОСУДАРЯ В ЦАРСКОЕ СЕЛО

Пока драматические события, описанные мною выше, разворачивались во Пскове и Могилеве, Государыня с детьми, оставшись в Александровском дворце, переживала часы невыразимой тревоги.

Как мы это видели, Государь лишь после долгих сомнений, уже сильно встревоженный, решил покинуть Царское Село 8 марта, чтобы поехать в ставку.

Его отъезд особенно удручил Государыню, так как к опасениям, которые вызывало политическое положение, присоединялись еще опасения, которые внушало ей здоровье Алексея Николаевича. Цесаревич уже несколько дней лежал в постели: у него была корь, и положение его ухудшилось вследствие различных осложнений. К довершению несчастья, три Великих Княжны заболели в свою

очередь, и одна Мария Николаевна могла помогать своей матери.

10 марта мы узнали, что в Петрограде вспыхнули беспорядки и что между полицией и манифестантами уже были кровавые столкновения. Произошло это вследствие того, что за последние дни недостаток продовольствия вызвал сильное недовольство в кварталах, где жило простонародье. Собрались толпы, которые направились по улицам города, требуя хлеба.

Я понял, что Ее Величество была очень озабочена, так как, отступая от своей привычки, она заговорила со мною о политических событиях и сказала, что Протопопов обвиняет социалистов в желании, путем деятельной пропаганды среди железнодорожников, помешать подвозу продовольствия в город, чтобы возбудить народ к революции.

11 марта положение внезапно стало крайне критическим. Самые тревожные известия приходили к нам одно за другим. Волнение захватывало центр города, и войска, которые уже накануне были привлечены для поддержания порядка, оказывали лишь слабое сопротивление.

Я узнал также, что был опубликован указ Государя о перерыве сессии Думы, но что, ввиду серьезности переживаемых событий, Дума решила не подчиняться ему и приступила к организации исполнительного комитета, поручив ему восстановление порядка.

На следующий день вооруженная борьба возобновилась с еще большим ожесточением, и мятежникам удалось захватить арсенал. К вечеру мне телефонировали из Петрограда, что запасные части

многих гвардейских полков, как то Павловского, Преображенского и др., присоединились к восставшим. Эта новость как громом поразила Императрицу. Уже накануне она была в сильном беспокойстве и отдавала себе отчет в неотвратимости опасности. В течение этих двух дней она по очереди проводила время в комнатах великих княжон и Алексея Николаевича, состояние здоровья которого еще ухудшилось. Она старалась скрыть от больных терзавшую ее смертельную тревогу.

13 марта, в 9 часов утра, когда я входил к Цесаревичу, Императрица сделала мне знак следовать за нею в соседнюю залу. Она мне объявила, что столица фактически в руках революционеров и что Дума образовала Временное правительство, во главе которого стоит Родзянко.

— Дума оказалась на высоте положения, — сказала она, — мне кажется, что она поняла наконец опасность, грозящую стране, но я боюсь, как бы это не было слишком поздно: образовался комитет из революционеров-социалистов, который не хочет признавать власти Временного правительства. Я только что получила от Государя телеграмму, в которой он извещает о своем прибытии к 6 часам утра. Но он желает, чтобы мы покинули Царское Село и переехали в Гатчину* или чтобы мы выехали к нему навстречу. Прикажите все приготовить на случай отъезда Алексея.

Приказания отданы. Ее Величество находится в тревожной нерешительности. Она дала знать Род-

*Другая императорская резиденция в 20 километрах на юго-запад от Петрограда.

зянко о тяжелом состоянии Цесаревича и великих княжон. Родзянко ответил: «Когда дом горит, из него прежде всего выводят больных». В 4 часа доктор Деревенко возвращается из госпиталя и объявляет нам, что весь петроградский железнодорожный узел уже занят революционерами, что мы не можем выехать и что очень маловероятно, чтобы Государь мог сюда доехать.

Вечером, около 9 часов, ко мне входит баронесса Буксгевден. Она только что узнала, что царскосельский гарнизон взбунтовался, и на улицах стреляют. Надо предупредить Императрицу, которая находится у великих княжон. Как раз в эту минуту она выходит в коридор, и баронесса ставит ее в известность о том, что происходит. Мы подходим к окнам и видим, как генерал Рессин с двумя ротами сводного полка занимает позицию перед дворцом. Я замечаю также матросов гвардейского экипажа и конвойцев. Ограда парка занята усиленными караулами, которые находятся в полной боевой готовности.

В эту минуту мы узнали по телефону, что мятежники продвигаются в нашем направлении и что они только что убили часового в 500 шагах от дворца. Ружейные выстрелы все приближались, столкновение казалось неизбежным. Императрица была вне себя от ужаса при мысли, что кровь прольется на ее глазах, и вышла с Марией Николаевной к солдатам, чтобы побудить их сохранять спокойствие. Она умоляла, чтобы вступили в переговоры с мятежниками. Наступает решающая минута. Тревога сжимает все сердца. Неосторожность может вызвать рукопашную схватку и резню. С обеих сторон выступают офицеры, и начинаются переговоры. Слова их быв-

ших начальников и решимость тех, которые остались верны долгу, действуют на мятежников.

Возбуждение понемногу падает, и наконец решают установить нейтральную зону между обеими сторонами. Так прошла ночь. Утром официальный приказ Временного правительства положил предел этому мучительному положению.

После полудня Ее Величество вызвала Великого Князя Павла Александровича и спросила его, не знает ли он, где Государь. Великий Князь был в полном неведении. На вопросы Государыни о положении он отвечал, что на его взгляд только немедленное дарование конституции может еще предотвратить опасность. Государыня присоединилась к этому мнению, но она была бессильна, ибо с предыдущего дня не могла больше сноситься с Государем.

Весь день 15 марта прошел в подавленном ожидании событий. Ночью, в 3 часа, доктор Боткин был вызван к телефону одним из членов Временного правительства, который справлялся о здоровье Алексея Николаевича. Как мы узнали впоследствии, по городу распространился слух о его смерти. Пытка Государыни продолжалась и на следующий день. Она уже третьи сутки была без известий о Государе, и ее мучительная тревога возрастала от вынужденного бездействия*.

*Мука Императрицы в эти дни смертельной тревоги, когда, без известий от Государя, она приходила в отчаянье у постели больного ребенка, — превзошла все, что можно себе вообразить. Она дошла до крайнего предела сил человеческих; это было последнее испытание, из которого она вынесла то изумительно светлое спокойствие, которое потом поддерживало ее и всю ее семью до дня их кончины.

К концу дня во дворце получили известие об отречении Государя. Государыня отказывалась ему верить, считая это ложным слухом. Однако немного позднее Великий Князь Павел Александрович подтвердил это известие. Она все еще отказывалась верить ему, и только когда Великий Князь сообщил ей подробности, Ее Величество сдалась наконец перед очевидностью. Государь отрекся от престола накануне вечером, во Пскове, в пользу своего брата Великого Князя Михаила Александровича.

Отчаянье Государыни превзошло все, что можно себе представить. Но ее стойкое мужество не покинуло ее. Я увидел ее вечером у Алексея Николаевича. На ней лица не было, но она принудила себя почти сверхчеловеческим усилием воли прийти по обыкновению к детям, чтобы ничем не беспокоить больных, которые ничего не знали о том, что случилось с отъезда Государя в ставку.

Поздно ночью мы узнали, что Великий Князь Михаил Александрович отказался вступить на престол и что судьба России будет решена Учредительным собранием.

На следующий день я вновь застал Государыню у Алексея Николаевича. Она была спокойна, но очень бледна. Она ужасно похудела и постарела за эти несколько дней.

Днем Ее Величество получила телеграмму от Государя, в которой он старался успокоить ее и сообщал, что ждет в Могилеве предстоящего приезда вдовствующей Императрицы.

Прошло три дня. 21 марта, в 10 часов 30 минут утра, Ее Величество вызвала меня и сказала, что генерал Корнилов от имени Временного правительства только что объявил ей, что Государь и она арестованы и что все те, кто не желает подвергаться тюремному режиму, должны покинуть дворец до четырех часов. Я ответил, что решил остаться.

— Государь возвращается завтра, надо предупредить Алексея, надо все ему сказать... Не сделаете ли вы это? Я пойду поговорить с дочерьми.

Было заметно, как она страдает при мысли о том, как ей придется взволновать больных великих княжон, объявляя им об отречении их отца, тем более, что это волнение могло ухудшить состояние их здоровья.

Я пошел к Алексею Николаевичу и сказал ему, что Государь возвращается завтра из Могилева и больше туда не вернется.

— Почему?

— Потому что ваш отец не хочет быть больше верховным главнокомандующим!

Это известие сильно его огорчило, так как он очень любил ездить в ставку. Через несколько времени я добавил:

— Знаете, Алексей Николаевич, ваш отец не хочет быть больше Императором.

Он удивленно посмотрел на меня, стараясь прочесть на моем лице, что произошло.

— Зачем? Почему?

— Потому что он очень устал и перенес много тяжелого за последнее время.

— Ах, да! Мама мне сказала, что, когда он хотел ехать сюда, его поезд задержали. Но папа потом опять будет Императором?

Я объяснил ему тогда, что Государь отрекся от престола в пользу Великого Князя Михаила Александровича, который в свою очередь уклонился.

— Но тогда кто же будет Императором?

— Я не знаю, пока никто!..

Ни слова о себе, ни намек на свои права Наследника. Он сильно покраснел и был взволнован.

После нескольких минут молчания он сказал:

— Если нет больше Царя, кто же будет править Россией?

Я объяснил ему, что образовалось Временное правительство, которое будет заниматься Государственными делами до созыва Учредительного собрания, и что тогда, быть может, его дядя Михаил взойдет на престол.

Я еще раз был поражен скромностью этого ребенка.

В 4 часа двери дворца запираются. Мы в заключении! Сводно-гвардейский полк заменен одним из полков царскосельского гарнизона, и солдаты стоят на часах уже не для того, чтобы нас охранять, а с тем, чтобы нас караулить.

22 марта, в 11 часов утра, приехал наконец Государь в сопровождении гофмаршала князя Долгорукова. Он немедленно поднялся к детям, где его ожидала Государыня.

После завтрака он зашел к Алексею Николаевичу, где я находился в эту минуту, и разговаривал со мною с обычной простотой и благожелательностью. Но при виде его побледневшего и похудевше-

го лица было ясно, что он также много перестрадал за время своего отсутствия.

Возвращение Государя, несмотря на обстоятельства, было большим счастьем для его семьи. Государыня и Мария Николаевна, и больные дети, когда их осведомили о положении, испытали на его счет столько страха и тревоги! Для них было большим утешением чувствовать себя вместе во время такого сурового испытания. Им казалось, что это облегчало их скорбь и что громадная любовь, которую они испытывали друг к другу, давала им достаточно сил, чтобы перенести все страдания.

Несмотря на обычное его самообладание, Государю не удавалось скрыть глубокого потрясения, которое он пережил, но он быстро оправлялся, окруженный лаской своей семьи. Он посвящал ей большую часть своего дня; остальное время он читал или гулял с князем Долгоруковым. Вначале ему был запрещен вход в парк и предоставлено лишь пользование примыкавшим ко дворцу маленьким садом, еще покрытым снегом и окруженным часовыми. Но Государь принимал все эти строгости с изумительным спокойствием и величием духа. Ни разу ни слова упрека не слетело с его уст. Дело в том, что одно чувство, более сильное даже, чем семейные связи, преобладало в нем — это была его любовь к родине. Чувствовалось, что он готов все простить тем, кто подвергал его унижениям, лишь бы они оказались способными спасти Россию.

Государыня проводила почти все свое время на кушетке в комнате великих княжон или у Алексея Николаевича. Волнения и жгучая тревога физичес-

ки истощили ее, но с возвращением Государя она почувствовала нравственное успокоение; она жила очень сильной внутренней жизнью и мало разговаривала, уступая наконец той повелительной потребности в отдыхе, которая так давно ощущалась ею. Она была счастлива, что не приходится больше бороться, и что она может всецело посвятить себя тем, кого любила такою великой любовью. Одна Мария Николаевна продолжала еще ее беспокоить. Она заболела гораздо позднее сестер, и ее болезнь осложнилась злокачественным воспалением легких; организм ее, хотя и очень крепкий, с трудом боролся с болезнью. Она к тому же была жертвой своего самоотвержения. Эта 17-тилетняя девушка без счета расходовала свои силы в дни революции. Она была самой твердой опорой матери. В ночь на 13-ое марта она неосторожно вышла на воздух вместе с Государыней, чтобы говорить с солдатами, подвергаясь холоду в то время, как уже чувствовала первые приступы заболевания. По счастью, остальные дети чувствовали себя лучше и находились на пути к полному выздоровлению.

Наше царскосельское заключение, казалось, не должно было долго длиться: был поднят вопрос о предстоящей отправке нас в Англию. Но дни проходили, и отъезд наш постоянно откладывался. Дело в том, что Временное правительство было вынуждено считаться с крайними элементами, и чувствовалось, что власть мало-помалу ускользает из его рук. Мы были, однако, всего в нескольких часах езды по железной дороге от финляндской границы, и необходимость проезда через Петроград была единственным серьезным препятствием. Таким об-

разом, казалось, что, действуя решительно и с соблюдением полной тайны, было бы не так трудно перевезти Царскую Семью в один из портов Финляндии, а оттуда за границу. Но все боялись ответственности, и никто не решался себя скомпрометировать. Злой рок тяготел над ними!

Около 15 ноября мы узнали, что Временное правительство свергнуто и что большевики захватили власть в свои руки. Но это происшествие не отозвалось немедленно на нашей жизни, и, как мы это увидим, большевики лишь несколько месяцев спустя надумали заняться нами.

ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

(март-август 1917 года)

Царская Семья оставалась в Царском Селе до августа 1917 года. В течение пяти месяцев этого заключения, которые я провел с нею, я вел дневник нашей совместной жизни. Читатель поймет чувство деликатности, не позволяющее мне воспроизвести его целиком. Я хочу, насколько возможно, избежать того, чтобы касаться остающихся в живых. Я отклонюсь, однако, от этого правила, когда речь пойдет о случаях, обрисовывающих характер Государя и его семьи, или о чувствах, одушевлявших их в течение этих долгих месяцев испытаний.

Воскресенье 1 апреля. — Алексей Николаевич чувствует себя гораздо лучше, и мы сегодня утром отправились в церковь, где уже находились Их Величества, Великие Княжны Ольга и Татьяна, а также некоторые лица свиты, разделяющие наше за-

ключение. Когда священник молился об успехах русской и союзнических армий, Государь и Государыня опустились на колени, и все присутствующие последовали их примеру.

Несколько дней тому назад, выходя от Алексея Николаевича, я встретил человек десять солдат, бродивших по коридору. Я подошел к ним и спросил, чего они хотят.

— Мы желаем видеть Наследника.

— Он в постели, и его видеть нельзя.

— А остальные?

— Они также больны.

— А где Царь ?

— Я не знаю.

— Пойдет он гулять?

— Не знаю. Но послушайте, не стойте тут, не надо шуметь, ведь здесь больные!

Они вышли на цыпочках и разговаривали шепотом. Так вот они, те солдаты, которых нам расписали кровожадными революционерами, ненавидящими своего бывшего Царя!

Вторник 3 апреля. — Керенский приезжал сегодня в первый раз во дворец. Он обошел все комнаты, проверил часовых, желая лично удостовериться, что нас хорошо стерегут. Перед отъездом у него был довольно длинный разговор с Государем и Государыней.

Среда 4 апреля. — Алексей Николаевич рассказал мне вчерашнюю беседу Керенского с Государем и Государыней.

Вся семья была собрана в комнатах великих княжон. Керенский входит и, представляясь, говорит:

— Я генерал-прокурор Керенский.

Потом он пожимает руки всем присутствующим; обернувшись затем к Императрице, он произносит:

— Королева английская просит известий о бывшей Императрице!

Ее Величество сильно краснеет. Ее в первый раз так называют. Она отвечает, что чувствует себя недурно, но, как всегда, страдает от сердца. Керенский продолжает:

— То, что я раз начал, я всегда, со всей своей энергией, довожу до конца. Я хотел все лично увидеть и проверить, чтобы иметь возможность доложить об этом в Петрограде; это будет лучше и для вас.

Затем он попросил Государя пройти в соседнюю комнату, желая поговорить с ним наедине. Он входит первым. Государь следует за ним.

После его отъезда Государь рассказывал, что, лишь только они остались одни, Керенский ему сказал:

— Вы знаете, что мне удалось провести отмену смертной казни?.. Я это сделал несмотря на то, что многие мои товарищи погибли жертвами своих убеждений.

Не хотел ли он выставить напоказ свое великодушие и намекнуть, что спасает жизнь Государя, хотя он этого не заслужил?

Затем он заговорил насчёт нашего отъезда, который еще надеется устроить. Когда, как, куда? Он сам хорошенько этого не знал и просил, чтобы об этом не говорили.

Для Алексея Николаевича удар был очень тяжел. Он еще не отдавал себе отчета в их новом положении. Он в первый раз видел, чтобы его отцу давались приказания, а он их исполнял, как подначальный.

Вот подробность, заслуживающая быть отмеченной: Керенский приехал во дворец на одном из личных автомобилей Государя, с шофером из императорского гаража.

Пятница 6 апреля. — Государь поделился со мною глубокой скорбью, которую он испытывает при чтении газет. Происходит развал армии. Нет больше ни чинопочитания, ни дисциплины. Офицеры боятся солдат, которые за ними шпионят. Чувствуется, что Государь сильно страдает от развала армии, которую так любит.

Воскресенье 8 апреля. — После обедни Керенский объявил Государю, что принужден разлучить его с Государыней, что он должен будет жить отдельно и видаться с Ее Величеством только за столом и при условии, что они будут разговаривать исключительно по-русски. Чай они также могут пить вместе, но в присутствии офицера, так как прислуги при этом не бывает.

Немного позднее подошла ко мне сильно взволнованная Государыня и сказала:

— Поступать так с Государем, сделать ему эту гадость после того, что он принес себя в жертву и отрекся, чтобы избежать гражданской войны, — как это низко, как это мелочно! Государь не пожелал, чтобы кровь хотя бы одного русского была пролита за него. Он всегда был готов от всего отка-

заться, если бы имел уверенность, что это на благо России.

Через минуту она продолжала:

— Да, надо перенести еще и эту горькую обиду.

Понедельник 9 апреля. — Я узнал, что Керенский сперва хотел изолировать Государыню, но ему заметили, что было бы бесчеловечно разлучить мать с ее больными детьми; тогда он решил применить эту меру в отношении Государя.

Великая пятница 13 апреля. — Вечером вся семья исповедывалась.

Суббота 14 апреля. — В 9 с половиной часов утра обедня и причастие. Вечером, в 11 с половиной часов, все собираются к заутрени. У заутрени присутствует комендант дворца полковник Коровиченко, друг Керенского, и три офицера караула. Служба продолжается до двух часов, после чего все идут в библиотеку для обычных поздравлений. Государь по русскому обычаю христосуетсся со всеми присутствующими мужчинами, включая коменданта дворца и караульного офицера, который остался при нем. Они оба не могут скрыть волнения, которое вызвало в них это непосредственное движение Государя.

Потом все садятся за круглый стол для пасхального разговенья. Их Величества сидят друг против друга. Нас, с двумя офицерами, семнадцать человек. Великие княжны Ольга и Мария отсутствуют, равно как и Алексей Николаевич. После сравнительного оживления, которое начало быстро падать, разговоры замирают. Ее Величество особенно молчалива. Грусть ли это или усталость?

Воскресенье 15 апреля. — Пасха. Мы в первый раз выходили с Алексеем Николаевичем на террасу перед дворцом. Чудный весенний день.

В семь часов вечера наверху, в детских комнатах, происходит богослужение. Нас всего человек пятнадцать. Я замечаю, что Государь набожно крестится, когда священник поминает Временное правительство.

На следующий день мы по случаю чудной погоды выходим в парк, где нам теперь разрешили гулять; нас сопровождают караульные офицеры и часовые.

Желая немного размять себе мускулы, мы забавляемся разбиванием льда у плотины пруда. Толпа солдат и штатских не замедлила собраться вдоль ограды парка и смотрела на нашу работу. Через некоторое время караульный офицер подошел к Государю и сказал, что он опасается враждебной манифестации или даже покушения на членов Царской Семьи и просит нас не оставаться на том месте, где мы находимся. Государь ответил ему, что совершенно не боится и что эти добрые люди ему нисколько не мешают.

Среда 18 апреля. — Каждый раз, что мы выходим, нас окружают несколько солдат с винтовками с примкнутыми штыками под командой офицера и следуют за нами по пятам. Мы — точно каторжане среди караульных. Распоряжения меняются ежедневно, — или, может быть, офицеры понимают их каждый на свой лад!

Когда мы возвращались сегодня днем во дворец после нашей прогулки, часовой перед дверью остановил Государя словами:

— Господин полковник, здесь проходить нельзя.

Потребовалось вмешательство сопровождавшего нас офицера. Алексей Николаевич густо покраснел, увидев, как солдат остановил его отца.

Пятница 20 апреля. — Мы теперь гуляем регулярно, два раза в день: утром от одиннадцати до двенадцати и днем от двух с половиною до пяти часов. Мы все соединяемся в полукруглой зале и ждем, пока караульный начальник отопрет нам двери, ведущие в парк. Мы выходим — дежурный офицер и солдаты следуют за нами по пятам и окружают место, где мы останавливаемся для работы. Императрица и Великие Княжны Ольга и Мария еще не выходят из комнат.

Воскресенье 22 апреля. — Запрещено доходить до пруда: мы должны оставаться около дворца и не выходить из отведенного для нас пространства. Мы замечаем издали толпу любопытных, желающих нас разглядеть.

Среда 25 апреля. — Керенский опять приехал во дворец. Доктор Боткин воспользовался этим случаем, чтобы спросить его, нельзя ли переправить императорскую семью в Ливадию ради здоровья детей. Керенский отвечает, что в данное время это совершенно невозможно. Вслед за тем он пошел к Их Величествам, где оставался довольно долго. Отношение Керенского к Государю уже не то, что было вначале: он уже не принимает позы судьи. Я уверен, что он начинает понимать Государя и подпадает под его нравственное обаяние; это случается со всеми, кто к нему приближается. Керенский просил газеты прекратить травлю, которую они ведут

Великая Княжна Татьяна.
Царское Село, 28 апреля 1917

против Государя и особенно против Государыни. Эти клеветы только подливают масло в огонь. У него есть чувство ответственности за заключенных. Однако ни слова о нашем отъезде за границу. Это показывает его бессилие.

Воскресенье 29 апреля. — Вечером длинный разговор с Их Величествами насчет уроков Алексея Николаевича. Надо найти какой-нибудь выход, раз у нас нет больше преподавателей. Государь возьмет на себя историю и географию, Государыня — закон Божий, баронесса Буксгевден — английский язык, г-жа Шнейдер — арифметику, доктор Боткин — русский язык, а я — французский.

Понедельник 30 апреля. — Сегодня Государь приветствовал меня словами: «Здравствуйте, дорогой коллега!» — Он только что дал первый урок Алексею Николаевичу. То же спокойствие и желание оказать ласку всем, разделяющим его тяжелую участь. Он для всех нас пример и ободрение.

Я дал Татьяне Николаевне на прочтение ее родителям статью из газеты «*Journal des Débats*», подписанную А. Г. (Август Гавен), от 18 марта 1917 г.

Чувствуется, что режим, которому нас подвергают, становится более строгим.

Вторник 1 мая. — Россия в первый раз празднует 1 мая. Мы слышим гром музыки и видим, как вдоль ограды парка проходят длинные шествия манифестантов.

Сегодня вечером Государь вернул мне «*Journal des Débats*», в котором говорится об его отречении. Он мне сказал, что Императрица и он с удовольствием прочли статью, в которой стараются быть справедливыми по отношению к нему и тон

которой так сильно расходится с тоном английских газет.

Четверг 3 мая. — Государь сказал мне вечером, что известия за последние дни очень плохи. Крайние партии требуют от Франции и Англии заявления о желании заключить мир «без аннексий и контрибуций». Число дезертиров все увеличивается, и армия тает. Будет ли иметь Временное правительство силы продолжать войну?

Государь с живейшим интересом следит за событиями. Он обеспокоен, но надеется, что страна спохватится и останется верна союзникам.

Воскресенье 13 мая. — Вот уже второй день, что мы разбиваем огород на одной из полян парка. Мы начали с того, что сняли дерн, который переносим на носилках и складываем в кучи. Все принялись за работу: Царская Семья, мы и прислуга дворца, которую с некоторых пор выпускают на прогулку вместе с нами. Даже несколько солдат караула пришли нам помочь! У Государя последние дни очень озабоченный вид. Он сказал мне, возвращаясь с прогулки:

— Оказывается, Рузский подал в отставку. Он просил перейти в наступление (теперь просят — уже больше не приказывают!), но солдатские комитеты отказались. Если это правда, то это конец! Какой позор! Защищаться, а не наступать — это равносильно самоубийству! Мы дадим возможность раздавить наших союзников, потом настанет наша очередь.

Понедельник 14 мая. — Государь вернулся к нашему вчерашнему разговору и добавил:

Великие Княжны Татьяна и Анастасия на огороде в
Александровской парке.
Царское Село, 1 мая 1917

— Что дает мне маленькую надежду, это то, что у нас любят преувеличивать! Я не могу поверить, чтобы на фронте армия была такой, как говорят: в два месяца она не могла пасть до такой степени.

Четверг 18 мая. — Мне кажется, что серьезный правительственный кризис, длившийся уже около двух недель, разрешается. Вести из Петрограда как будто менее плохи. Новому совету министров, в который вошли несколько представителей солдат и рабочих, удастся, быть может, утвердить свой авторитет. Пока анархия повсюду растет.

Суббота 19 мая. — День рождения Государя (со-рок девять лет). Обедня и поздравления.

Воскресенье 27 мая. — С некоторых пор выдают очень мало дров, и всюду страшно холодно. Нарышкина (гофмейстерина Ее Величества) заболела, и ее сегодня увезли, так как ее здоровье требует ухода, которого ей здесь дать нельзя. Она в отчаянии, что покидает нас, так как знает, что ей не позволят вернуться во дворец.

Суббота 2 июня. — Мы продолжаем ежедневно работать на огороде. Мы его поливаем из бочек, которые возим по очереди.

Воскресенье 10 июня. — Несколько дней тому назад дети играли на своем острове (искусственный остров среди маленького озера). Алексей Николаевич играл с маленьким ружьем, которым очень дорожит, так как это ружье Государь получил от отца, когда был ребенком.

Один из офицеров подошел к нам и предупредил меня, что солдаты решили отнять у Цесаревича его ружье и что они сейчас придут его взять. Услыхав это, Алексей Николаевич положил свою иг-

рушку и подошел к Государыне, сидевшей на лужайке в нескольких шагах от нас. Минуту спустя подошел караульный офицер с двумя солдатами и потребовал, чтобы ему сдали требуемое ими «оружие». Я пытаюсь вступить в это дело и объяснить им, что это не ружье, а игрушка. Напрасный труд — они отбирают его. Алексей Николаевич начинает рыдать. Его мать просит меня еще раз попробовать уговорить солдат, но это мне снова не удается, и они уходят со своим трофеем.

Полчаса спустя дежурный офицер отзывает меня в сторону и просит сказать Цесаревичу, что он в отчаянии от того, что ему пришлось сделать. После бесплодных попыток уговорить солдат он предпочел придти с ними сам, во избежание возможности грубых выходов с их стороны.

Полковник Кобылинский* остался очень недоволен, узнав об этом происшествии, и по частям вернул ружье Алексею Николаевичу, который им теперь играет только в своей комнате.

Пятница 15 июня. — Мы закончили несколько времени тому назад наш огород, который стал великолепен. У нас есть все решительно овощи и пятьсот кочанов капусты. Служащие тоже разбили огород по другую сторону дворца; они разведут в нем то, что им вздумается. Мы ходили, в том числе и Государь, помочь им пахать землю.

Теперь, когда мы закончили садовые работы и чтобы занять свободное время, мы попросили и по-

* Полковник Кобылинский за несколько времени до того заменил полковника Коровиченко в качестве коменданта дворца.

лучили разрешение срубить сухие деревья в парке. Мы переходим с места на место вместе с караулом. Мы становимся довольно ловкими дровосеками и сделаем таким путем запас дров на будущую зиму.

Пятница 22 июня. — Так как у великих княжон после болезни сильно падали волосы, им наголо брили головы; когда они выходят в сад, то надевают шляпы, сделанные, чтобы скрыть отсутствие волос. В ту минуту, когда я собирался их фотографировать, они по знаку Ольги Николаевны быстро сняли шляпы. Я протестовал, но они настояли, забавляясь мыслью увидеть свои изображения в этом виде и в ожидании возмущенного удивления родителей. Несмотря на все, время от времени их юмор вновь проявляется; это — действие бьющей ключом молодости!

Воскресенье 24 июня. — Дни проходят за днями без всяких перемен, в уроках и прогулках. Государь рассказал мне сегодня забавный случай, нарушившей однообразие нашего заключения.

Вчера вечером он читал вслух в красной зале, где находились Государыня и Великие Княжны. Вдруг около одиннадцати часов входит весьма смущенный лакей и докладывает, что начальник караула желает быть немедленно принятым Государем. Думая, что дело идет об очень важных событиях в Петрограде, — ждали вооруженного выступления большевиков против Временного правительства, — Государь приказывает немедленно пригласить начальника караула войти. Входит офицер в сопровождении двух унтер-офицеров. Он объясняет, что вызван выстрелом часового, заметившего красные и зеленые сигналы, подаваемые из окон комнаты,

занимаемой Царскою Семей. Общее полнейшее недоумение! Какие сигналы? Что это все означает? Страшное волнение Государыни и великих княжон. Офицер приказывает наглухо закрыть шторы, — стоит удушливая жара, — и собирается уходить. В это время выступает вперед сопровождающий его унтер-офицер и разъясняет загадку. Великая Княжна Анастасия Николаевна вышивала, сидя на подоконнике. Нагибаясь к столу, чтобы брать со стола нужные ей для работы вещи, она то загораживала, то открывала свет двух ламп с красным и зеленым абажурами, при которых читал Государь. Сконфуженный офицер удаляется.

Понедельник 2 июля. — Мы узнаем, что в районе Тернополя началось наступление, которое разворачивается с успехом.

Вторник 31 июля. — Молебен по случаю военных событий, предвещающих, как кажется, большую победу. Государь, сияющий, приносит Алексею Николаевичу вечерние газеты и читает ему официальные сообщения.

Четверг 12 июля. — Новости с фронта не хороши. Столь счастливо начавшееся наступление обращается в неуспех для русских.

Воскресенье 15 июля. — Ничего нового в нашем заключении. Единственное развлечение составляют прогулки. Очень жарко, Алексей Николаевич уже несколько дней купается в пруду, среди которого находится детский островок. Это большая радость для него.

Среда 20 июля. — Неуспех на фронте принимает все более и более значительные размеры. Выясняется отступление. Государь очень этим огорчен.

Четверг 9 августа. — Я узнал, что Временное правительство решило перевезти Царскую Семью. Место назначения держится в тайне. Мы все надеемся, что это будет Крым.

Суббота 11 августа. — Нам дали знать, что мы должны захватить теплую одежду. Значит, нас направляют не на юг. Крупное разочарование.

Воскресенье 12 августа (30 июля ст. ст.) — День рождения Алексея Николаевича (тринадцать лет). По просьбе Государыни приносили к обедне из Знаменской церкви чудотворную икону Божией Матери. Наш отъезд назначен на завтра. Полковник Кобылинский под большим секретом передал мне, что нас переселяют в Тобольск.

Понедельник 13 августа. — Нам пришли сказать, что мы должны быть готовы к полуночи; поезд заказан в час ночи. Последние приготовления. Прощальное посещение детского острова, огорода и т. д. К часу ночи все собираются в полукруглой зале, заваленной багажом. Великий Князь Михаил Александрович приезжал с Керенским и имел свидание с Государем, который был счастлив увидеть брата перед отъездом.

Поезд, который должен нас увезти, еще не подошел. Оказывается, есть какие-то трения с петроградскими железнодорожниками, которые подозревают, что он предназначается для Царской Семьи. Часы проходят в ожидании, которое становится все более утомительным. Сможем ли мы уехать? Начинают в этом сомневаться (этот случай показывает бессилие правительства). Наконец около пяти часов утра нам объявляют, что все готово. Мы прощаемся с теми из сотоварищей по за-

ключению, которые не могут ехать с нами *. Сердце сжимается при мысли покинуть Царское Село, с которым связано столько воспоминаний, и этот отъезд в неизвестность полон тяжелой грусти. При выезде из парка наши автомобили окружает отряд кавалерии, сопровождающий нас до маленькой станции Александровки. Мы размещаемся в вагонах, которые очень удобно обставлены. Через полчаса поезд медленно движется в путь. Было без десяти шесть утра.

НАШЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ В ТОБОЛЬСКЕ

(август — декабрь 1917 г.)

Какие причины побудили совет министров перевезти Царскую Семью в Тобольск? Этот вопрос трудно разрешить. Когда Керенский объявил об этом перемещении Государю, то он объяснил его необходимость тем, что Временное правительство решило принять энергичные меры против больше-

* Граф и графиня Бенкендорф, преклонные годы и слабость здоровья которых не позволили им нам сопутствовать, баронесса Буксгевден, задержанная своею болезнью и хотевшая, как только сможет, приехать к нам в Тобольск, и некоторые из слуг. Керенский приказал спросить государя, не желает ли он заменить кем-нибудь графа Бенкендорфа. Государь ответил, что если бы генерал Татищев пожелал разделить с ним заточение, он был бы очень счастлив. Узнав о желании своего монарха, генерал Татищев немедленно устроил свои дела и несколько часов спустя, с чемоданом в руках, отправился в Царское Село. Мы застали его уже в поезде в момент отъезда. Генерал Татищев не имел должности при дворе, он был одним из многочисленных генерал-адъютантов Государя.

виков; это должно было, по его словам, повлечь за собою полосу смуты и вооруженных столкновений, первой жертвой которых могла сделаться Царская Семья; поэтому долг повелевал ему оградить ее от случайностей. С другой стороны, утверждали, что это было проявлением слабости по отношению к крайним левым, которые были обеспокоены при виде зарождавшегося в армии движения, благоприятного Государю, — и требовали его ссылки в Сибирь. Как бы то ни было, путешествие Царской Семьи из Царского Села в Тобольск совершилось при хороших условиях и без особых приключений.

Выехав в 6 часов утра 14 августа, мы прибыли 17-го вечером в Тюмень, на ближайшую к Тобольску железнодорожную станцию, и несколько часов спустя сели на пароход «Русь».

На следующий день мы проходили мимо родного села Распутина, и Царская Семья, собравшись на палубе, имела возможность видеть дом «старца», ясно выделявшийся среди изб. В этом для Царской Семьи не было ничего удивительного, потому что Распутин это предсказал. Случай снова, казалось, подтверждал его пророческие слова.

19-го, к концу дня, мы неожиданно увидели за одним из поворотов реки зубчатые очертания господствующего над Тобольском кремля и немного позже прибыли по назначению.

Ввиду того, что дом, в котором мы должны были разместиться, не был готов, мы были принуждены остаться несколько дней на привезшем нас пароходе и только 26 августа водворились в нашем новом месте жительства.

Царская Семья занимала весь верхний этаж просторного и удобного губернаторского дома. Свита жила в доме богатого тобольского купца Корнилова, расположенном через улицу, почти напротив. Охрана состояла из солдат — бывших стрелков императорской фамилии, приехавших с нами из Царского Села. Она находилась под начальством полковника Кобылинского, человека сердечного, который искренно привязался к семье, за которой должен был наблюдать. Он сделал все, что мог, чтобы смягчить ее участь.

Вначале условия нашего заключения были довольно сходны с царскосельскими. У нас было все необходимое. Тем не менее, Государь и дети страдали от недостатка простора. В самом деле, для своих прогулок они располагали только очень маленьким огородом и двором, который устроили, окружив забором широкую малопроезжую улицу, проходившую на юго-восток от дома. Этого было очень мало, и там приходилось быть на глазах у солдат, казарма которых господствовала над всем отведенным нам пространством. Приближенным и прислуге была, напротив, по крайней мере вначале, предоставлена большая свобода, нежели в Царском Селе, и они могли ходить в город и ближайшие окрестности.

В сентябре приехал в Тобольск присланный Керенским комиссар Панкратов. Его сопровождал его помощник Никольский, бывший, как и он сам, политическим ссыльным. Панкратов был человек довольно образованный, мягкий тип сектанта-фанатика. Он произвел на Государя хорошее впечатление и впоследствии полюбил детей. Но Николь-

ский был настоящее животное, деятельность которого оказалась в высшей степени пагубной. Ограниченный и упрямый, он ежедневно изощрялся в измышлении новых оскорбительных притеснений. С самого своего приезда он потребовал от полковника Кобылинского, чтобы нас заставили сняться. Когда последний ему возразил, что это излишне, так как все солдаты нас знали, — они были те же, которые караулили нас в Царском Селе, — он ему ответил: «Прежде нас принуждали сниматься, теперь их черед». Пришлось пройти через это, и с тех пор у нас были удостоверения личности за номерами, снабженные фотографиями.

Церковные службы происходили сперва в доме, в большой зале верхнего этажа. Священнику церкви Благовещения, дьякону и четырем монахиням Ивановского монастыря было разрешено приходить для служения. Но за отсутствием антиминса было невозможно служить обедню. Это было большим лишением для семьи. Наконец 21 сентября н. с., по случаю праздника Рождества Богородицы, всем узникам было впервые разрешено пойти в церковь. Это было большой радостью для них, но подобное утешение они получали впоследствии лишь очень редко.

В эти дни все вставали очень рано и, когда были в сборе во дворе, выходили сквозь маленькую калитку, ведущую в общественный сад, через который шли между двух рядов солдат. Мы всегда присутствовали только у ранней обедни и оказывались в едва освещенной церкви почти одни; народу доступ в нее был строжайше запрещен. На пути туда или обратно мне часто случалось видеть людей, ко-

которые крестились или падали на колени при проходе Их Величеств. Вообще, жители Tobольска оставались очень привязаны к Царской Семье, и нашим стражам пришлось много раз не допускать стоять народу под окнами и не позволять снимать шапки и креститься при проходе мимо дома.

Однако наша жизнь понемногу налаживалась, и нам удалось общими силами возобновить обучение Цесаревича и двух младших великих княжон. Уроки начинались в девять часов и от одиннадцати до часа прерывались для прогулки, в которой всегда принимал участие Государь. Ввиду того, что не было классной комнаты, ученье происходило либо в большой зале верхнего этажа, либо у Алексея Николаевича, или в моей комнате: я жил внизу, в прежнем кабинете губернатора. В час все собирались к завтраку. Однако Государыня, когда бывала нездорова, завтракала у себя с Алексеем Николаевичем. Около двух часов мы снова выходили на прогулку и гуляли, и играли до четырех часов.

Государь очень страдал от недостатка физических упражнений. Полковник Кобылинский, которому он жаловался на этот счет, приказал привезти березовые бревна и купить пилы и топоры, и мы получили возможность заготавливать дрова, необходимые для кухни печей. Это сделалось одним из больших наших развлечений на чистом воздухе в продолжение нашего заключения в Tobольске, и даже Великие Княжны пристрастились к этому новому спорту.

После чая уроки возобновлялись и оканчивались около шести с половиною. Обедали часом позже, после чего шли наверх в большую залу пить

кофе. Мы все были приглашены проводить вечер с Царской Семейей, и для некоторых из нас это сделалось вскоре привычкой. Мы устроили игры и всячески изошрялись найти забавы, способные внести разнообразие в монотонность нашего заключения. Когда начало становиться очень холодно и большая зала сделалась необитаемой, мы нашли себе приют в соседней, единственной действительно уютной комнате дома, служившей гостиной Ее Величеству. Государь часто читал вслух, а Великие Княжны занимались рукодельем или играли с нами. Государыня обыкновенно играла одну или две партии в безиг с генералом Татищевым, а затем также брала какую-нибудь работу или лежала на своей кушетке. В этой мирной семейной обстановке мы проводили долгие зимние вечера, как бы затерянные в беспредельности далекой Сибири.

Проходили недели за неделями, и доходившие до нас известия становились все хуже и хуже. Нам, однако, было очень трудно следить за событиями и уяснить себе их значение, так как данные, которыми мы располагали, не позволяли нам ни понимать причины, ни учитывать их последствия. Мы были так далеко и до такой степени отрезаны от всего мира! И если нам удавалось еще знать приблизительно, что происходило в России, мы были в почти полном неведении о Европе.

Между тем большевистские учения начали проявлять свое разлагающее действие в отряде, который нас охранял и который до того времени довольно хорошо устоял против них. Состав его был чрезвычайно разнообразный: большинство солдат

1-го и 4-го полков было хорошо расположено к Царской Семье и в особенности к детям. Великие княжны любили с простотой, составлявшей их прелесть, говорить с этими людьми, у которых — они это чувствовали — душа лежала, как и у них, к прошлому. Великие княжны расспрашивали солдат об их семьях, деревнях или о боях, в которых они участвовали во время войны. Алексей Николаевич, который остался для них Наследником, тоже покори́л их сердца, и они всячески старались сделать ему удовольствие и доставить ему развлечение. Взвод 4-го полка, состоявший почти исключительно из солдат старших призывных возрастов, особенно отличался в этом отношении, и Царская Семья всегда радовалась, когда приходила очередь этих славных людей. В эти дни Государь и дети отправлялись тайком в караульное помещение, и они разговаривали или играли в шашки с солдатами, причем ни разу ни один из них не проявил ни малейшей вольности в обращении. Однажды их застал там комиссар Панкратов, который в изумлении остановился на пороге, наблюдая сквозь свои очки это неожиданное зрелище. Видя его недоумение, Государь сделал ему знак присесть к столу. Но комиссар чувствовал себя, очевидно, не на своем месте: он пробормотал несколько невнятных слов и, повернувшись на каблуках, удалился в полном смущении.

Как я выше упомянул, Панкратов был сектантом, насквозь пропитанным гуманитарными началами; он не был дурным человеком. С самого своего приезда он устроил занятия с солдатами, вводя их в круг либеральных учений и прилагая все усилия к тому, чтобы развить в них патриотизм и граж-

данственность. Но его усилия обратились против него. Будучи убежденным противником большевиков, он в действительности лишь подготовил им почву и, не отдавая себе в том отчета, содействовал успеху их идей. Ему пришлось, как мы это увидим, стать первую их жертвой.

Солдаты 2-го полка с самого начала отличались своим революционным духом; уже в Царском Селе они причинили заключенным множество докучливых неприятностей. Большевистский переворот усилил их власть и дерзость. Им удалось добиться образования «солдатского комитета», стремившегося к тому, чтобы внести в распорядок нашей жизни новые ограничения и понемногу заменить свою властью власть полковника Кобылинского. Мы получили доказательство недоброжелательства комитета, когда приехала баронесса Буксгевден (в конце декабря старого стиля). Она разделяла наше заключение в Царском Селе, и лишь состояние ее здоровья помешало ей уехать вместе с нами. Едва оправившись, она с разрешения Керенского снова приехала к Ее Величеству. Солдатский комитет наотрез отказался допустить ее в дом, и она должна была жить в городе. Это было большим огорчением для Государыни и для всего семейства, ожидавшего ее приезда с большим нетерпением.

Так мы дожили до Рождества. Государыня и Великие Княжны в течение долгого времени собственноручно готовили по подарку для каждого из нас и из прислуги. Ее Величество раздала несколько шерстяных жилетов, которые сама связала: она

старалась таким образом выразить трогательным вниманием свою благодарность тем, кто остался им верен.

24 декабря старого стиля священник пришел служить всенощную на дом; все собрались затем в большой зале, и детям доставило большую радость преподнести предназначенные нам «сюрпризы». Мы чувствовали, что представляем из себя одну большую семью; все старались забыть переживаемые горести и заботы, чтобы иметь возможность без задних мыслей, в полном сердечном общении наслаждаться этими минутами спокойствия и духовной близости.

На следующий день, в Рождество, мы отправились в церковь. По приказанию священника дьякон провозгласил многолетие Царской Семье. Это была неосторожность, которая могла повлечь за собой меры воздействия. Солдаты потребовали, угрожая ему смертью, удаления священника. Этот случай омрачил приятное воспоминание, которое могло остаться от этого дня. Он вызвал также новые оскорбительные стеснения по отношению к нам, и наблюдение за нами сделалось еще более строгим.

КОНЕЦ НАШЕГО ТОБОЛЬСКОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

(январь — май 1918 г.)

Начиная с 1/14 января я стал снова вести свой дневник, который оставил во время нашего перевода в Тобольск, и дам здесь несколько выдержек из него, как я это делал, описывая наше царскосельское заключение.

Понедельник 18 марта. — Царская Семья будет по обыкновению говеть на первой неделе поста. Богослужение совершается утром и вечером. Так как певчие не могут приходить ввиду того, что они очень заняты, Императрица и Великие Княжны поют с дьяконом.

Четверг 25 апреля. — Немного ранее трех часов, проходя по коридору, я встретил двух лакеев, которые рыдали. Они сообщили мне, что Яковлев пришел объявить Государю, что его увозят. Что же происходит наконец? Я не посмел подняться наверх, не будучи позван, и возвратился к себе. Минуту спустя Татьяна Николаевна постучала ко мне в дверь. Она была в слезах и сказала, что Ее Величество просит меня к себе. Я следую за ней. Она подтверждает, что Яковлев был послан из Москвы, чтобы увести Государя, и что отъезд состоится эту ночь.

— Комиссар уверяет, что с Государем не случится ничего дурного и что, если кто-нибудь пожелает его сопровождать, этому не будут противиться. Я не могу отпустить Государя одного. Его хотят, как тогда, разлучить с семьей*... Хотят постараться склонить его на что-нибудь дурное, внушая ему беспокойство за жизнь его близких... Царь им необходим; они хорошо чувствуют, что один он воплощает в себе Россию... Вдвоем мы будем сильнее сопротивляться, и я должна быть рядом с ним в этом испытании... Но мальчик еще так болен... Вдруг произойдет осложнение... Боже мой, какая ужасная пытка!.. В первый раз в жизни я не знаю, что мне делать. Каждый раз,

* Императрица намекала на отречение Государя.

как я бывала должна принять решение, я всегда чувствовала, что оно внушалось мне свыше, а теперь я ничего не чувствую. Но Бог не допустит этого отъезда, он не может, он не должен осуществиться. Я уверена, что этой ночью начнется ледоход*...

В разговор вмешалась в эту минуту Татьяна Николаевна:

— Но, мама, если папа все-таки придется уехать, нужно, однако, что-нибудь решить! ..

Я поддержал Татьяну Николаевну, говоря, что Алексею Николаевичу лучше и что мы за ним будем очень хорошо ухаживать.

Государыню, видимо, терзали сомнения; она ходила взад и вперед по комнате и продолжала говорить, но обращалась больше к самой себе, нежели к нам. Наконец она подошла ко мне и сказала:

— Да, так лучше; я уеду с Государем; я вверяю вам Алексея...

Через минуту вернулся Государь; Государыня бросилась к нему навстречу со словами:

— Это решено — я поеду с тобой, и с нами поедет Мария.

Государь сказал:

— Хорошо, если ты этого хочешь...

Я спустился к себе, и весь день прошел в приготовлениях. Князь Долгоруков и доктор Боткин, а также Чемадунов (камер-лакей Государя), Анна Демидова (горничная Государыни) и Седнев (лакей великих княжон) будут сопровождать Их Вели-

* Во время ледохода в течение нескольких дней реку невозможно было переехать, надо было ждать, пока восстановят паром.

честв. Было решено, что восемь офицеров и солдат нашей стражи тоже отправятся вместе с ними.

Семья провела всю вторую половину дня у постели Алексея Николаевича.

Вечером, в 10 часов 30 минут, мы пошли наверх пить чай. Государыня сидела на диване, имея рядом с собой двух дочерей. Они так много плакали, что их лица опухли. Все мы скрывали свои мученья и старались казаться спокойными. У всех нас было чувство, что если кто-нибудь из нас не выдержит, не выдержат и все остальные. Государь и Государыня были серьезны и сосредоточены. Чувствовалось, что они готовы всем пожертвовать, в том числе и жизнью, если Господь, в неисповедимых путях Своих, потребует этого для спасения страны. Никогда они не проявляли по отношению к нам больше доброты и заботливости.

Та великая духовная ясность и поразительная вера, которой они проникнуты, передаются и нам.

В одиннадцать часов с половиной слуги собираются в большой зале. Их Величества и Мария Николаевна прощаются с ними. Государь обнимает и целует всех мужчин, Государыня — всех женщин. Почти все плачут. Их Величества уходят; мы все спускаемся ко мне в комнату.

В три с половиной часа ночи во двор въезжают экипажи. Это ужаснейшие тарантасы*. Один только снабжен верхом. Мы находим на заднем дворе немного соломы, которую подстилаем на дно та-

*Крестьянская повозка, состоящая из большой плетеной корзины, положенной на две длинные жерди, служащие рессорами. Сидений нет; сидят или лежат на дне корзины.

рантасов. Мы кладем матрац в тот из них, который предназначен Государыне.

В четыре часа мы поднимаемся к Их Величествам, которые выходят в эту минуту из комнаты Алексея Николаевича. Государь, Государыня и Мария Николаевна прощаются с нами. Государыня и Великие Княжны плачут. Государь кажется спокойным и находит ободряющее слово для каждого из нас; он обнимает и целует нас. Государыня, прощаясь, просит меня не сходить вниз и остаться при Алексее Николаевиче. Я отправляюсь к нему, он плачет в своей кровати.

Несколько минут спустя мы слышим грохот экипажей. Великие княжны возвращаются к себе наверх и проходят, рыдая, мимо дверей своего брата.

Суббота 27 апреля. — Кучер, который вез Государыню до первой почтовой станции, привез записку от Марии Николаевны: дороги испорчены, условия путешествия ужасны. Как Императрица будет в состоянии перенести дорогу? Какую жгучую тревогу испытываешь за них!

Воскресенье 28 апреля. — Полковник Кобылинский получил телеграмму с сообщением, что все благополучно приехали в Тюмень в субботу в половине девятого вечера.

В большой зале поставили походную церковь, и священник будет иметь возможность служить обедню, так как есть антиминс.

Вечером пришла вторая телеграмма, отправленная после отъезда из Тюмени: «Едем в хороших условиях. Как здоровье маленького? Господь с вами».

Понедельник 29 апреля. — Дети получили из Тюмени письмо от Государыни. Путешествие было очень тяжелое. При переправах через реки лошади погружались в воду по грудь. Колеса несколько раз ломались.

Среда 1 мая. — Алексей Николаевич встал. Нагорный перенес его до колесного кресла; его катали на солнце.

Четверг 2 мая. — Все нет известий с тех пор, как они выехали из Тюмени. Где они? Они могли бы уже приехать в Москву во вторник!

Пятница 3 мая. — Полковник Кобылинский получил телеграмму с извещением о том, что путешественники были задержаны в Екатеринбурге. Что же произошло?

Суббота 4 мая. — Печальный канун Пасхи! Все удручены.

Воскресенье 5 мая. — Пасха. Все нет известий.

Вторник 7 мая. — Дети наконец получили письмо из Екатеринбурга, в котором говорится, что все здоровы, но не объясняется, почему остановились в этом городе. Сколько тревоги чувствуется между строк!

Среда 8 мая. — Офицеры и солдаты нашей стражи, сопровождавшие Их Величеств, вернулись из Екатеринбурга. Они рассказывают, что царский поезд был окружен красноармейцами при его приходе в Екатеринбург и что Государь, Государыня и Мария Николаевна заключены в дом Ипатьева*, что Долгоруков в тюрьме и что са-

* Дом, принадлежащий местному богатому купцу.

ми они были освобождены лишь после двух дней заключения.

Суббота 11 мая. — Полковник Кобылинский устранин, и мы подчинены тобольскому совету.

Пятница 17 мая. — Солдаты нашей стражи заменены красногвардейцами, присланными из Екатеринбурга комиссаром Родионовым, который приехал за нами. У нас с генералом Татищевым чувство, что мы должны, насколько возможно, задержать наш отъезд; но Великие Княжны так торопятся увидеть своих родителей, что у нас нет нравственного права противодействовать их пламенному желанию.

Суббота 18 мая. — Всенощная. Священник и монахини были раздеты и обысканы по приказанию комиссара.

Воскресенье 19 мая (6 мая ст. ст.). — День рождения Государя... Наш отъезд назначен на завтра. Комиссар отказывает священнику в разрешении приходить к нам. Он запрещает Великим Княжнам запираить ночью свои двери.

Понедельник 20 мая. — В половине двенадцатого мы уезжаем из дома и садимся на пароход «Русь». Это тот же пароход, который восемь месяцев тому назад привез нас вместе с Их Величествами. Баронесса Буксгевден получила разрешение уехать вместе с нами и присоединилась к нам. Мы покидаем Тобольск в пять часов. Комиссар Родионов запирает Алексея Николаевича с Нагорным в его каюте. Мы протестуем: ребенок болен, и доктор должен иметь возможность во всякое время входить к нему.

Среда 22 мая. — Мы приезжаем утром в Тюмень.

ЕКАТЕРИНБУРГ
КОНЧИНА ЦАРСКОЙ СЕМЬИ
В НОЧЬ С 16 НА 17 ИЮЛЯ 1918 ГОДА

По приезде в Тюмень, 22 мая, мы были немедленно отправлены под сильным караулом к специальному поезду, который должен был нас отвезти в Екатеринбург. Когда я собирался войти в поезд вместе со своим воспитанником, я был отделен от него и посажен в вагон четвертого класса, охраняемый, как и все прочие, часовыми. Мы прибыли в Екатеринбург ночью, и поезд остановился в некотором расстоянии от вокзала.

Утром, около девяти часов, несколько извозчиков стали вдоль нашего поезда, и я увидел каких-то четырех человек, направлявшихся к вагону детей.

Прошло несколько минут, после чего приставленный к Алексею Николаевичу матрос Нагорный прошел мимо моего окна, неся маленького больного на руках; за ним шли Великие Княжны, нагруженные чемоданами и мелкими вещами. Я захотел выйти, но часовой грубо оттолкнул меня в вагон.

Я вернулся к окну. Татьяна Николаевна шла последней, неся свою собачку, и с большим трудом тащила тяжелый коричневый чемодан. Шел дождь, и я видел, как она при каждом шаге вязла в грязи. Нагорный хотел прийти ей на помощь — его с силой оттолкнул один из комиссаров... Несколько мгновений спустя извозчики отъехали, увозя детей по направлению к городу.

Как мало я подозревал, что мне не суждено было снова увидеть детей, при которых я провел столько лет. Я был убежден, что за нами приедут и что мы снова скоро соединимся с ними.

Однако часы проходили. Наш поезд возвратили на вокзал, затем я видел, как проходили генерал Татищев, графиня Гендрикова и г-жа Шнейдер, которых уводили. Немного спустя пришла очередь камер-лакея Государыни Волкова, старшего повара Харитонова, лакея Труса и маленького четырнадцатилетнего кухонного мальчика Леонида Седнева.

Кроме Волкова, которому удалось позднее убежать, и маленького Седнева, которого пощадили, ни одному из тех, кто был уведен в этот день, не было суждено уйти живым из рук большевиков.

Мы все ждали. Что же, однако, происходило? Почему не приходили и за нами? Мы предавались уже всякого рода предположениям, когда около 5 часов в наш вагон вошел комиссар Родионов, приезжавший за нами в Тобольск, и объявил нам, что «в нас больше не нуждаются» и что «мы свободны»...

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, УСТАНОВЛЕННЫЕ СЛЕДСТВИЕМ

На последующих страницах я изложу обстоятельства убийства Царской Семьи в том виде, в каком они вытекают из показаний свидетелей и данных следствия. Из шести объемистых томов рукописного материала, в которых заключается следствие, я извлек существенные обстоятельства этой драмы, по поводу которой, увы, не остается никаких сомнений. Впечатление, испытываемое при чтении этих документов, походит на отвратительный кошмар, но я не считаю себя вправе смягчать его ужаса.

Около половины апреля 1918 года председатель московского центрального исполнительного коми-

тата Янкель Свердлов, уступая давлению Германии*, послал в Тобольск комиссара Яковлева, чтобы перевезти Царскую Семью. Этот последний получил приказание доставить ее в Москву или в Петроград. Он встретил, однако, при исполнении своего поручения противодействие, которое пытался преодолеть, как это установлено следствием. Это противодействие было организовано уральским областным правительством, местом пребывания которого был Екатеринбург. Это правительство без ведома Яковлева приготовило западню, при помощи которой оно хотело завладеть особой Государя при его проезде. Но представляется установленным, что этот проект получил тайное одобрение Москвы. В самом деле, более чем правдоподобно, что Свердлов сыграл двойную игру и что, притворно подчиняясь в Москве настояниям барона Мирбаха, он вошел с екатеринбургскими комиссарами в соглашение не выпускать Царя из своих рук. Как бы то ни было, водворение Государя в Екатеринбурге было неожиданно. Купец Ипатьев был в два дня выселен из своего дома, и было предпринято возведение прочной дощатой ограды, доходившей до верха окон второго этажа.

Туда были привезены 30 апреля Государь, Государыня, Великая Княжна Мария Николаевна, доктор Боткин и сопровождавшие их трое слуг:

*Цель, которую преследовала Германия, была монархическая реставрация в пользу Царя или Цесаревича под условием признания Брест-Литовского договора и последующего союза России с Германией. Это предположение провалилось вследствие сопротивления Императора Николая II, который, вероятно, сделался жертвой своей верности союзникам.

горничная Государыни Анна Демидова, камердинер Государя Чемадуров и лакей великих княжон Седнев.

Вначале стража состояла из солдат, которых брали случайно и которые часто менялись. Позднее в ее состав вошли исключительно рабочие завода Сиссерта и фабрики братьев Злоказовых. Во главе ее стоял комиссар Авдеев, комендант «дома особого назначения» — так именовался дом Ипатьева.

Условия жизни узников были гораздо тяжелее, нежели в Тобольске. Авдеев был закоренелый пьяница, дававший волю своим грубым наклонностям; он ежедневно изощрялся вместе со своими подчиненными в измышлении новых унижений для заключенных. Приходилось мириться с лишениями, переносить издевательства и подчиняться требованиям и капризам этих грубых и низких тварей.

Цесаревич и его три сестры были немедленно после их приезда в Екатеринбург, 23 мая, привезены в дом Ипатьева, где их ждали родители. После мучительной разлуки это воссоединение было громадной радостью, несмотря на тягостность положения в настоящем и грозную неизвестность в будущем.

Несколько часов спустя туда же был доставлен старый повар Харитонов, лакей Труп и маленький поваренок Леонид Седнев. Генерал Татищев, графиня Гендрикова, г-жа Шнейдер и камер-лакей Государыни Волков были прямо отправлены в тюрьму.

Чемадуров, заболевший 24-го, был переведен в тюремную больницу; его там забыли, и благодаря

этому он чудом избег смерти. Через несколько дней увезли в свою очередь Нагорного и Седнева.

Число тех немногих людей, которых оставили при заключенных, быстро уменьшалось. По счастью, при них оставался доктор Боткин, преданность которого была изумительна, и несколько слуг испытанной верности: Анна Демидова, Харитонов, Труп и маленький Леонид Седнев. В эти мучительные дни присутствие доктора Боткина послужило большой поддержкой для узников; он окружил их своей заботой, служил посредником между ними и комиссарами и приложил все усилия, чтобы защитить их от грубости стражи.

Государь, Государыня и Цесаревич занимали комнату, выходившую углом на площадь и на Вознесенский переулок. Четыре Великих Княжны — соседнюю комнату, дверь в которую была снята; первые ночи они провели, не имея кроватей, на полу. Доктор Боткин спал в гостиной, а горничная Государыни в комнате, находившейся на углу Вознесенского переулка и сада.

Что касается прочих узников, то они были помещены в кухне и смежной с нею зале.

Состояние здоровья Алексея Николаевича ухудшилось вследствие утомления от путешествия; он лежал большую часть дня, и когда выходили на прогулку, его носил до сада Государь.

Семья и прислуга завтракала и обедала вместе с комиссарами, поместившимися в том же этаже; Царская Семья жила, таким образом, в постоянном общении с этими грубыми людьми, которые чаще всего бывали пьяны.

Дом был обнесен двойной дощатой оградой; он сделался настоящей крепостью-тюрьмой. Внутри и снаружи были посты часовых, в самом здании и в саду стояли пулеметы. Комната комиссара, первая при входе, была занята комиссаром Авдеевым, его помощником Мошкиным и несколькими рабочими. Остальная стража жила в подвальном этаже, но солдаты часто подымались наверх и проникали, когда заблагорассудится, в комнаты, где жила Царская Семья.

Однако вера очень сильно поддерживала мужество заключенных. Они сохранили в себе ту чудесную веру, которая уже в Тобольске вызывала удивление окружающих и давала им столько сил и столько ясности в страданиях. Они уже почти порвали со здешним миром. Государыня и Великие Княжны часто пели церковные молитвы, которые против воли смущали их караул.

Во всяком случае, стражи понемногу смягчились в общении с заключенными. Они были удивлены их простотой, их привлекала к себе их кротость, их покорила полная достоинства душевная ясность, и они вскоре почувствовали превосходство тех, которых думали держать в своей власти. Даже сам пьяница Авдеев оказался обезоруженным таким величием духа; он почувствовал свою низость. Глубокое сострадание сменило у этих людей первоначальную жестокость.

Екатеринбургские советские власти состояли:

а) из «уральского областного совета», в котором было тридцать приблизительно членов под председательством комиссара Белобородова;

б) из «президиума», представлявшего из себя своего рода исполнительный комитет из нескольких членов: Белобородова, Голощекина, Сыромолотова, Сафарова, Войкова и т. д.;

в) из «чрезвычайки» (народное наименование чрезвычайной комиссии для борьбы с контрреволюцией и спекуляцией), центр которой находился в Москве и имел сеть отделов по всей России. Чрезвычайка представляет из себя мощную организацию, которая является основой советского строя. Каждый отдел получает приказания непосредственно из Москвы и приводит их в исполнение собственными средствами. Всякая сколько-нибудь важная чрезвычайка имеет в своем распоряжении отряд, состоящий из отпетых людей — всего чаще австро-германских пленных, латышей, китайцев и т. д., которые в действительности — лишь щедро оплачиваемые палачи.

В Екатеринбурге чрезвычайка пользовалась всемогуществом, ее наиболее влиятельными членами были комиссары Юровский, Голощекин и т. д.

Авдеев состоял под непосредственным контролем прочих комиссаров, членов «президиума» и «чрезвычайки». Они не замедлили дать себе отчет в перемене, которая произошла в настроении стражи по отношению к заключенным, и постановили принять решительные меры. В Москве тоже беспокоились, как это доказывает следующая телеграмма, посланная Белобородовым из Екатеринбурга Свердлову и Голощекину, находившемуся тогда в Москве: «Сыромолотов только что выехал в Москву, чтобы устроить дело согласно указаниям центра. Опасения неосновательны. Напрасно беспокои-

тес. Авдеев устранен. Мошкин арестован. Авдеев заменен Юровским. Внутренняя стража переменена, ее заменили другие». Это телеграмма от 4 июля.

В этот день, действительно, Авдеев и его помощник Мошкин были арестованы и заменены комиссаром Юровским, евреем, и его помощником Никулиным. Стража, состоявшая, как было сказано, исключительно из русских рабочих, была перемещена в один из соседних домов, в дом Попова.

Юровский привез с собой 10 человек, которые почти все были австро-германскими пленными и выбраны из числа палачей «чрезвычайки». Начиная с этого дня они заняли внутренние посты; наружные посты продолжали выставляться русской стражей.

«Дом особого назначения» сделался отделением чрезвычайки, и жизнь заключенных превратилась в сплошное мученичество.

В это время убийство Царской Семьи уже было решено в Москве: это доказывает вышеприведенная телеграмма. Сыромолотов уехал в Москву, «чтобы организовать дело согласно указаниям центра»... Он вернулся с Голощекиным и привез инструкции и директивы Свердлова. Юровский тем временем принимал свои меры. Он несколько дней подряд выезжал верхом и разъезжал по окрестностям в поисках места, удобного для его намерений, где он мог бы предать уничтожению тела своих жертв. И этот же человек, цинизм которого превосходил все, что можно вообразить, являлся потом навещать Цесаревича в его постели.

Прошло несколько дней; Голощекин и Сыромолотов вернулись, все было готово.

В воскресенье 14 июля Юровский приказал позвать священника, отца Строева, и разрешил совершить богослужение. Узники — уже приговоренные к смерти, и им нельзя отказать в помощи религии.

На следующий день он приказал увести маленького Леонида Седнева в дом Попова, где находилась русская стража.

16-го, около 7 часов утра, он приказал Павлу Медведеву, которому всецело доверял и который стоял во главе русских рабочих, принести ему двенадцать револьверов системы Нагана, которые имелись у русской стражи. Когда это приказание было исполнено, он объявил ему, что вся Царская Семья будет казнена в ту же ночь, и поручил сообщить об этом русской страже. Медведев сделал это около 10 часов.

Немного спустя Юровский проник в комнаты, занимаемые членами Царской Семьи, разбудил их и всех, живших с ними, и велел им приготовиться следовать за ним. Предлогом он выставил то, что должен их увезти, потому что в городе мятежи, и что пока они будут в большей безопасности в нижнем этаже.

Все в скором времени готовы и, забрав с собой несколько мелких вещей и подушки, спускаются по внутренней лестнице, ведущей во двор, через который входят в комнаты нижнего этажа. Юровский идет впереди с Никулиным, за ними следует Государь с Алексеем Николаевичем на руках, Государыня, Великие Княжны, доктор Боткин, Анна Демидова, Харитонов и Труп.

Узники остановились в комнате, указанной им Юровским. Они были уверены, что пошли за экипажами или автомобилями, которые должны их

увезти, и ввиду того, что ожидание продолжалось долго, потребовали стульев. Их принесли три. Цесаревич, который не мог стоять из-за своей больной ноги, сел посреди комнаты. Царь сел слева от него, д-р Боткин стоял справа, немного позади. Государыня села у стены (справа от двери, через которую они вошли), неподалеку от окна. На ее стул, так же как и на стул Цесаревича, положили подушку. Сзади нее находилась одна из ее дочерей, вероятно, Татьяна. В углу комнаты, с той же стороны, стояла Анна Демидова, у которой оставались в руках две подушки. Три остальные Великие Княжны прислонились к стене в глубине комнаты; по правую руку от них, в углу, находились Харитонов и старый Труп.

Ожидание продолжается. Внезапно в комнату возвращается Юровский с семьей австро-германцами и двумя своими друзьями, комиссарами Ермаковым и Вагановым, заправскими палачами чрезвычайки. С ними находится Медведев. Юровский подходит и говорит Государю: «Ваши хотели вас спасти, но это им не удалось, и мы принуждены вас казнить». Он тотчас поднимает револьвер и стреляет в упор в Государя, который падает, как сноп. Это сигнал к залпу. Каждый из убийц выбрал свою жертву. Юровский взял на себя Государя и Цесаревича. Для большинства заключенных смерть наступила почти немедленно, однако Алексей Николаевич слабо застонал. Юровский прикончил его выстрелом из револьвера. Анастасия Николаевна была только ранена и при приближении убийц стала кричать; она падает под ударами штыков. Анна Демидова тоже уцелела — благодаря подушкам, за которыми пряталась.

лась. Она бросается из стороны в сторону и наконец в свою очередь падает под ударами убийц.

Показания свидетелей позволили следствию восстановить во всех подробностях ужасающую сцену избиения. Этими свидетелями являются: один из убийц — Павел Медведев*, Анатолий Якимов, присутствовавший несомненно при убийстве, хотя он это отрицал, и Филипп Проскуряков, рассказавший о преступлении со слов других зрителей. Они все трое входили в состав стражи дома Ипатьева.

Когда все было кончено, комиссары сняли с жертв их драгоценности, и тела были перенесены на простынях при помощи оглобель от саней до грузового автомобиля, ожидавшего у ворот двора между двумя дощатыми оградами.

Приходилось торопиться до восхода солнца. Автомобиль с телами проехал через еще спавший город и направился к лесу. Комиссар Ваганов ехал впереди верхом, так как надо было избегать встреч. Когда уже стали приближаться к лесной поляне, на которую направлялись, он увидел ехавшую ему навстречу крестьянскую телегу. Это была баба из села Коптяки, выехавшая ночью со своим сыном и невесткой для продажи в городе своей рыбы. Он немедленно приказал им повернуть обратно и вернуться домой. Для большей верности, сопровождая

*Медведев был взят в плен при занятии Перми антибольшевистскими войсками в феврале 1919 г. Он умер месяц спустя в Екатеринбурге от сыпного тифа; он утверждал, будто присутствовал только при части драмы и сам не стрелял (другие свидетели удостоверяют обратное). Это классический прием, к которому прибегают для своей защиты все убийцы.

их верхом, он ехал рядом с телегой и запретил им под страхом смерти оборачиваться и смотреть назад. Все же крестьянка успела мельком увидеть большую темную массу, двигавшуюся позади всадника. Вернувшись в деревню, она рассказала о том, что видела. Под влиянием любопытства крестьяне отправились на разведку и натолкнулись на цепь часовых, расставленных в лесу.

Между тем после больших затруднений, так как дорога была очень плоха, грузовик доехал до лесной поляны. Трупы были сложены на землю и частью раздеты. Тут комиссары обнаружили большое количество драгоценностей, которые Великие Княжны носили спрятанными под своей одеждой. Они тотчас ими завладели, но в спешке уронили несколько вещей на землю, где их затоптали. Трупы были затем разрезаны на части и положены на большие костры. Для усиления огня в них подлили бензина. Части, наименее поддающиеся огню, были уничтожены при помощи серной кислоты. В течение трех дней и трех ночей убийцы делали свою разрушительную работу под руководством Юровского и двух его друзей — Ермакова и Ваганова. Из города на поляну было привезено 175 килограммов серной кислоты и более 300 литров бензина.

Наконец 20 июля все было кончено. Убийцы уничтожили следы костров, и пепел был сброшен в отверстие шахты или разбросан вблизи опушки, дабы ничто не обнаружило того, что произошло.

Зачем эти люди так старались замести всякие следы содеянного ими? Зачем они прячутся, как преступники, раз они утверждают, что творят дело правосудия, и от кого они прячутся?

Нам это объясняет в своем показании Павел Медведев. После преступления Юровский подошел к нему и сказал: «Оставь на месте наружные посты, а то как бы народ не взбунтовался». И в следующие дни часовые продолжали охранять пустой дом, как будто ничего не произошло, как будто за оградой все еще находились узники.

Тот, кого надо было обмануть, кто не должен был знать — был русский народ.

Это доказывается другим обстоятельством — уводом из предосторожности 4 июля Авдеева и удалением русской стражи. Комиссары уже не доверяли тем рабочим заводов Сиссерта и фабрики братьев Злоказовых, которые, однако, были их сторонниками и явились добровольно записаться в стражу, чтобы «сторожить Николая Кровавого». Дело в том, что они знали, что одни иностранцы и наемные палачи согласятся выполнить гнусное дело, которое им предложат сделать. Этими палачами были: еврей Юровский, русские каторжане Медведев, Никулин, Ермаков и Ваганов, а также семь немцев и австрияков.

Да, они прячутся именно от русского народа, эти люди, выдающие себя за его представителей! Его они боятся; его мести они опасаются.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ

Еще мой дед был лейб-медиком императора Александра II и императора Александра III. Преемником его был назначен доктор Гирш, и, когда последний умер и императрицу Александру Федоровну спросили, кого она желает пригласить, она сразу сказала: «Боткина». В то время в Петрограде одинаково известны были два Боткина: старший сын моего деда — Сергей Сергеевич и мой отец — Евгений Сергеевич. «Того, который был на войне», — добавила Ее Величество.

Это было вскоре после русско-японской войны, которую мой отец всю провел в действующей армии. О его храбрости и неутомимой работе много говорили в Петербурге, и знала и Ее Величество.

Вначале мой отец ездил в Царское Село из Петербурга, но в апреле 1908 года он был назначен лейб-медиком Его Величества, и осенью мы все переехали в Царское Село, где жила Царская Семья с 1905 года.

Царская Семья жила в Александровском дворце, построенном еще Екатериной Великой для Наследника Александра Павловича. Красивое желтоватое здание в стиле ампира украшалось белыми колоннами и орнаментами. Дворец был построен покоем. Фасадом своим, центр которого занимало полукруглое окно кабинета Его Величества, он выходил на газонную площадку парка. Флигеля выходили на большой двор с чугунными воротами на

улицу. За двором шел пруд с белыми лебедями и расстился парк. В левом флигеле и нижнем этаже центра находились парадные комнаты: в правом флигеле помещалась часть свиты и коронованные гости; в верхнем этаже центра была спальня Их Величеств и комнаты Их Высочеств. Дворец уже становился мал для Царской Семьи, и жили они очень тесно. Алексей Николаевич имел две комнаты: спальню и классную. Великие княжны имели две спальни, в которых они жили по двое и где стояли их кровати, туалетные и письменные столы. Однажды мой отец застал великую княжну Анастасию Николаевну, лежащую ничком на полу и переписывающую заданный урок: в классной занимался Алексей Николаевич, а все столы были заняты ее сестрами или завалены вещами.

Ее Величество принимала моего отца в начале 10 часа в спальне, и он всегда заставлял ее уже за работой: за вышиванием или рисованием какой-нибудь вещи, которая потом дарилась или продавалась на благотворительных базарах.

Его Величество уже тоже давно был на ногах и уходил в свой кабинет для принятия докладов. Кроме чисто медицинского разговора, Ее Величество почти всегда задерживала моего отца или расспросами о нашей семье, так что в конце концов они знали весь наш образ жизни и привычки, или какими-нибудь поручениями благотворительности и разговорами об Их Высочествах. Ее Величество, как редкая мать, входила во все мелочи жизни своих детей, выбирая им книги и занятия, распределяя их день, сама читая и работая с ними. Когда кончались уроки, Великие Княжны шли за рояль

или за рукоделия, в которых они были большие мастерицы.

Кроме вышивания, они должны были шить на бедных, так же как и светские дамы, каждой из которых Ее Величество поручала набирать в свою очередь 12 дам для изготовления определенного количества теплых и необходимых вещей. Все это отсылалось Ее Величеству, разбиралось и сортировалось фрейлинами и Великими Княжнами и рассылалось по приютам или лично им известным бедным семьям.

Мы жили в Царском Селе на Садовой улице, против большого Екатерининского дворца, и каждый день около 3 часов внимательно глядели в окно: в эти часы Великие Княжны и Наследник, а иногда и Императрица ездили кататься.

Мы знали это уже по тем приготовлениям, которые происходили в находящейся в нашем дворе конюшне. В этой конюшне были лошади Их Величеств, а лошади великих княжон и Наследника стояли отдельно, но тем не менее всегда заезжали сюда за конюшенным офицером, присутствовавшим при всяком выезде Их Величеств и Их Высочеств. Кроме того, шли всегда два конюха, расстилавшие коврики, а на запятках карет Государя и Императрицы стояли гайдуки в высоких шапках и синих кафтанах; за Великими Княжнами и Наследником скакали конвойцы.

Его Величеству и Ее Величеству подавали русский выезд. Долго запрягали лошадей, в последний раз все чистили и приводили в порядок, и наконец появлялся толстый кучер в медалях, которого несколько конюхов начинали подсаживать, запахивать на

Императрица Александра Федоровна с дочерьми

нем кафтан и подавать вожжи. Усевшись, кучер неизменно крестился, конюшенный офицер становился на подножку, и пара медленно двигалась с нашего двора под арку на Дворцовую улицу, а оттуда в ворота Александровского парка.

Великим княжнам подавали английский выезд, а Наследнику — низенькие саночки с ямщиком в круглой шапке.

Государь почти никогда не ездил кататься. Ее Величество ездила с кем-нибудь из фрейлин или с Анной Александровной Вырубовой. Раз я помню Вырубову, когда она была с визитом у моей матери. Полная и розовая, вся в пушистых мехах, она как будто преувеличенно ласково смотрела на нас, детей, и не очень нам понравилась.

Благодаря нашим наблюдениям Великие Княжны скоро заметили нас и знали в лицо, и всегда, увидав кого-нибудь из нас на улице, на следующий день говорили моему отцу:

— А мы Вашу дочь видели (или Вашего сына).

Вскоре они все знали нас по именам, постоянно посылали поклоны, иногда персик или яблоко, иногда цветок или просто конфетку, если же кто-нибудь из нас захварывал, — а со мной это случилось часто, — то непременно каждый день, даже Ее Величество, спрашивались о здоровье, присылали святую воду или просфоры, а когда меня остригли после брюшного тифа, Татьяна Николаевна собственноручно связала голубую шапочку.

И вовсе не мы одни пользовались каким-либо исключительным расположением Царской Семьи: свои заботы и внимание они распространяли на всех, кого знали, и часто в свободные минуты Великие

Княжны шли в комнату какой-нибудь судомойки или сторожихи, чтобы понянчить там детей, которых они все очень любили.

До осени 1911 года мы, дети, не видали Царскую Семью иначе, как на улице, и только слышали о них от наших родителей. Мой отец всегда говорил нам, что любит Их Высочества не меньше нас, своих детей. Рассказывал, как они трогательно дружны между собой, как, в особенности, Анастасия Николаевна любит Ольгу Николаевну, всюду ходит за ней и с уважением и нежностью целует у нее руки; как они просты в своей одежде и в образе жизни, так что Алексей Николаевич донашивал старые ночные рубашки своих сестер.

Вскоре после нашего переезда в Царское Село моя мать ездила представляться Императрице Александре Федоровне.

— Во-первых, оденьтесь как можно проще, — сказала моей матери одна из фрейлин — наша родственница Ольга Евгеньевна Бюцова.

И моя мать поехала в черном суконном платье. Ее Величество принимала ее одну в своей маленькой гостиной с сиреневой мебелью и все время расспрашивала о моем отце и о нас — детях, так что моя мать вернулась в восторге от простого и внимательного отношения Ее Величества.

Осенью 1909 года Их Величества были в Крыму, и Его Величество захотел испытать на себе тяжесть солдатского снаряжения. Поэтому он приказал принести себе таковое из 16-го стрелкового императора Александра III полка, стоявшего в Ореанде. Снаряжение было послано со стрелком, которому Государь сказал:

— Одевай меня, а то я не знаю, что надевать сначала.

Одевшись, Государь вышел из дворца, прошел по Ливадийскому парку и вышел в Ореанду и, пройдя по шоссе, нарочно остановился спросить у дворцового городского дорогу в Ливадию. Городовой, не узнав царя, ответил довольно резко, что туда нельзя идти и чтобы он повернул обратно. Вряд ли городской узнал когда-нибудь свою ошибку, так как Государь молча повернулся и пошел, куда ему показали. Он ходил около двух часов по горам и, вернувшись, стал раздеваться при помощи все того же стрелка. Впоследствии ротный командир той роты, из которой посылали снаряжение, попросил Его Величество занести, как полагается всем стрелкам, собственноручно имя и фамилию в книжку и заполнить некоторые графы. У меня хранится фотография с первой страницы этой книжки, написанной Государем Императором.

Этой же осенью Ее Величество пошла с Вырубовой в Ялту за покупками. Вскоре пошел сильный дождь, так что, когда Ее Величество вошла в магазин, с ее зонтика натекли большие лужи на пол, и приказчик строго сказал ей, указав на подставку для палок и зонтиков:

— Мадам, для этого есть вещь в углу.

Императрица покорно поставила зонтик, но велико же было смущение приказчика, когда Вырубова сказала «Александра Федоровна», — и он догадался, с кем разговаривал.

В 1911 году Их Величества были опять в Крыму, и мой отец захотел, чтобы и мы с младшим братом провели там осень. Приехав в Севастополь, мы уз-

нали, что отец лежит больной на «Штандарте» и что нам сегодня разрешено приехать его навестить. Только что мы успели закусить в гостинице, как приехал за нами мичман Бутаков (впоследствии убитый на войне) и усадил нас на Графской пристани на катер, ходивший к «Штандарту».

С трепетом подъезжали мы к Величественному и красивому «Штандарту», сверкавшему на южном солнце своей чистотой. Проведя нас по нескольким узеньким коридорам, Бутаков ввел нас в маленькую, но уютную и светлую каютку, в которой на диване лежал мой отец.

Только что мы успели поздороваться и сказать пару слов, как за дверьми послышались шаги, голоса, смех, затем стук в дверь, и появились все четвере Великие Княжны. Как сейчас помню, что старшие были в белых юбках и бледно-голубых вышитых блузках, а младшие — в красных с серыми горошинками юбках и белых блузках...

Великие княжны страшно мило с нами поздоровались, и старшие задали нам несколько вопросов о нашем путешествии, на которые мы еле-еле от смущения отвечали, а затем собрались уходить, когда мой отец попросил Татьяну Николаевну спросить у Ее Величества, разрешит ли она нам приехать и завтра.

Через несколько минут Татьяна Николаевна вернулась и сказала со своей милой манерой, быстро-быстро скрадывая слова:

— Мама сказала, что Таня и Глеб, пока Вы больны, могут приезжать каждый день.

Можно себе представить нашу радость и то нетерпение, с которым мы каждый день ждали двух часов, т. е. отхода катера с Графской пристани на «Штандарт».

Император Николай II
с детьми на борту яхты «Штандарт».
Лето, 1911

Почти сразу после нашего приезда приходили младшие Великие Княжны, изредка старшие. Больше всего мы видели Анастасию Николаевну. Она приходила и садилась в ноги дивана, на котором лежал отец, а вечером, когда при закате солнца должна была стрелять пушка, она всегда делала вид, что страшно боится, и забивалась в самый дальний уголок, затыкая уши и смотря оттуда большими, деланно испуганными глазками. Иногда, чинно разговаривая, она, если мы вставали за чем-либо, незаметно подставляла нам ножку.

Мария Николаевна и Анастасия Николаевна страшно любили играть в нулики и крестики и знали какой-то секрет, при помощи которого всегда выигрывали, но сообразительный Глеб проник в их секрет, и Анастасия Николаевна, проиграв ему несколько раз, предупреждала Марию Николаевну:

— Берегись, Мари, он хорошо играет.

Глеб уже тогда очень хорошо рисовал людей со звериными головами, и княжны приносили кусочки бумаги и карандаши, чтобы срисовывать.

Однажды Анастасия Николаевна пришла, вся утопая в своих распущенных длинных волосах, в которых где-то витал маленький белый бантик, и усевшись в ноги дивана, вытащила из кармана целую гору смятых листков папиросной бумаги, которую она стала разглаживать на коленях и аккуратно складывать стопочкой.

— На что Вам эти бумажки? — спросил отец.

— А я с ними играть буду, — сказала Анастасия Николаевна и, сложив их горкой, запихнула обратно в карман.

Затем, просидев еще немножко, она рассказала нам, что Мария Николаевна все туфли портит, потому что надевает их, придавливая пятку; поговорив еще о чем-то, она встала, попрощалась и вышла, но не в коридор, а только за портьеру, так что мы видели кончики ее белых туфель.

— А мы Вас видим, Анастасия Николаевна, — смеясь, сказал мой отец.

Она выглянула из-за портьеры, засмеялась и убежала. На следующий день то же самое: Анастасия Николаевна сделала вид, что ушла, но из-за портьеры выглядывал ее белый башмачок.

— А мы Вас видим, — сказал мой отец.

За портьерой — молчание.

— Выходите Анастасия Николаевна, мы Вас видим.

Опять молчание.

Мы отодвинули портьеру, и там одиноко стояла белая туфля, а Анастасия Николаевна, поставив ногу в чулке на носок другой туфли, выглядывала из-за приотворенной в коридор двери.

Около пяти часов к моему отцу приходила Ее Величество, которой он ежедневно выслушивал сердце. К этому времени мой отец всегда просил нас подать ему вымыть руки, что мы и делали, наливая воду в стеклянную чашку, которую Великие Княжны называли «простоквашницей».

Однажды, уже после нашего отъезда, мой отец попросил сидевшую у него Великую Княжну Анастасию Николаевну выйти в коридор и позвать лакея.

— Вам зачем?

— Я хочу вымыть руки.

— Так я Вам подам.

На протесты моего отца она сказала:

— Если это Ваши дети могут делать, то отчего я не могу?

Моментально завладев «простоквашницей», она начала усердно помогать моему отцу мыть руки. Вообще, простота и скромность были отличительными чертами Царской Семьи. Великие Княжны говорили:

— Если Вам не трудно, то мама просит Вас прийти.

Никогда никто из окружающих не слышал от Их Величеств или от Их Высочеств слово «приказываю».

Ее Величество приходила всегда в очень нарядных белых капотах с длинной жемчужной нитью на шее, опускавшейся почти до самых колен. Она всегда удивительно ласково заговаривала с нами и, когда я целовала ей руку, целовала меня в висок.

Один раз пришел Государь, и от одного взгляда его чудных синих глаз я чуть не расплакалась и ничего не могла ответить на его вопросы о нашем путешествии. Не удивительно, что я, девочка, смутилась, но я знаю светских дам и мужчин, не один раз видевших Государя и говоривших, что от одного взгляда этих глубоких и ласковых глаз они еле удерживали слезы умиления и готовы были на коленях целовать у него руки и ноги.

Я помню, как мой отец рассказывал о жизни в Могилеве во время войны, когда в отсутствии Ее Величества Государь, сам разливая вечерний чай, спрашивал, указывая на сахар:

— Можно пальцами?

А для моего отца это было, действительно, счастьем получить кусочек сахара, тронутый Его Величеством.

Раза два приходил Алексей Николаевич. Ему было тогда 7 лет. Его очень интересовал костыль, приготовленный для моего отца, и, прислонившись лбом к плечу костыля, он выглянул между палками и спросил:

— Вы меня видите?

А потом добавил:

— Чей это костыль?

Мы всегда называли моего отца «папуля», и поэтому брат ответил:

— Папулин.

Это слово, по-видимому, очень понравилось Алексею Николаевичу, т. к. он улыбнулся и в следующий раз повторил свой вопрос и был удовлетворен тем же ответом. Когда же после нашего отъезда Алексей Николаевич спросил моего отца: «Чей это костыль?» — и тот ответил: «Мой», — он сделал разочарованное лицо.

При Алексее Николаевиче состояли тогда няня Мария Ивановна Вишнякова и дядька-боцман Деревенько, но няня была скоро сменена, и на ее месте появился гувернер-швейцарец месье Жильяр — образованный и удивительно милый человек, которого сразу все полюбили, а Алексей Николаевич завязал с ним тесную дружбу и вскоре заговорил по-французски лучше своих сестер.

Уже гораздо позже появился англичанин мистер Гиббс, не бывший в таких близких отношениях с Царской Семейей, как Жильяр, а боцману Деревеньке в качестве помощников лакеев были назначены два матроса — Нагорный и Седнев.

Помню, как обрадовал моего отца Алексей Николаевич первой, обращенной к нему французской фразой:

— Je vous aime de tout mon petit coeur,* — сказал он ему как-то вечером на прощание.

Большим было горем для всех, когда осенью 1912 года в Спале Алексей Николаевич захворал и настолько серьезно, что из Петербурга вызвали хирурга Сергея Петровича Федорова. Как мне потом объяснял мой отец, у Алексея Николаевича появилось внутреннее кровоизлияние на почве ушиба живота. Образовавшаяся опухоль давила на нервы, и этим вызвались страшные боли и неподвижность ноги. С трепетом следили мы за печатавшимися в газетах бюллетенями.

К сожалению, я, боясь обыска красноармейцев, сожгла все письма моего отца, а подробный дневник, который он вел во время болезни, остался в Царском Селе.

К декабрю Алексей Николаевич настолько поправился, что Царская Семья переехала в Царское Село.

С этой зимы при Алексее Николаевиче появилось новое лицо, остававшееся при нем неотлучно, — доктор Деревенко, ассистент профессора Федорова, к которому Алексей Николаевич очень привязался и сын которого постоянно играл с ним.

При Великих Княжнах состояла гоф-лектриса и учительница русского языка Ее Величества, в бытность ее невестой Государя, — Екатерина Адольфовна Шнейдер.

*Я Вас люблю всем своим маленьким сердцем.

Из фрейлин в то время ближе других была Ольга Евгеньевна Бюцова — очень милый, но несколько несдержанный человек; из флигель-адъютантов: Александр Александрович Дрентельн, бывший преображенец, высокого роста, с большой лысиной и красивыми чертами лица, очень образованный и начитанный, большой любитель музыки, умевший на всякого произвести приятное впечатление, и Великий Князь Дмитрий Павлович.

Начальником военно-походной канцелярии был князь Орлов, непомерно толстый человек, которого мой отец очень любил за его сердечность, остроумие и широкую русскую душу.

Дворцовым комендантом был тогда генерал Дедюлин, скончавшийся осенью 1913 года от грудной жабы, и на его место был назначен командир лейб-гвардии гусарского Его Величества полка Воейков, человек дельный, но не очень симпатичный, большой карьерист и делец. Он нашел какой-то удивительный целебный источник в своем Пензенском имении, стал посылать воду на исследование, и через несколько месяцев уже всюду появились круглые бутылочки с этикеткой и надписью «кувака». Воейков доходил до смешного в рекламе своей чудодейственной воды. Помню, как мой отец рассказывал, что на одном большом выходе подошел к моему отцу Великий Князь Николай Николаевич и начал у него спрашивать средство для лечения ревматизма.

— Лучшее средство — «кувака», Ваше Высочество, — заявил вдруг бесцеремонно, прерывая их разговор, Воейков.

Великий Князь обернулся, замолчал и отошел.

В обществе над Воейковым смеялись и находили совершенно неприличным для генерала и дворцового коменданта такую торговлю, но это его несколько не смущало, и он с гордостью продолжал рассказывать о том, как продал компании «Wagons Lits» на три года вперед большое количество бутылок «куваки» и выручил за это 100 тысяч.

Осенью 1913 года мы опять были в Крыму и были однажды приглашены в Ливадийский театр, где приютские дети должны были играть для великих княжон пьесу об избрании Царя Михаила Федоровича. Из великих княжон приехали только Мария Николаевна и Анастасия Николаевна, затем были две дочери Великого Князя Георгия Михайловича, Наследник и сын доктора Деревенко. Не знаю, кто из нас больше стеснялся — Великие Княжны или мы; во всяком случае, в антрактах мы не могли связать и двух слов. Один Алексей Николаевич чувствовал себя непринужденно и весело и, играя в антрактах с Колей Деревенькой, возился неимоверно, ни минуты не сидя на месте и кувыряясь то под столом, то на столе. Когда в дверях показывался боцман Деревенько или мой отец, Алексей Николаевич бежал к ним с криком:

— Взрослые должны уйти, — и захлопывал перед ними дверь.

Мы уехали очарованные и счастливые видеть Их Высочества, но не думаю, чтобы они вынесли о нас благоприятное впечатление.

С тех пор как в Ливадии был выстроен новый дворец, Их Величества и Их Высочества очень любили ездить туда и делали это два раза в год — весной и осенью.

Ливадийский дворец был единственный, выстроенный Государем и Императрицей за их царствование по собственному вкусу и соответственно требованиям их семьи. Это было здание белого мрамора в итальянском стиле, с красивыми внутренними двориками, все окруженное цветами. Громадные клумбы, треугольниками расходившиеся от дворца, еще до Пасхи начинали пестреть коврами желтых и красных тюльпанов, которые сменялись голубыми и розовыми гиацинтами или белыми нарциссами. Позже появлялись глицинии и розы, и весь дворец, точно в сказке «Спящая красавица», утопал в душистых ярко-розовых и желтых гирляндах.

Внизу помещалась белая столовая, она же зала, где для танцев после парадных обедов освобождали место, убирая столы, затем гостиная со старинной итальянской мебелью черного дерева, обитой розоватым шелком, по которому были вытканы темно-лиловые бархатные цветы. Из гостиной шла галерея с мебелью того же стиля, обитой ярко-желтым штофом. Галерея приводила в официальный кабинет Его Величества, большую светлую комнату с мебелью красного дерева, обитой зеленовато-серым шелком. Кроме того, внизу была бильярдная, комнаты Великого Князя Дмитрия Павловича, одной из фрейлин и Жильера.

Наверху была маленькая столовая, классная великих княжон, маленький кабинет Государя, будуар Ее Величества, их спальня, спальня Их Высочеств, классная Алексея Николаевича и гостиная великих княжон, где стояли четыре их письменных столика.

Спальни великих княжон и Наследника были как раз против окон старого свитского дома, в ко-

Великие Княжны Ольга и Татьяна в Крыму.
Лето, 1912

тором жил мой отец, так что в теплые летние ночи, когда открыты были все окна, мой отец слышал голос Алексея Николаевича, звавший «Дина» (так называл он боцмана Деревенько).

Во время пребывания Их Величеств в Крыму Ее Величество всегда устраивала базары с благотворительной целью. Впоследствии на деньги, собранные таким образом, а отчасти и на личные средства Ее Величества была построена в Массандре на берегу моря чудная санатория, куда во время войны посылались на климатическое лечение раненые офицеры.

Главный доход на этих базарах доставляли собственноручные работы Ее Величества и великих княжон, состоявшие в очень красивых рукоделиях или рисунках. Ее Величество замечательно искусно делала акварелью различные виньетки на каких-нибудь пресс-папье, рамочках или коробочках, сразу делавшие скромную вещь заметной своим изяществом и красотой. За столом с этими вещами всегда Ее Величество, а также и Великие Княжны присутствовали сами, и понятно поэтому, что толпа была невероятная и продажа шла с исключительной быстротой. За другими столами торговали светские дамы, проводившие сезон в Ялте, которых Ее Величество привлекала таким образом к благотворительности.

Изредка в Ливадии давались балы, отличавшиеся своей простотой и непринужденностью. К сожалению, я была еще очень мала и не видала ни одного бала. Зимой 1913-14 года один маленький бал для «подростков был дан у великой княгини Марии Павловны старшей, куда был приглашен мой стар-

ший брат, бывший в то время камер-пажем великой княгини Виктории Федоровны. Ему очень хотелось танцевать с Великими Княжнами, но он считал невозможным приглашать их сам, думая, что, если им угодно будет, они его пригласят. Раз его пригласила княжна Надежда Петровна, дочь Великого Князя Петра Николаевича, Великие же Княжны — ни разу. Он был очень огорчен этим, а на следующий день Великие Княжны выразили неудовольствие моему отцу, так как они считали, что брат нарочно обходил их, великих княжон. По их необычайной скромности им не могло прийти в голову, что мой брат считал невозможным и неприличным первым подходить к ним, и они приняли это как знак пренебрежения.

В конце 1913 или в начале 1914 года Петербург взволновался приездом иностранных гостей — Наследного принца Румынского и его молодого сына Кароля. В городе сразу заговорили о сватовстве, и «Новое Время» без всяких пояснений поместило в своем субботнем иллюстрированном прибавлении на одной странице портрет Великой Княжны Ольги Николаевны, а на другой — принца Кароля.

Рассказам и сплетням не было конца, и мой отец ужасно сердился, когда к нему бежали любопытные с вопросами:

— Ну что, кого из княжон выдают?

— Неужели Вы думаете, — отвечал он, — что Государь Император ходит спрашивать у свиты совета, за кого выдавать дочерей, да и вообще еще о сватовстве никто не говорит: приехали в гости.

Мой отец считал всегда совершенно недопустимым какие-либо пересуды и сплетни о Царской Се-

мые и даже нам, детям, не передавал ничего, кроме уже заведомо свершившихся фактов.

Впоследствии я слышала от других, что, действительно, принц Кароль приезжал свататься к Ольге Николаевне, что ему больше понравилась Татьяна Николаевна, а на великих княжон он вообще не произвел особенного впечатления, и поэтому все мирно разъехались, так как Государь и Императрица настолько любили своих дочерей, что никогда бы не принесли счастья одной из них в жертву политическим интересам, хотя в свою очередь дочери готовы были на какую угодно жертву.

Вскоре в Петербург прибыл еще один иностранный гость — король Саксонский. Я запомнила его приезд, потому что ради него был дан парад всему царскосельскому гарнизону, а также потому, что о нем самом много тогда говорили. Говорили, что он, может быть, очень добр и мил как человек, но что очень мало образован, груб и нетактичен до крайности, так что совершенно невольно разобидел незаслуженно целую массу лиц свиты.

В день парада, который, как нарочно, выдался яркий и солнечный, все Царское Село было разукрашено бело-зелеными саксонскими флагами. Ярko блестели в весеннем солнце золотые купола церкви Большого дворца, перед которым на плацу уже пестрой лентой стройно вытянулись войска, а на них с любопытством смотрела толпа публики, льнувшая к подъездам и стенам дворца и с нетерпением ожидавшая появления Царской Семьи.

Вдруг воздух прорезал первый звучный аккорд величественного гимна, и под стройные звуки «Боже, Царя храни» показалась из левых ворот группа

блестящих всадников. Впереди в форме конвоя Его Величества ехал Государь. Едва замерли последние звуки «Боже, Царя храни», как воздух дрогнул от дружного «ура», катившегося широкой волной все дальше и дальше по всем полкам и оттуда перешедшего на публику.

Вслед за свитой, сопровождавшей Государя, показалась коляска, в которой ехала Государыня с Наследником, а затем — открытое ландо, где приветливо улыбались из-под больших белых шляп красивые личики великих княжон. Государыня ехала в экипаже, запряженном *a la Daumont*, т. е. тремя парами снежно-белых лошадей, причем на черной и последней паре сидели жокеи в черных, с золотой бахромой, шапочках, красных куртках, обтянутых рейтузах цвета крем-брюле и низких лакированных сапогах с отворотами. За ландо великих княжон следовали два конвойца.

Объехав войска, вся эта красивая группа двинулась мимо публики, налегавшей друг на друга, чтобы поближе увидеть красивую, добрую улыбку проезжающего Государя. Государь и свита стали верхами около центрального подъезда Большого дворца, на ступенях которого были приготовлены места для Государыни, Наследника и великих княжон.

Начался молебен. По окончании его публика, все время молча крестившаяся, вдруг зашевелилась. Из правых ворот показались первые ряды пехоты. Тут были сводно-пехотный полк и стрелковая дивизия, затем следовала кавалерия, т. е. конвойцы, гусары, кирасиры, казачья конная артиллерия и сводно-казачий полк. Каждый был хорош по-своему.

Из пехоты больше всего привлекали внимание барашковые шапочки, малиновые рубашки и русский кафтан с золотым галуном стрелков императорской фамилии, а кавалерия была так пестра и красива, что в публике все время вырывались крики восторга. Нельзя было решить, кто лучше: стройные конвойцы в черкесках, с тонкими талиями, красавцы гусары в снежно-белых ментиках, обшитых бобром, чуть колебавшихся на их спинах, блестящие на солнце своими кирасами и грандиозными касками, величественные кирасиры или казаки в высоких шапках, лихо заломленных на затылок. Давно не видели такого парада. И кто думал тогда, что это последний в этом царствовании?

* * *

Лето 1914 года стояло жаркое и душное. Ни одного дождя. Вокруг Петербурга постоянные торфяные пожары, так что и дни и ночи нельзя было отдохнуть от запаха гари. Где-то грохотал гром, и сухие грозы каждый день кружили над Петербургом, не принося облегчения. Собиралась большая гроза, но другого рода. Все были встревожены убийством в Австрии сербом Наследного принца. Все симпатии были на стороне сербов. Уже с начала балканских войн говорили сочувственно о южных славянах, считая необходимой войну с Германией и Австрией.

Теперь эти разговоры усиливались; говорили, что Россия должна выступить на защиту своих меньших братьев и освободить и себя и их от германского засилья. Но были люди, яростно спорившие против подобных планов. Это были крайние правые, которые говорили, что Россия ни в каком

случае не должна ссориться с Германией, так как Германия — оплот монархизма, и по этой, а также и экономическим причинам мы должны быть с ней в союзе.

Во время всех этих споров и разговоров в Петербурге шли беспорядки. Рабочие бастовали, ходили толпами по улицам, ломали трамваи и фонарные столбы, убивали городских. Причины этих беспорядков никому не были ясны; пойманных забастовщиков усердно допрашивали, почему они начали всю эту переделку.

— А мы сами не знаем, — были ответы, — нам надавали трешниц и говорят: бей трамваи и городских, ну мы и били.

И в этот самый момент вдруг появился долгожданный манифест об объявлении войны и мобилизации, а австрийские и германские войска показались на нашей территории.

Как только была объявлена война, вспыхнул грандиозный патриотический подъем. Забыты были разбитые трамваи и немецкие трехрублевки, казаков встречали криками радости, а вновь произведенных офицеров качали и целовали им погонны.

По улицам Петербурга ходили толпы манифестантов с иконами и портретами Его и Ее Величеств, певшие «Спаси, Господи, люди Твоя» и «Боже, Царя храни». Все бегали радостные и взволнованные. Никто не сомневался, что через три месяца наши победоносные войска будут в Берлине.

При таком настроении публики Государь приехал в Петербург читать в Зимнем дворце манифест об объявлении войны. Когда Их Величества проходили по залам Зимнего дворца, то возбужденная

публика, забыв все этикетки, кидалась к ним, обступая их кольцом, целуя руки им обоим и подол платья Императрицы, у которой по красивому одухотворенному лицу текли крупные, тихие слезы радости.

Когда Его Величество вышел на балкон, то вся толпа, запрудившая площадь Зимнего дворца, так что еле можно было дышать, как один человек упала на колени, и все разом подхватили «Боже, Царя храни». Всем, видевшим события 1917 и 1918 годов, трудно поверить, что это была все та же толпа тех же рабочих, солдат и чиновников.

Через несколько дней Их Величества переехали в Москву. Мы поехали тоже.

В первый же день на пути от вокзала мы встретили манифестацию, но в Москве подъем был значительно меньший. В день чтения манифеста вся Царская Семья проехала прямо из дворца к Успенскому собору, в котором еще Александр I молился перед началом Отечественной войны. Молебен продолжался долго, но вот наконец, при звоне колоколов и при ярком свете золотистого августовского солнца, вышли Их Величества и Их Высочества из собора и прошли к своим экипажам по высоким мосткам, обитым красным сукном, под которыми колебалось море человеческих голов, волновавшееся и дрожавшее от дружного «ура».

В 10-х числах августа Их Величества вернулись в Царское Село и еще больше упростили и без того простой образ жизни своего двора, посвятив себя исключительно работе. Государь лично потребовал, чтобы ввиду продовольственных затруднений был сокращен стол. Стали подавать только два блюда за

завтраком и три за обедом. Ее Величество в свою очередь сказала, что ни себе, ни Великим Княжнам она не сошьет ни одного нового платья, кроме форм сестер милосердия, да и те были заготовлены в таком скромном количестве, что Великие Княжны постоянно ходили в штопанных платьях и стоптанных башмаках, все же личные деньги Их Величеств шли на благотворительность.

В Царском Селе моментально стали открываться лазареты, куда Ее Величество постоянно посылала вина, лекарства и различные медицинские усовершенствования и дорогие мелочи.

Были открыты комитеты — Ее Императорского Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны (помощь семьям запасных) и Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны (помощь беженцам), и Великие Княжны лично председательствовали на заседаниях и входили во все дела.

Во всех дворцах были открыты склады Ее Императорского Величества, снабжавшие армию бельем и перевязочными средствами. Моментально были оборудованы санитарные поезда имени всех членов Царской Семьи, образцы чистоты и удобства, подвозившие раненых в районы Москвы и Петрограда.

В течение всей войны, каждое Рождество и Пасху, всем раненым царскосельского района выдавались великолепные подарки на личные средства Их Величеств, — как например, серебряные ложки и вилки с гербами, и кроме этого, еще устраивались елки с угощением. Их Величества не ограничивались общественной благотворительностью: значительные суммы раздавались нуждающимся раненым,

так что, наверно, многие из них и не подозревали, откуда идет им помощь. Еще менее знали об этом в обществе, так как это шло иногда через моего отца, иногда через других лиц, умевших хранить секреты. Между прочим, помогала в этом деле и Вырубова — человек очень щедрый и отзывчивый к чужому несчастью, благодаря чему, после того, как во время революции ее выпустили из тюрьмы, она, желая избежать вторичного ареста, находила приют в подвалах и каморках бедняков, когда-то выреченных ею из нищеты.

Сколько радости и утешения приносили Ее Величество и Великие Княжны своим присутствием в лазаретах! В первые же дни войны после своего приезда в Царское Село старшие Великие Княжны и Ее Величество стали усердно готовиться к экзаменам на сестер милосердия и слушать лекции, для того чтобы иметь право работать наравне с остальными сестрами. И впоследствии они работали так, что доктор Деревенко, человек весьма требовательный по отношению к сестрам, говорил мне уже после революции, что ему редко приходилось встречать такую спокойную, ловкую и дельную хирургическую сестру, как Татьяна Николаевна.

Великая Княжна Ольга Николаевна, более слабая и здоровьем, и нервами, недолго вынесла работу хирургической сестры, но лазарета не бросила, а продолжала работать в палатах наравне с другими сестрами, убирая за больными.

Ее Величество, если только ее здоровье позволяло ей это, приезжала также ежедневно в дворцовый или собственный Ее Величества лазарет, где работали Великие Княжны. Изредка Ее Величество

занималась перевязками, но чаще просто обходила палаты и сидела с работой у изголовья наиболее тяжелых больных. Были случаи, когда больные заявляли, что не могут заснуть без Ее Величества или что только ее присутствие успокаивает их боли, и она приезжала, в каком бы это ни было лазарете, и сидела часа два, три только для того, чтобы доставить хоть немного спокойствия несчастным.

Однажды в Царском Селе на Братском кладбище хоронили скончавшегося в одном из царско-сельских лазаретов офицера. Один из наших друзей-офицеров поехал на вечернюю панихиду и рассказывал нам впоследствии, как глубоко он был потрясен всем им виденным. Служба еще не началась, но публики в церкви собралось много, и в маленькой церкви стало так душно, что он вышел на улицу. Темнело, и в сумраке весеннего дня кое-где белели кресты могил. Вдруг у ограды кладбища остановился автомобиль, из которого вышла дама, вся в черном, и, войдя в ограду, остановилась у первой же могилы, осеняя себя крестным знамением. Офицер отошел из скромности возможно дальше и ожидал, что дама сейчас уедет или пройдет в церковь. Но велико было его удивление, когда она, отойдя от одной могилы, пошла дальше и, остановившись с молитвой перед следующей, обошла все кладбище, молясь перед каждым крестом. Когда она дошла до офицера, он узнал в ней Государыню Императрицу, которая одна ночью молилась за души погибших своих подданных...

Младшие Великие Княжны не работали сестрами милосердия, так как большая часть дня у них еще уходила на ученье, но ежедневно они посещали

лазарет своего имени при Федоровском Государевом соборе, а днем вместе со старшими сестрами делали объезды остальных лазаретов.

Иногда в этих объездах принимал участие и Алексей Николаевич, очень любивший вступать в разговоры с ранеными. Однажды старшая сестра одного из лазаретов попросила офицеров, чтобы они как можно больше рассказывали Алексею Николаевичу из жизни на фронте, и действительно он был так заинтересован, что когда Великие Княжны, бывшие в соседних палатах, пришли звать его домой, он сказал:

— Ну вот, когда мне интересно, вы всегда уезжаете раньше, а когда скучно, так сидите, сидите без конца.

Но конечно, все-таки поехал тотчас же.

Часто в лазареты приезжали артисты императорских театров, и давались спектакли и концерты, на которых Великие Княжны и Наследник любили присутствовать. Еще до войны великих княжон очень редко вывозили, а с началом войны всякие развлечения прекратились совершенно. Помню, как Наследник смотрел в лазарете Большого дворца «Вова приспособился», что ему страшно понравилось, а уезжая, он просил поставить вторую часть — «Вова в отпуску», про которую он слышал от сестер, что это тоже очень забавно. Конечно, было решено возможно скорее удовлетворить его скромное желание, но революция расстроила все планы.

— Я удивляюсь их трудоспособности, — говорил мне мой отец про Царскую Семью, — уже не говоря про Его Величество, который поражает тем количеством докладов, которые он может принять

и запомнить, но даже Великая Княжна Татьяна Николаевна: например, она, прежде чем ехать в лазарет, встает в 7 часов утра, чтобы взять урок, потом они обе едут на перевязки, потом завтрак, опять уроки, объезд лазаретов, а как наступит вечер, они сразу берутся за рукоделие или за чтение.

Действительно, во все время войны и без того скромная жизнь Царской Семьи проходила одинаково изо дня в день за работой.

Так проходили будни, праздники же отличались только тем, что вместо утреннего посещения лазарета Их Величества и Их Высочества ездили к обеду в Федоровский Государев собор.

Этот собор был, собственно говоря, полковой церковью конвоя и сводно-пехотного полка и возродился из маленькой церкви, сплошь уставленной старинными образами и первоначально устроенной в казармах сводно-пехотного полка.

Древнерусский стиль и старина икон так понравилась Государю, что вскоре был построен собор. Нижний пещерный храм был весь уставлен старинными иконами, и полумрак царивший там, придавал еще больше молитвенного настроения.

Помню всенощную в Великом посту во время говения Их Величеств, на которую мы приехали очень некстати, так как Их Величества изъявили желание, чтобы во время говения, кроме солдат, никого не было.

Я никогда не забуду того впечатления, которое меня охватило под сводами церкви: молчаливые стройные ряды солдат, темные лики святых на почерневших иконах, слабое мерцание немногих лампад и чистые, нежные профили великих княжон в

белых косынках наполняли душу умилением, и жаркие молитвы без слов за эту семью из семи самых скромных и самых великих русских людей, тихо молившихся среди любимого ими народа, вырывались из сердца.

Верхний храм производил большое впечатление красивой живописью царских врат и массивных колонн, поддерживавших свод. Блеск золотых иконных риз, великолепия облачения духовенства, величественные напевы хора как нельзя лучше гармонировали с ярким настроением больших праздников, когда хочется побольше торжественности и необычайности...

Царская Семья приезжала очень рано и проходила на свои места на солее, минуя публику, через маленькую боковую дверь. Государь и Наследник стояли всегда на виду у публики, большая колонна скрывала места Государыни и великих княжон. Около алтаря была маленькая молельня для Ее Величества, в которой горели неугасимые лампы и приносились к образам живые цветы.

Однажды, в самом начале войны, Ее Величество и Великие Княжны посетили лазарет, устроенный моим отцом в занимаемом нами казенном доме. Мы с младшим братом были только вдвоем дома. Мой отец, как всегда, страшно занятой, уехал по делам, а сестра милосердия ушла на полчаса домой, когда к нам наверх прибежала горничная с известием о приезде Ее Величества, и Великие Княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна, как всегда, скромно одетые в темные пальто и шляпы, уже были в лазарете.

Большинство раненых были выздоравливающие и, сидя, кто в халате, кто в нижнем белье, играли в карты. Ее Величество подошла к ним и спросила, во что они играют.

— В дурачки, Ваше Величество, — был ответ.

В это время подошли мы, и Ее Величество обратилась к нам с вопросами, но ласковый тон Ее Величества и счастье ее видеть, как всегда, лишили меня всякого самообладания, и я отвечала что-то очень бестолковое.

Тогда Ее Величество подошла к лежавшему. Это был солдат 35 лет, глухой, ревматик и до такой степени изнуренный, что ему можно было дать лет 75. Он лежал и читал Евангелие, ранее присланное Ее Величеством, и даже не обратил внимания на вошедших и не догадывался, кто это заговаривает с ним.

— Ты что читаешь? — спросила Ее Величество, наклоняясь к нему.

— Да вот все ноги болят.

Ее Величество улыбнулась и попробовала задать другой вопрос, но ответ был такой же бестолковый, и она, отойдя, попрощалась с нами и вышла вместе с Великими Княжнами в переднюю.

— Уже на зиму приготовили, — сказала, проходя, Ее Величество, указывая на валенки, стоявшие в передней.

Затем она вышла на крыльцо, кивнула нам еще раз и села в автомобиль.

Уже гораздо позже приехал к нам Алексей Николаевич. Он очень стеснялся идти в лазарет и, чтобы оттянуть это, пошел с моим отцом осматривать остальные комнаты нижнего этажа и нашел, что у

нас очень уютно. Мы же тем временем ждали Алексея Николаевича в лазарете. Все встрепонулись, когда в дверях показалась его красивая маленькая фигурка.

Мой отец подвел к Алексею Николаевичу нескольких солдат, которые стояли, вытянувшись, около своих кроватей, а затем Алексей Николаевич прошел через лазарет в переднюю, а давно приготовленный граммофон звучно грянул «Боже, Царя храни», что, кажется, Алексею Николаевичу очень понравилось.

* * *

Однажды ко мне в лазарет, как раз в начале корниловского движения, когда вокруг Царского уже были вырыты окопы, а корниловские войска стояли на станции Дно, приехала и раньше часто бывавшая у меня фрейлина Маргарита Сергеевна Хитрово, работавшая вместе с Их Высочествами в собственном Ее Величества лазарете и страстная поклонница всей Царской Семьи.

— Я еду в Тобольск — объявила она мне.

Я уже раньше слышала об ее намерении ехать в Тобольск, но не ожидала, что это будет так скоро после их отъезда.

— Я еду завтра, у меня билет уже есть, а чтобы не возбуждать подозрения, я еду как будто бы на поклонение мощам Иоанна Тобольского. Туда много ездят, отчего же я не могу поехать на богомолье? А Вы мне дайте письмо, если хотите.

Я дала ей письмо к моему отцу, и она отправилась, взяв еще много писем к лицам свиты и даже Их Величествам.

Тем временем я уже получила письма от моего отца, сперва с парохода, потом из Тобольска.

3 августа Их Величества прибыли в Тюмень и ночью были переведены на пароход, который отошел к Тобольску.

По приезде в Тобольск в город выехали полковник Кобылинский и комиссар Макаров и вернулись с известием, что помещение еще не готово, так что Их Велиchestвам пришлось жить на пароходе около двух недель.

В это время шел спешно ремонт губернаторского дома, в котором предполагалось поместить Царскую Семью, и дома купца Корнилова напротив — для свиты и части охраны. Кроме того, небольшой кусочек площадки перед губернаторским домом окружался высоким сплошным забором. Это место предназначалось для прогулки арестованных.

За время жизни на пароходе часть арестованных два раза съезжала на берег для осмотра помещений. Первый раз для этого был отправлен мой отец с Кобылинским и Макаровым, второй раз — камердинер Ее Величества Волков и камер-фрау Тутельберг.

Кобылинский и Макаров делали все, чтобы улучшить помещение. Часть мебели в губернаторском доме сохранилась еще от старого времени, не-достававшие же вещи покупались в лучших домах Тобольска. Макаров настоял на покупке для великих княжон рояля. Упорно искали для Их Величеств пружинные кровати, так как не хотели давать им походных, предназначенных для Их Высочеств и лиц свиты. В конце концов и кровати были куплены в какой-то семье, поступившейся своим

удобством. Для ремонта были приглашены обойщики, столяры, маляры и электротехники — пленные и военнообязанные немцы, единственные хорошие работники в городе.

В особенно плачевном состоянии были водопроводы, очень долго не чищенные, так что первое время вся грязь подымалась кверху и наводняла весь дом невероятным запахом, но это скоро было исправлено, и в обоих домах были поставлены ванны.

Наконец, в середине августа, Их Величества и свита переехали в город и пешком шли от пристани до домов, причем собравшаяся смотреть публика отметила их бодрое и веселое настроение.

Вскоре после отъезда Маргариты Хитрово я получила от своего отца разрешение ехать и была в отчаянии, что некоторые дела меня задерживали. Вдруг до нас дошли слухи об аресте Хитрово и препровождении ее под конвоем в Петроград.

Вслед за тем приехал Макаров, на смену которому в Тобольск был послан комиссар Панкратов с помощником — прапорщиком Никольским.

Бедная Хитрово была очень поражена всем случившимся, не представляя себе, что исключительно ее странное поведение повело к ее аресту, а ее приезд — к удалению Макарова и смене его на более доверенное лицо. Но, действительно, она вела себя так, точно хотела довести до этого. Уезжая, она вся закуталась в пакеты со всевозможной корреспонденцией, а с пути писала открытки родственникам следующего содержания: «Я теперь похудела, так как переложила все в подушку» или: «Населе-

ние относится отлично, все подготавливается с успехом» и т. д.

Приехав в Тобольск, она моментально направилась в дом, где помещалась свита, и наткнулась на графиню Гендрикову, которая провела ее в свою комнату. Затем туда же пришел мой отец, и они все мирно разговаривали, когда появился Кобылинский и объявил, что он вынужден арестовать Хитрово. Корреспонденция был отобрана, у графини Гендриковой сделали обыск, и ее, моего отца и Хитрово допрашивали, причем последняя, говорят, держала себя очень вызывающе. Затем ее под конвоем отправили в Петроград.

В этой истории обе стороны держали себя глупейшим образом. Хитрово должна была подумать о том, что ее внезапный отъезд, ее переписка и появление неизвестной барышни в глухом Тобольске сразу будет отмечено революционными властями, придиравшимися к каждому пустяку, каким и была ее поездка. Она уехала самостоятельно, не по поручению каких-либо организаций и главным образом для того, чтобы как-нибудь, хоть мельком, повидать Царскую Семью. Может быть, она и лелеяла мечту подготовить почву к освобождению Их Величеств, но можно было понять, что не здесь кроется главная сеть организаций, настолько появление Хитрово было наивно. Ясно было, что на нее не стоило тратить революционного пыла. Для Их Величеств последствия были, несомненно, неприятные, так как из-за этого уволили Макарова, человека, безусловно, иначе настроенного, чем Панкратов.

Все это произошло незадолго до моего отъезда в Тобольск, куда я приехала 14 сентября. Наш маленький

и грязный пароходишко часов в 6 с половиной утра подходил к Тобольску, еще окутанному голубоватой дымкой предрассветного тумана, сквозь которую просвечивали очертания больших белых зданий на нагорной части и серые тени каких-то лачужек у пристани.

Долгое время длилась процедура проверки наших бумаг, и наконец мы, т. е. старушка-воспитательница графини Гендриковой и я очутились на пристани и собрались выезжать в город, как вдруг помощник начальника милиции объявил нам, что не имеет права отпустить нас в город, так как мы едем к арестованным.

После часового ожидания, во время которого мы наблюдали за чуждыми нам типами длинноволосых провинциальных семинаристов, грязных киргизов и хорошо знакомыми фигурами стрелков отряда особого назначения, мне удалось наконец добиться разрешения пройти в город под конвоем солдата, чтобы по телефону сговориться с Кобылинским.

Было серенькое свежее утро, шел мелкий дождь, и все улицы представляли собой расплывшуюся скользкую массу, по которой я еле поспевала за быстро шагавшим солдатом. Оказалось, что по случаю праздника все магазины закрыты и нет ни одного телефона, по которому я могла бы позвонить. Тем не менее я потребовала, чтобы мне показали здание, где помещаются арестованные, и квартиру полковника Кобылинского.

Довольно скоро мы дошли до небольшой площади на главной улице с зеленеющим сзади крошечным городским садиком. Здесь находились два

довольно больших здания: одно белое — бывший губернаторский дом, — теперь «Дом свободы», с огороженным пространством перед ним и часовыми вокруг, и другое — розовое, с завитками и украшениями, — Корниловский дом, где помещалась свита.

Я кинулась туда и наткнулась на графиню Гендрикову, но она, памятуя случай с Хитрово, отскочила от меня с возгласом «Не подходите ко мне, не подходите», — и справившись, благополучно ли я доехала, не прошла в двери до тех пор, пока я не ушла.

Полковник Кобылинский оказался в этом же доме и тотчас проводил меня сам обратно на пристань, где его бумажка от Керенского произвела на милицию магическое действие, и через полчаса я уже была водворена в комнатах моего отца. Корниловский дом был довольно большой, в два этажа, нелепо построенный, с мраморной лестницей и украшениями на деревянных крашеных потолках, изображавшими лепку.

В верхнем этаже помещались генерал Татищев, Екатерина Адольфовна Шнейдер, графиня Гендрикова, мистер Гиббс, князь Долгоруков, доктор Деревенко с семьей и три горничные.

Внизу была офицерская столовая и буфет, комната, в которой происходили заседания отрядного комитета, и комнаты, где жили мой отец, комиссар Панкратов, его помощник Никольский и прапорщик Зима. В подвальном этаже помещалась прислуга и 8 человек стрелковой охраны.

Мой отец имел две комнаты, из которых одна — большая, светлая, с окнами на дом Их Величеств

была предоставлена мне, а в другой, меньшей и проходной, где двери никогда не запирались и через которую по утрам ходило мыться в ванную все население нижнего этажа и целый день пробегал к себе в комнату прапорщик Никольский, поместился мой отец с младшим братом Глебом.

Обстановка отчасти была казенная, отчасти купленная моим отцом, а один желтый штофный диванчик и стул к моему письменному столу, сделанному из крашеного деревянного умывальника, были присланы мне из другого дома Ее Величеством и великой княжной Ольгой Николаевной, несколько раз спрашивавшей, есть ли у меня мягкая мебель.

На этом же диванчике я нашла две подушки, вышитые: одна — Ее Величеством, а другая — великой княжной Марией Николаевной, — еще трогательный знак внимания с их стороны, всегда думавших о том, как доставить удовольствие окружающим.

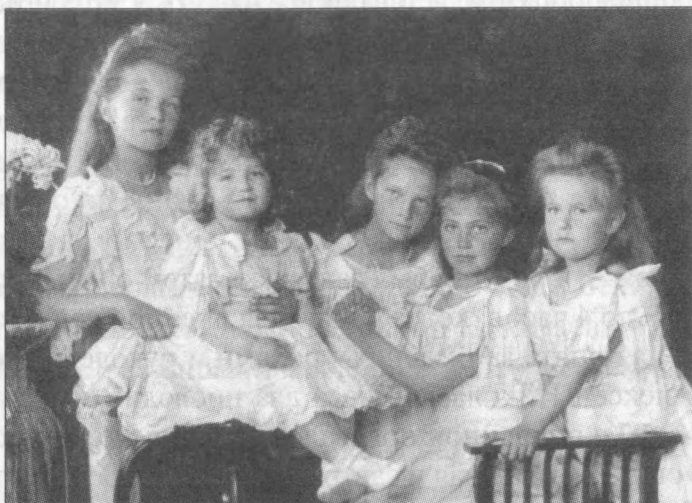
Из окон моей комнаты был виден весь дом, где помещались Их Величества, и площадка, отведенная для прогулок. В это утро, несмотря на дождь, Его Величество и Их Высочества вышли гулять в 11 часов, и я впервые увидала их здесь после Царского Села. Его Величество в солдатской шинели и защитной фуражке своей обычной быстрой походкой ходил взад и вперед от забора до забора. Великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна в серых макинтошах и пуховых шапочках — синей и красной — быстро шагали рядом с отцом, а Анастасия и Мария Николаевны, сидя на внутреннем

заборе, отгораживавшем город и кладовые, разговаривали с караульными солдатами.

День Их Величеств в Тобольске проходил следующим образом: вставали все часов в 9 утра и после утреннего чая занимались каждый своим делом: Его Величество и Ольга Николаевна — чтением, младшие дети — уроками, Ее Величество продолжала преподавать детям закон Божий и занималась чтением с великой княжной Татьяной Николаевной. В 11 часов все выходили на прогулку за загородкой. В 1 час дня был завтрак и затем опять прогулка до 4 часов, когда подавался дневной чай. После чая опять занимались уроками и рукоделиями, а Алексей Николаевич часа два проводил за играми. В 7 с половиной подавался обед, после которого свита, обедавшая и завтракавшая с Их Величествами, оставалась на вечер. Тут устраивались игры в карты или домино, без денег, конечно, причем каждый вечер Его Величество читал вслух, преимущественно что-нибудь из классиков. Один Алексей Николаевич отсутствовал, так как сразу после обеда шел спать.

Преподаванием Алексею Николаевичу, кроме Ее Величества, занимались Е. А. Шнейдер, Жильяр и Клавдия Михайловна Битнер, приехавшая в Тобольск вместе с Кобылинским, очень образованная и милая женщина, искренне любившая Царскую Семью и помогавшая Кобылинскому переносить стойко все огорчения и мучения его тяжелой службы.

По воскресеньям Их Величествам разрешали ходить к ранней обедне в храм Благовещения, находившийся в нескольких шагах, и в который

Царские дети Ольга, Цесаревич Алексей,
Татьяна, Мария, Анастасия.
С. Петербург. 1907

можно было пройти через городской сад, почти прилегавший к загородке около губернаторского дома. По всему саду расставлялись в две шеренги солдаты, между которыми и проходили Их Величества и свита.

В этой церкви служил отец Алексей Васильев, назначенный, по выбору епископа Гермогена, духовником к Их Величествам, человек, сыгравший роковую роль во всем, происшедшем впоследствии. Сам же епископ Гермоген, как известно, тоже погибший мученической смертью, вел тайную переписку с Их Величествами, посылал им просфоры и вообще до самой своей смерти не забывал их.

Их Высочества, несомненно, очень скучали: так часто их можно было видеть сидящими на подоконниках в зале и смотрящими по часу или два на пустынные улицы Тобольска. Развлечений было очень немного: сперва устроили они себе ледяную гору и ежедневно катались на ней, раскрасневшиеся от мороза, такие хорошенькие в своих серых костюмах и темных меховых шапочках, или устраивали на этой же горе грандиозную возню с Алексеем Николаевичем, князем Долгоруковым и Жильяром, который ходил в меховой куртке, замотанный башлыком, как он говорил, «а la kalmouk».

Они все неистово боролись, сбрасывая друг друга в снег, и громко смеялись. Государь в это время рубил и пилил дрова. В этом Великие Княжны ему тоже помогали, с необыкновенной ловкостью и силой взмахивая топором, так что щепки летели в разные стороны.

По вечерам они все сидели во главе с Ее Величеством, усердно занимались рукоделиями, так как приближалось Рождество, и по старому обычаю, они хотели сделать всем подарки. Была устроена елка не только для всей прислуги, но и для дежуривших в первый и во второй день взводов охраны, причем каждый из солдат и каждый человек из прислуги получили какую-нибудь полезную вещь собственной работы Ее Величества или Их Высочеств, вроде вязаной шапки или перчаток.

Как я уже говорила, мы с братом проводили Рождество одни, так как мой отец был с Их Величествами, а нас туда не пустили. Но благодаря вниманию Ее Величества, и для нас этот день не прошел

незамеченный. Утром в сочельник Ее Величество спросила моего отца, есть ли у нас елка, и узнав, что нет, тотчас же послала кого-то из прислуги в город за елкой для нас и приложила к этому несколько подсвечников, «дождя», «снега» и свечей, собственноручно подрезанных Его Величеством.

Затем, вечером того же дня мы получили тоже по вышитой работе Их Высочеств, рисованную Ее Величеством закладочку и по вещице: моему отцу — вазу, брату — книгу с надписью и мне брелок — золотой самородок с брильянтом, который впоследствии, к моему великому горю, вместе с браслетом матери и брелочком отца был у меня украден. Не могу сказать, как тронуло нас это внимание со стороны тех, кто больше всего сами нуждались в поддержке и имели силу не только переносить все с мужеством и бодростью, но и оказывать столько внимания и ласки всем окружающим, не исключая людей, их предавших, державших их как узников.

Несомненно, что из всех заключенных больше всего выдержки, наибольшее присутствие духа было у тех, кто должен был больше всех страдать, — у Царской Семьи.

Несмотря на очень хорошие отношения и на искреннее желание свиты жить в мире, все-таки благодаря напряженному и нервному состоянию происходили мелочные споры и ссоры, после которых Илья Леонидович Татищев говорил: «Не надо мельчать, не надо мельчать». Настроение, конечно, у всех было мрачное, и некоторые из лиц свиты постоянно заводили разговоры о грубости Никольского, невоспитанности Панкратова и глупости отрядного комитета, — вместо того, чтобы всячески

избегать подобных разборов, конечно, не способствовавших подобрению настроения Их Величеств.

Ледяную гору великих княжон солдаты разрушили на том основании, что, поднимаясь на эту гору, Их Высочества оказывались уже вне забора, на виду у публики, которая собиралась на них смотреть.

Опять охрана начала говорить про возможные покушения, о которых никто и не думал, так как большинство публики было настроено совершенно иначе. Один старенький полковник на следующий день после приезда Их Величеств надел полную парадную форму и в течение получаса стоял, вытянувшись во фронт, под окнами дома Их Величеств.

Некоторые ходили гулять специально, чтобы видеть в окно кого-нибудь из Царской Семьи, другие через моего отца, Деревенко и Кобылинского посылали конфеты, сахар, торты или каких-нибудь замечательных копченых рыб.

Из женского Ивановского монастыря привозили молочные продукты, квас, присылали просфоры, а в марте искусно испеченных жаворонков, по 50 штук в гнездышке величиной с десертную тарелку.

Конечно, уничтожение горы было лишением для Их Высочеств, воспитанных в здоровом духе здоровых физических развлечений, но не помню, кто, кажется, Жильяр, вскоре нашел другое занятие: домашние спектакли. Эти спектакли преимущественно ставились на иностранных языках под руководством Жильяра и Гиббса. Только один был русский, в котором единственный раз принимал

лично участие Его Величество и от которого у меня сохранилась программа, написанная его рукой.

Действующими лицами чаще всего были Татьяна Николаевна, Мария Николаевна и Алексей Николаевич, и для мужских ролей — Жильяр и Гиббс, реже других — Анастасия Николаевна и Ольга Николаевна, иногда кто-нибудь из свиты. Мой отец категорически отказался от участия, прося оставить себе роль зрителя, которых и так было немного, но однажды Алексей Николаевич после обеда подошел к нему и с серьезностью делового человека сказал:

— Мне надо Вам кое-что сказать, Евгений Сергеевич.

После этого он взял моего отца под руку и пошел с ним взад и вперед по зале. Дело заключалось в том, что Алексей Николаевич просил моего отца взять на себя роль в следующем спектакле. Мой отец сперва отказался, но Алексей Николаевич так просил его сделать это для него, что это будет роль старого доктора, очень легкая, что мой отец согласился, но спектакль не состоялся, не помню отчего.

Эти спектакли всем доставляли много удовольствия — не только игравшим, но и зрителям, так как Жильяр и Гиббс оказались искусными режиссерами, а Великие Княжны, в особенности Татьяна Николаевна, проявили много живости и таланта. Алексей Николаевич, с привязанной бородой и говоривший басом, был тоже необычайно мил.

20 мая 1918 года Великие Княжны Татьяна Николаевна, Ольга Николаевна и Цесаревич Алексей Николаевич на пароходе «Русь» выехали из Тобольска в Тюмень, а оттуда поездом в Екатеринбург.

Издевательство охраны продолжалось и на пароходе. К открытым дверям кают великих княжон были приставлены часовые, так что они даже не могли раздеться.

Вся провизия, присланная Их Высочествам местными жителями, Ивановским монастырем и заключававшаяся в ледниках с молоком, квасом, творогом, пирогами и печеньем, была отобрана красногвардейцами в свое пользование. Они выдавали им только немного молока, а у баронессы Буксгевден нашлось в кармане несколько холодных зраз и сладких кексов. Это было все их питание.

Не знаю, как продолжалось в поезде до Екатеринбурга, но по приезде туда все были немедленно разделены. Великие княжны и Наследник в сопровождении двух лакеев — штандартских матросов Нагорного и Седнева, повара и поваренка были отвезены в Ипатьевский дом, причем великих княжон самих заставили нести свой багаж, и Татьяна Николаевна поразила всех своей силой, неся с легкостью по чемодану в каждой руке.

Графиня Гендрикова и Екатерина Адольфовна Шнейдер, Татищев и камердинер Волков были отправлены в тюрьму, где первых двух по нездоровью поместили в тюремную больницу.

Жильяра, баронессу Буксгевден, несколько человек прислуги, Кирпичникова в том числе, отвезли на запасные пути, где уже скопилось до 35 000 беженцев, хворавших и умиравших в невероятной грязи, которая может образоваться от такого скопления народа.

Доктор Деревенко, как я уже говорила, под арест не попал, а стал жить свободным человеком,

через день приходя к Их Величествам под конвоем и контролируемый в лечении Алексея Николаевича каким-то безграмотным фельдшером.

Когда же был назначен комиссаром Юровский, за Деревенькой перестали посылать, а он, по его собственному выражению, не хотел о себе напоминать большевикам и больше не бывал у Их Величеств. Таким образом он избегнул той ужасной участи, которая постигла всю свиту, и практиковал с большим успехом в Екатеринбурге.

С тех пор, как Их Высочества уехали, мы уже больше не имели никаких сведений ни от них, ни от моего отца, так как стали железные дороги, и вскоре мы очутились под разными правительствами благодаря чешскому движению. Все остальное я знаю со слов Жильяра и баронессы Буксгевден, которые, живя на запасных путях, изредка заходили в город и видались с доктором Деревенко.

В первые же дни по приезде в Екатеринбург Жильяр проходил мимо Ипатьевского дома, когда оттуда красногвардейцы вывели лакеев Нагорного и Седнева и, усадив на извозчика, увезли куда-то под конвоем. В тот же день оба были расстреляны.

Красноармейцы ими давно были недовольны, так как считали, что они позорят честь матросов, служа при Царской Семье. Теперь же, в Екатеринбурге, Нагорный не стерпел грубого обращения Родионова с Алексеем Николаевичем и, выйдя за ним, закричал на него, что если он еще раз позволит себе какую-либо грубость, он, Нагорный, его просто изобьет.

Только после ухода большевиков удалось разыскать по платью брошенные красногвардейцами и разлагающиеся тела матросов и похоронить их.

Та же участь, что и Нагорного с Седневым, постигла всю свиту, заключенную в тюрьме. В разное время были выведены из тюрьмы Татищев и князь Долгоруков и расстреляны. Графиню Гендрикову, Екатерину Адольфовну Шнейдер и камердинера Ее Величества Волкова перевели в Пермь и держали в одной тюрьме с супругой Его Высочества князя Иоанна Константиновича — Еленой Петровной и ее приближенными. Они очень нуждались в тюрьме, в особенности графиня Гендрикова, не имевшая при себе никаких вещей. Она сама стирала свое белье под краном, причем, имея только одну смену белья, она, стирая блузу, надевала рубашку, а стирая рубашку, надевала блузу. Однажды ее вызвали к комиссарам:

— Отчего Вы не попросите Ваши вещи? — спросили ее.

— Мне ничего не нужно, — спокойно сказала графиня.

— Что Вы хотите?

— Служить Их Величествам до конца дней своих.

— Ах так?

— Да, так.

— Ведите обратно в тюрьму.

Когда после этого пришла стража и велела графине и Екатерине Адольфовне идти за собой, то всем стало ясно, зачем. Графиня встала совсем спокойная и только сказала: «Уже?», но, по-видимому,

потом она поверила словам красноармейцев, объявивших, что их просто переводят в другую тюрьму.

Кроме нее и Екатерины Адольфовны Шнейдер, в этой партии было еще несколько мужчин и женщин и камердинер Волков. Последний, заметив, что их ведут все дальше и дальше и слышатся какие-то подозрительные свистки из лесу, решился бежать, и в тот момент, когда ведущие их солдаты по одному из свистков свернули в чащу, он перепрыгнул через канаву и бросился бежать; за ним раздались выстрелы, и он слышал, как графиня Гендрикова вскрикнула. Впоследствии ее тело и тело Екатерины Адольфовны Шнейдер были найдены зарытыми около города. Теперь же они похоронены в Перми.

Жизнь арестованных в Ипатьевском доме становилась с каждым днем ужаснее. Произвели обыск и забрали все драгоценное, причем у Алексея Николаевича с кровати сорвали золотую цепочку, на которой висели образа. Принесли пищу, — то, что оставалось после караула, — плевали в нее или убивали, когда арестованные только что начинали есть.

Первое время Великие Княжны готовили Ее Величеству отдельно на спиртовке кашу и макароны, приносимые Деревенькой, но вскоре Деревеньку перестали пускать к ним, и они больше ничего не получали.

В то время в екатеринбургском совдепе состоял один германский шпион (впоследствии оказалось, что Яковлев — бывший русский офицер и тоже германский шпион). Член екатеринбургского совдепа — шпион германского правительства был впущен

комиссарами к Государю и заявил, что вся Царская Семья будет освобождена и отправлена за границу, если Их Величества подпишут Брестский мир. Их Величества отказались, и после этого жизнь их стала еще хуже.

Был назначен новый комиссар— еврей Юровский. Отношение охраны было сплошным издевательством, а Их Величества сносили все с истинно христианским смирением святых мучеников. Они погибли мученической смертью в ночь с 3 на 4 июля (с 16 на 17 июля) 1918 года.

Слух об этом ужасном, неслыханном преступлении сразу пополз по Сибири, как ни скрывали его участники этого дела. Конечно, никто из нас не верил слуху до тех пор, пока по приезде во Владивосток я не увидела людей, лично читавших все дело, веденное генералом Дитерихсом. В ночь с 3 на 4 июля (16—17) 1918 года царственным узникам приказали собираться в дорогу. Вся Царская Семья, мой отец и прислуга были скоро готовы, и все сведены в подвальную комнату Ипатьевского дома. Там им предложили подождать. Они попросили стулья; было принесено два: на один из них сел Государь с Наследником на руках, на другой Императрица. Они недолго ждали, как вошел Юровский в сопровождении 12 солдат, из которых только два было русских, остальные евреи и латыши. Юровский обратился к Государю:

— Вы отказались принять помощь Ваших родственников, поэтому я должен Вас расстрелять.

Государь совершенно спокойно перекрестился и встал на колени, по-прежнему держа Наследника.

Императрица также перекрестилась и преклонила колена.

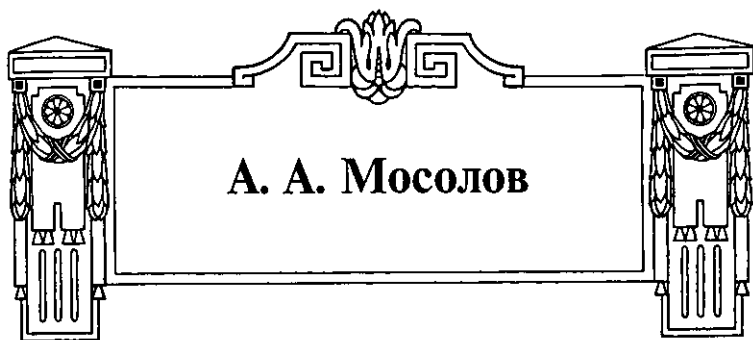
Раздались выстрелы. Юровский стрелял в Государя, солдаты по остальным. Когда уже переворачивали тела и добивали штыками, очнулась Великая Княжна Анастасия Николаевна и закричала. Ее тоже добили.

После этого тела были обобраны, свалены в автомобиль и свезены в лес, где сжигались на двух кострах — огневом и кислотном; несмотря на такое усердное уничтожение, некоторые мелкие вещицы уцелели в золе, и я видела фотографии с них и узнала известные мне вещи Царской Семьи и моего отца...

Так погибли эти великие люди, эти действительно верующие христиане.

Вся Россия виновата в ужасной смерти этих святых мучеников, и никто не подумает, никто не сознается в своих грехах! Теперь больше, чем когда-либо, надо прибегнуть к молитве, надо разбудить в себе заснувшую веру, надо призвать Христа, нашего Спасителя, и молиться, молиться за спасение душ всего народа, за каждого из нас, за всех нас, допустивших гибель своего Царя и Наследника.

Молитва, покаяние и сознание своего великого греха перед Царской Семьей, может быть, искупят этот грех, который иначе ляжет и на детей наших, и не будет у нас больше родины, не будет дано нам видеть благополучие земной жизни, не будет дано нам видеть Царствие Небесное. Да простит нам Господь Бог и святая семья царских мучеников наш великий грех, и да поможет нам Христос начать новую светлую жизнь по Его учению!

А. А. Мосолов

ЦАРСКАЯ ФАМИЛИЯ

ДЕТИ

Дети были главной радостью Царской Четы. Работа мало давала мне досуга следить за Наследником и Великими Княжнами: они как-то незаметно для меня вырастали. Так как Императрица специально не поручала фрейлинам присматривать за детьми, те избегали вмешиваться в их воспитание. Благодаря этому я могу о ранних годах молодого поколения Царской Семьи судить лишь по отрывистым, случайным впечатлениям.

Цесаревич был вначале здоровым и жизнерадостным ребенком. Его страшная наследственная болезнь, гемофилия, проявилась лишь впоследствии. Мне хорошо помнится, как он, трех-четырёх лет, приходил к столу, когда подавали десерт; поболтав около родителей, подбегал к гостям и непринужденно с ними разговаривал, не проявляя застенчивости. Бывало, часто залезая под стол, Цесаревич хватал сидящих за ноги и был в восторге, когда эти лица пугались. Раз даже он стащил у одной из фрейлин башмак, с которым появился около отца. Государь его выбранил и приказал тотчас же вернуть обувь, что Цесаревич исполнил, но опять-таки под столом.

Вдруг фрейлина вскрикнула... Оказалось, что ребенок положил ей в башмак землянику. Конечно, холодное и мокрое прикосновение к ноге ее испугало.

Наследника отправили в свои апартаменты и долгое время, когда бывали гости, не пускали в столовую, на что он очень жаловался. Больше под стол он не подлезал.

После появления тяжелого недуга Цесаревич продолжал быть веселым вне приступов, но в глазах его уже замечался грустный оттенок, а временами его милое, красивое лицо казалось безжизненным.

Делались опыты нахождения товарищей для игр с Наследником. Брали детей матросов, потом детей или племянников дядьки Цесаревича — Деревенько; потом решили никого не брать. В гувернеры Цесаревичу перед самой войной взяли швейцарца Жильяра, человека умного и образованного, притом выдающегося педагога. Жильяр мне пояснил трудность воспитания Цесаревича: только что наладится дело его учения и воспитания, как мальчик заболевает. Гемофилия вызывает ужасные страдания при внутренних кровоизлияниях. Конечно, ребенок после многих бессонных ночей, с нестерпимыми муками, совершенно изнервничается, а затем вновь исподволь приходилось гувернеру доводить ученика до прежнего уровня знаний и поведения.

СЕРЕБРЯНЫЕ САЛАЗКИ

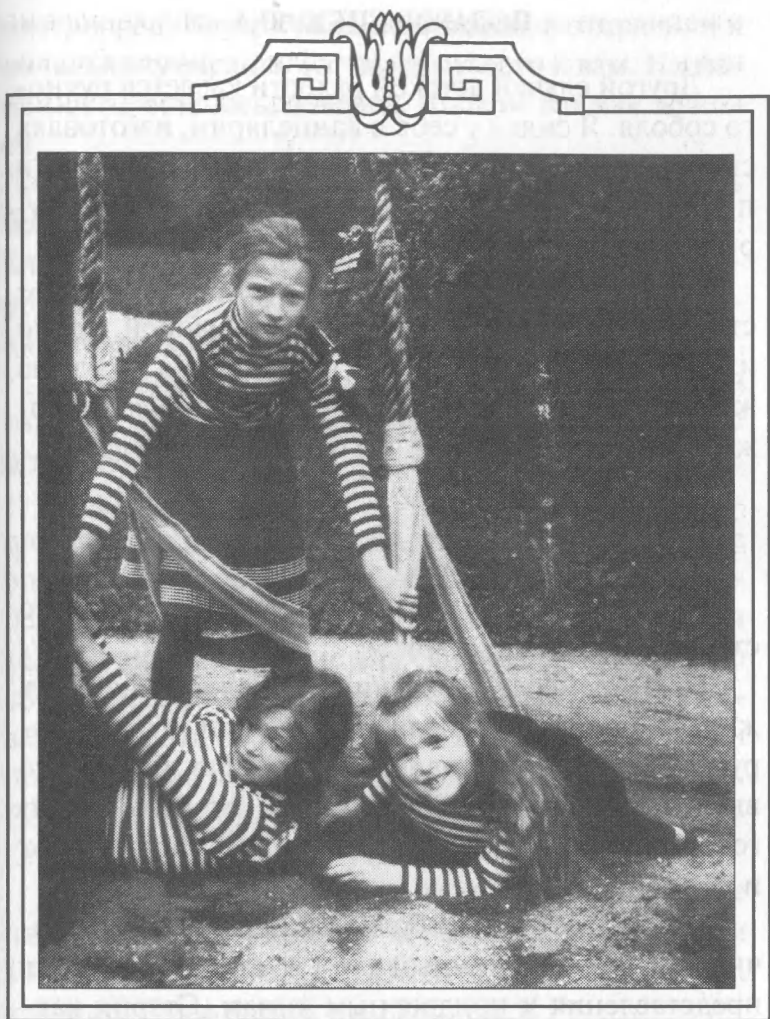
Великие княжны довольствовались в детстве самыми незатейливыми развлечениями. Приведу два примера.

Их Величества присутствовали вместе с семьей на пятидневных маневрах войск московского округа, живя в императорском поезде, передвигавшемся

от одной стоянки до другой и возвращавшемся на ночь на открытую местность близ станции Рошково, чтобы не мешать железнодорожному движению. Это было в августе 1902 года.

В поезде находилась, кроме обычной свиты, Великая Княгиня Ольга Александровна. Дети были в восторге от этой поездки, делая большие прогулки в незнакомых им местах. Особенно их радовала игра, выдуманная Ольгой Александровной. Поезд стоял на высокой насыпи. Дети садились на большие серебряные подносы и, пользуясь ими наподобие салазок, спускались по откосу. Затем с трудом поднимались по крутой насыпи с подносом на спине. Эту игру повторяли и вечером, после обеда, в присутствии Их Величеств. Помню, как члены французской делегации, приглашенные к столу, обратились ко мне с некоторым страхом, нужно ли будет и гостям участвовать в этом развлечении. Я их успокоил.

Девочки держали пари, кто из них первая прибудет вниз. Кто-то из фрейлин должна была первая скатиться, чтобы присутствовать на финише. Генерал-адъютант Струков объявил детям, что он первый очутится внизу. Дети не верили. Когда состоявшимся скомандовали спускаться, Струков в парадной форме, с Александро-Невской лентой, держа свою почетную саблю с бриллиантами (за взятие Адрианополя) в руках, прыгнул с высоты более трех сажен с насыпи, рискуя сломать себе ноги, и конечно, опередил детей. Императрица очень его журила за эту выходку удали, но французы были в восторге.

Великие Княжны Татьяна, Мария и Анастасия во время
поездки по шхерам.
Финляндия, 1908

ПОДАРОК СИБИРЯКА

Другой случай детской радости касается ручного соболя. Я сидел у себя в канцелярии, изготавливая спешный доклад о придворных пожалованиях, и приказал никого не принимать. Входит старый курьер и докладывает:

— Осмелюсь доложить вашему превосходительству, что тут пришли старичок со старушкой, прямо из Сибири. Принесли в виде подношения Государю живого, ручного соболя. Очень уж просят доложить, говорят, что не на что будет переночевать.

— А тебе жаль их стало?

— Точно так.

— Ну, давай их сюда.

Вошел весьма симпатичный на вид старичок со старушкой и говорит мне:

— По ремеслу я охотник, и удалось мне взять живым молодого соболя. Приручили его со старушкой и решили поднести его Царю. Соболю-то вышел редкостный. Собрали все, что было денег: говорили мне, что хватит до Питера и обратно. Вот и поехали.

Показывает мне соболя, который тут же вскочил на мой письменный стол и стал обнюхивать представления к придворным чинам. Старик как-то свистнул, соболю — прыг прямо ему на руки, залез за пазуху и оттуда выглядывает. Я спросил, как они ко мне попали.

— Денег у нас хватило только до Москвы. Оттуда решили идти пешком, да какой-то добрый барин, дай Бог ему здоровья, купил нам билеты до Петербурга. Утром приехали и прямо пошли в Зим-

ний дворец. Внутри меня не пустили, а отправили к начальнику охраны. Тот велел отвести к вам. Ни копейки не осталось, а видеть Царя — вот как хочется.

Я решил, что живой соболь может доставить большое удовольствие малым еще тогда княжнам. Старику дал немного денег и поручил парочку добросердечному курьеру. Перед тем я спросил старика, кто его в Сибири знает.

— Ходил к губернатору перед отъездом, да он говорит: «Иди, вряд ли тебя допустят. А писать мне о тебе не приходится».

Я послал телеграмму губернатору, чтобы проверить слова старика и узнать, надежный ли он. В те времена нужно было быть весьма осторожным. Через день получился удовлетворительный ответ, и я телефонировал княжне Орбелиани, рассказав ей о соболе. Час спустя узнаю, что Императрица приказала прислать обоих стариков в Зимний дворец, и поскорее, так как дети с нетерпением ждут соболя. Все с тем же курьером я приказал их отвести, а после представления вернуться ко мне.

Ждал я их долго. Оказывается, что они более часа оставались у детей, и все время была при этом Государыня. Долго рассказывали старик и старуха, как милостива была к ним Царица.

Старик предложил было взять соболя с собой, пока для него не устроят клеточку, но дети отпускать зверя не хотели, и наконец Императрица приказала его оставить. Старик мечтал видеть Царя, без чего, сказал он, не может вернуться в Сибирь. Ответили, что дадут знать, когда он может видеть Государя.

— Боюсь только, как бы соболек мой не нашкодил во дворце, он ведь к хоромам не привык.

На другой день, с утра, я получил приказание прислать во дворец сибиряков к шести часам вечера. Вернулись они с соболем после восьми. Вот рассказ старика.

— Так и было. Соболек-то мой много нашкодил, поломал и погрыз. Когда я пришел, так он сразу ко мне за пазуху спрятался. Вошел Царь. Мы со старухой ему в ноги бросились. Соболек-то вылез и тоже, видно, понял, что перед Государем. Притаился и смотрит. Пошли мы с царями в детскую, где приказали мне выпустить соболька. Дети стали с ним играть: при нас он не дичится. Царь приказал нам со старухой сесть на стулья и говорит:

— Ну, теперь расскажите все: как задумал сюда ехать, как ехал и как наконец к Царице попал?

Я рассказал, а Царь все спрашивает о Сибири, об охоте там, о нашем житье-бытье. Затем Царица сказала, что детям пора обедать. Тогда Царь спрашивает, как обходиться с соболем. Когда я указал, он порешил, что в комнатах у детей его оставить нельзя. Надо будет отдать его в охотничью слободку, в Гатчине.

— Царь-батюшка, ведь его, кормилец мой, жаль отдавать на руки незнакомому охотнику. Позарится на шкурку, да еще зарежет, а скажет, что околел. Знаю я охотников. Мало у них любви к зверю. Лишь бы шкурку получить.

— Нет, брат, я бы выбрал хорошего. Но, пожалуй, лучше будет тебе его отдать. Вези его домой, ходи за ним, пока жив будет, а считай, что исполняешь мое повеление. Смотри за ним, так как это уже

мой соболь. Теперь иди, скажи Мосолову, чтобы министр дал приказание, как тебя наградить за подарок. Смотри же, хорошо смотри за моим соболем. С Богом, и доброго пути!

На другой день был у Фредерикса всеподданнейший доклад, и Государь, не ожидая вопроса, сказал министру, что провел два часа в беседе со стариками и что это было для него праздником: так интересно было ему узнать быт сибирских охотников и сибирского крестьянства вообще. Приказал дать старику часы с императорским гербом, а старухе брошку, несколько сот рублей за соболя и широко оплатить дорогу назад в Сибирь.

Старики уехали счастливыми, увозя с собой соболя. Одни княжны очень жалели, но «папа сказал, что это так нужно».

Дети учились английской грамоте от самой Императрицы; по-французски и некоторыми предметами общеобразовательного характера с ними занимался г. Жильяр; по-немецки — гоф-лектрисса Шнейдер, а русскую словесность и общие предметы преподавал Петров, учитель гимназии. Жильяр и Петров были весьма опытными преподавателями, в особенности — первый. Целью родителей было не давать детям слишком многочисленного штата незнакомых учителей.

Когда я начал службу при дворе, дети росли без надзора воспитательницы. В детских комнатах были няньки, но как только княжны выходили из этих апартаментов, надзора за ними, в сущности, кроме материнского, не было. Александра же Федоровна была вообще на людях не очень подвижна и кроме того, не делала детям замечаний при посторонних.

Императрица много страдала в жизни от своей застенчивости и решила приучить дочерей с детства к общению с посторонними людьми. Поэтому когда Ольге Николаевне минуло 10 лет, то она, равно как и Татьяна и Мария Николаевны, 8 и 6 лет, завтракали за общим столом. К завтракам Государыня часто не выходила. Конечно, дети были тут под надзором Царя и фрейлин. Хотя и очень живые, за столом они держали себя натурально и мило, вели себя безукоризненно. Серьезнее и сдержаннее всех была Татьяна.

Постепенно главный надзор за детьми перешел к Е. А. Шнейдер. Последняя приходилась племянницей лейб-хирургу Гиршу. Она состояла учительницей великой княгини Елизаветы Федоровны с прибытия Ее Высочества в Россию.

Долгое время Шнейдер жила при дворе без всякого официального положения. Затем граф Фредерикс создал для нее должность гоф-лектриссы, считая неудобным сопровождение ею всюду великих княжон без какого-либо придворного звания.

Екатерина Адольфовна была удивительно предана как Государыне, так и детям, что и доказала мученическим своим концом, вызвавшимся сопровождать Царскую Семью в Сибирь. Она была очень культурна, исключительно скромна и очень работоспособна. Императрице она служила и секретарем, и гардеробмейстершей. Все покупалось и заказывалось через ее посредство. Была она и учительницей самой Государыни по русскому языку, а детей, пока они были маленькими, — по всем предметам. Если кого из княжон надо было куда-нибудь сопровождать, делала это всегда Екатерина

Наследник Цесаревич Алексей.
Крым, 1911

Адольфовна. При этом фрейлина Шнейдер отличалась очень ровным характером и удивительной добротой.

Как эта худенькая, кажущаяся слабенькой барышня могла поспевать делать все то, что ей поручали, да еще со всегдашней готовностью, было прямо поразительно.

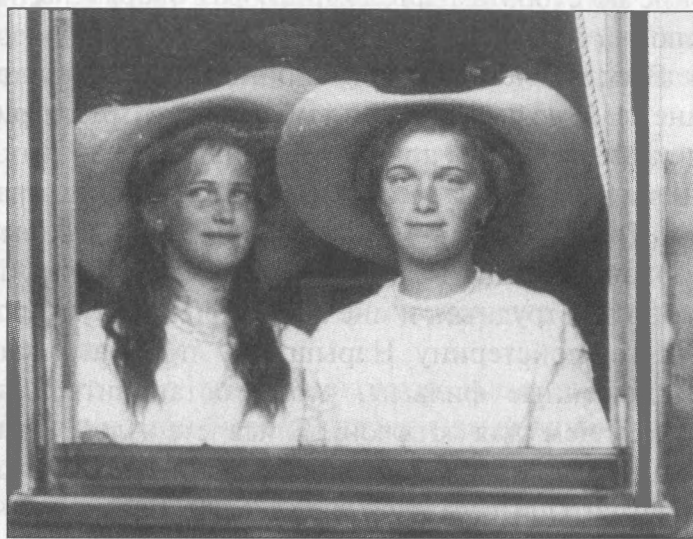
ИХ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Я уже говорил, как окончилась единственная попытка дать княжнам воспитательницу в полном смысле этого слова.

Ни у одной из великих княжон никогда не было и настоящей подруги-сверстницы. Кроме свиты, в соприкосновение с детьми приходили только ближайшие родственники — дети Великой Княгини Ксении Александровны. Они жили в Ай-Тодоре, всего в двух верстах от Ливадии. Обычно их звали к дневному чаю и к теннису во время пребывания большого двора в Крыму. По соседству были и другие родные — дети Георгия Михайловича, Константина Константиновича, Анастасии и Милицы Николаевен, но запросто приглашались только дети Александра Михайловича, и то не все семеро зараз. К теннису приглашались еще один или два офицера со «Штандарта», фрейлины великокняжеских дворов и дочь графа Фредерикса, графиня Эмма, но все это не были однолетки княжон.

И все же в Ливадии детям, по их словам, было весело, после «Штандарта» — веселее всего.

В период между 1911 и 1913 гг., если не ошибаюсь, Императрица устроила бал для двух старших княжон. Кавалерами были все те же штандартские

Великие Княжны Мария и Ольга
на борту яхты «Штандарт».
Балтийское море, 1912

моряки да несколько офицеров крымского конного дивизиона. Гофмаршал Бенкендорф был в ту пору в Ливадии и лично взялся за устройство бала. Дети были в неописуемом возбуждении, как в ожидании бала, так и на самом балу.

Из других развлечений помяну, что ежегодно разыгрывалась большая лотерея-аллегри, организованная самой Императрицей, продававшей на ней билеты совместно с детьми. Александра Федоровна, конечно, безумно утомлялась, а дети очень веселились.

Думаю с полной откровенностью, что княжнам и в голову не приходило, что можно жить иначе. Они были не требовательны. Одно кинопредставление по субботам давало пищу разговорам на неделю.

Представления происходили в ливадийском манеже. Мне был поручен выбор лент. Императрица указала такую программу: сначала актюлитэ, фильмы снятые за неделю придворным фотографом Ягельским, затем — научный либо красивый видовой, в конце же — веселую ленту для детей. Выбор был трудный, и мне не раз приходилось просить гофмейстерину Нарышкину просматривать предложенные фильмы, чтобы остановиться на подходящем для княжон. Елисавета Алексеевна была весьма строгий цензор и часто требовала, чтобы из ленты вырезали самые веселые места.

Однажды, выбирая подходящий фильм, после долгих обсуждений с Е. А. Нарышкиной мы остановились на картине «Бой быков». В начале сеанса должен был идти фильм парада в Ливадии. Этой ленты, сознаюсь, я не успел предварительно просмотреть, думая, что в параде не может найтись чего-либо неподходящего, и на этом успокоился, полагаясь на Ягельского, опытного фотографа. Началось представление.

Вижу Государя со всей свитой, вижу графа Мусина-Пушкина (командующего одесским военным округом); все хорошо. Идут войска, и граф стоит, как вкопанный.

Части начинают отходить от линии жалнеров. Пушкин левой рукой указывает проходящим держаться ближе к жалнерам, но они этого

не исполняют. Лицо графа делается свирепым, и он грозит кулаком...

Тишина в манеже нарушается детским хохотом. Я вижу в полумраке, как Император кусает себе губы, чтобы не рассмеяться. Я в отчаянии от своей оплошности, но и сам не могу удержаться от улыбки.

Представление кончилось. Ни Царь, ни Царица ни словом о происшедшем не обмолвились, мне же хотелось провалиться сквозь землю. Проводив Их Величества до коляски, я решил возможно скорее бежать домой, когда почувствовал, что кто-то берет меня под руку.

Это был граф Александр Иванович Мусин-Пушкин, мой бывший начальник дивизии, когда я служил молодым офицером в конном полку, ныне же — командующий войсками округа.

— Милый друг, да что это такое?! Посади твоего Гана под арест! Что это за манера! Во-первых, он врёт. Никогда я кулаком не грозил... Непременно посади его на неделю под арест. Нельзя же показывать командующего войсками, да еще Государю, в таком виде, в каком он никогда не бывал!..

Я успокоил графа, обещав лично разобрать дело и вырезать из ленты этот пассаж. Что и сделал, выбрав при этом сконфуженного Ягельского.

ФИЗИЧЕСКИЙ И ДУХОВНЫЙ ОБЛИК КНЯЖОН

Опишу княжон, когда им было от 18 до 12 лет.

Ольга Николаевна была в это время по возрасту совсем барышня, хотя и держала себя еще подростком. У нее были красивые светлые волосы, лицо — широким овалом, чисто русское, не особенно

правильное, но ее замечательно нежный цвет лица и удивительно выразительные и добрые глаза, при миловидной улыбке, придавали ей много свежести и прелести.

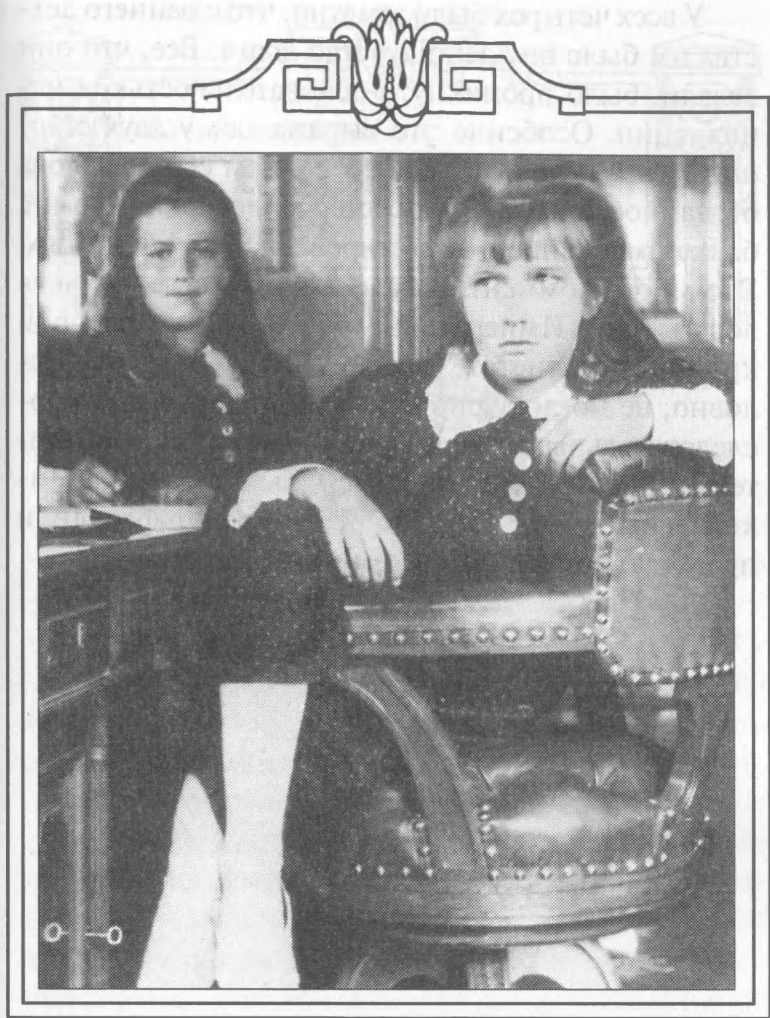
Татьяна была выше, тоньше и стройнее сестры, лицо — более продолговатое, и вся фигура — породистее и аристократичнее; волосы — немного темнее, чем у старшей. На мой взгляд, Татьяна Николаевна была самой красивой из четырех сестер.

Мария Николаевна была в то время весьма крепко сложенным подростком с веселым русским лицом и необычайной силой.

Анастасия совсем маленькой обещала стать красавицей, но не оправдала ожиданий. У нее было менее правильное, чем у сестер, лицо, зато весьма оживленное. Она была смелее других сестер и очень остроумна.

По словам фрейлины Шнейдер, характер Ольги Николаевны был ровный, хороший; напротив, Татьяна имела характер трудный, скорее скрытный, но, быть может, с более глубокими, чем у сестер, душевными качествами. Мария Николаевна была добра, не без некоторого упрямства, и по способностям ниже двух старших. Анастасия, с пока еще не установившимся характером, обещала быть весьма способной.

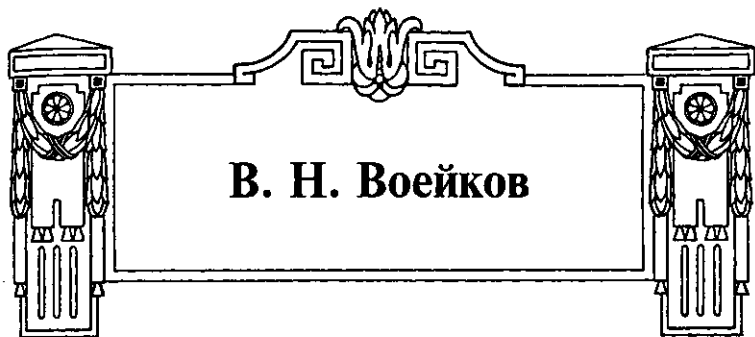
Во время войны, сдав сестринские экзамены, старшие княжны работали в царскосельском госпитале, выказывая полную самоотверженность в деле. Младшие сестры тоже посещали госпиталь и своей живой болтовней помогали раненым минутами забывать свои страдания.

Великие Княжны Мария и Анастасия в кабинете на яхте
«Штандарт». Финский залив, лето, 1912

У всех четырех было заметно, что с раннего детства им было внушено чувство долга. Все, что они делали, было проникнуто основательностью в исполнении. Особенно это выражалось у двух старших. Они не только несли в полном смысле слова обязанности заурядных сестер милосердия, но и с большим умением ассистировали при операциях. Это много комментировалось в обществе и ставилось в вину Императрице. Я же нахожу, что при кристальной чистоте Царских Дочерей это, безусловно, не могло дурно повлиять на них и было последовательным шагом Императрицы как воспитательницы. Кроме госпиталя, Ольга и Татьяна Николаевны очень разумно и толково работали и председательствовали в комитетах их имени.

В. Н. Воейков

С ЦАРЕМ И БЕЗ ЦАРЯ

Лето Государь провел в ставке почти безвыездно. Наследник Цесаревич все время был с ним.

Однажды в разговоре о животных я рассказал Алексею Николаевичу об имевшейся у меня в имении породе кошек, представлявших из себя помесь куницы с домашней кошкой и напоминавших сиамских. Они были очень красивы: шоколадного цвета, с голубыми глазами и лапами, не обладавшими неприятным свойством выпускать когти. Наследник попросил привезти ему такую кошку.

Поехал я как-то на несколько дней в имение. По возвращении застал Алексея Николаевича, ожидающего меня в моей комнате с вопросом: «А где же кошка?» В этот раз я ее не привез. Наследник был страшно разочарован и даже заподозрил меня в обмане. В следующую поездку, встреченный Наследником при возвращении опять в моей комнате, я ему вручил корзинку-домик, внутри которого находился кот. Восторгам не было конца. Сейчас же было написано сестрам письмо с извещением о прибытии кота, что и у них вызвало желание завести себе такого же. Дело это было поручено мне. Условия были поставлены следующие: кошка должна быть рыжая, иметь такую же шерсть, как и у их любимого кота на яхте «Штандарт», от которого они надеялись получить потомство, не подозревая его равнодушия к кошкам. Была куплена в деревне и отправлена в Царское Село кошечка, подходившая

подо все условия. Великие княжны были страшно довольны и назвали ее «Зубровка». Наследник расставался со своим котом только на время прогулок из боязни его потерять; в остальное же время он его постоянно брал с собой вместе с любимой собакой Джоем, породы спаниель, и приходил иногда во время высочайших обедов, держа его на руках, чем приводил в ужас людей, боявшихся кошек.

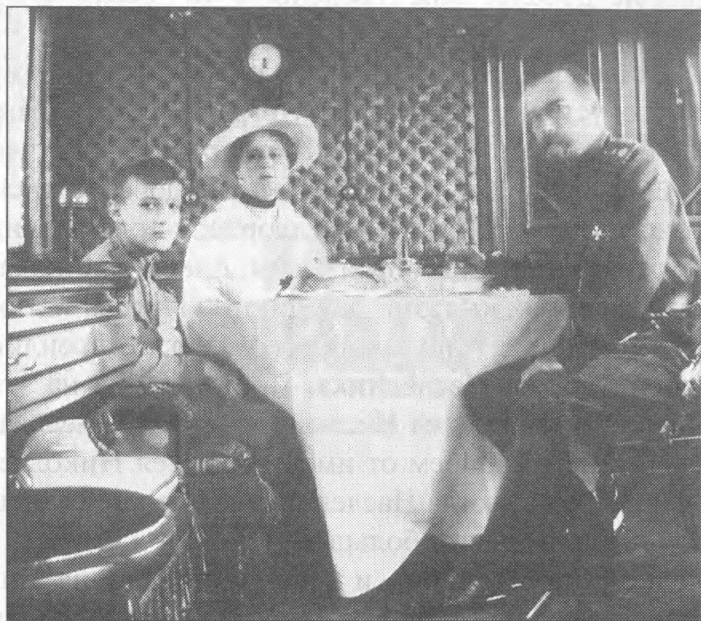
Государыня с Великими Княжнами время от времени навещала Его Величество в ставке, оставаясь на жительство в своем поезде. Их приезд вносил разнообразие в монотонную жизнь ставки, где ежедневно за завтраками и обедами появлялись, кроме постоянных приглашенных особ свиты и военных агентов, еще и офицерские чины ставки, получавшие приглашение по установленной очереди.

Благодаря расположением Царской Четы я пользовался до того времени, когда Императрица Александра Федоровна, иногда подпадавшая под влияние окружавших ее лиц, стала ко мне менее благосклонна; но даже и в этот период она давала мне возможность откровенно высказывать ей мои мнения по самым щекотливым вопросам. Ярким показателем высоких нравственных качеств Императрицы служит то, что она, в период начавшегося с декабря 1916 года охлаждения ко мне, не повлияла на своих детей, имея, как мать, полную к тому возможность; отношения ко мне со стороны Наследника Цесаревича и великих княжон нисколько не изменились. С Великими Княжнами я чаще всего виделся и разговаривал, ожидая Государя для сопровождения его, а также на половине Наследника.

Одной из тем оживленных наших споров служили иностранные фамилии: Великие Княжны не допускали, чтобы они произносились не чисто по-русски, я же настаивал на произношении их так, как они пишутся на иностранных языках. В отместку Великие Княжны делали мне экзамены по именам и отчествам офицеров сводного и железнодорожного полков и конвоя, которые они знали наизусть. Мои систематические «провалы» на этих экзаменах доставляли им большое удовольствие, и о них каждый раз ставился в известность Государь.

С первых дней моего знакомства с Наследником у нас установились простые и сердечные отношения. Характеризовать Цесаревича, своей трагической судьбой возбуждающего во мне содрогание, я мог бы следующими словами: будучи горячим патриотом (считал хорошим только все русское), он был умен, благороден, добр, отзывчив, постоянен в своих симпатиях и чувствах. При полном отсутствии гордости, его существо наполняла мысль о том, что он — будущий Царь: вследствие этого он держал себя с громадным достоинством. Благодаря болезни знакомый со страданиями, он проявлял большую чуткость к несчастным и обездоленным и не упускал случая, когда мог сделать что-нибудь приятное окружавшим его. Одним словом, по мнению всех, близко знавших Цесаревича Алексея Николаевича, он представлял по уму и характеру идеал русского Царя. В Царском Селе я проводил с Наследником меньше времени, чем во время поездок и в ставке.

Алексею Николаевичу доставляло большое удовольствие наносить мне в Царском Селе визиты,

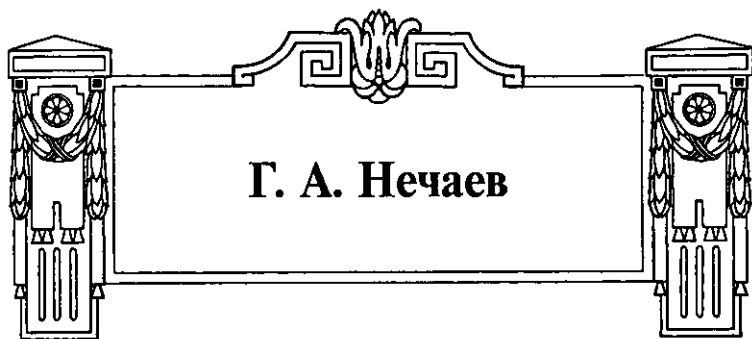

В императорском вагоне.
Николай II, Императрица Александра Федоровна
и Цесаревич Алексей.
Весна, 1916

большей частью оканчивавшиеся для него неудачно, так как он редко меня заставлял. При возвращении домой мне докладывали о выраженном при слуге неудовольствии Наследника по поводу моего отсутствия.

В Александровском дворце обыкновенно раз в неделю устраивались кинематографические сеансы. Выбор фильмов был Государыней поручен П. А. Жильяру. Когда Наследник был здоров, сеансы происходили в Круглом зале дворца, в присутствии Государя, иногда и Императрицы, Алексея Николаевича, великих княжон, дежурного флигель-адъютанта, живших в Александровском дворце фрейлин и воспитателей Наследника. Приглашения на эти собрания исходили от Наследника и всегда передавались мне Государем от имени Алексея Николаевича; в дни же, когда Наследник был болен, сеансы происходили в его большой угловой комнате в верхнем этаже дворца и присутствовали на них только служащие детской половины, воспитатели Алексея Николаевича и я. Никогда в жизни не забуду последнего сеанса в начале февраля... Это был фильм «Мадам Дюбарри» — со всеми ужасами французской революции, гильотиной, народным судом, казнями и т. д. После этого фильма я почувствовал невероятную тяжесть на душе, а теперь не могу даже вспоминать про него.

Г. А. Нечаев

**НА ЯХТЕ
«ШТАНДАРТ»**

Известно, что Николай II был очень общителен и в то же время очень деликатен и застенчив. Еще большей застенчивостью отличалась Александра Федоровна, отчего она казалась внешне неприветливой. Оба они не терпели лести, лицемерия и лжи придворной знати. К тому же Государыня была немкой, протестанткой, принявшей Православие, по образованию — доктором философии, и некоторые светские дамы из-за зависти к ней занимались интригами, зубоскальством и сплетнями. Эти причины, а также нездоровье малолетнего Цесаревича Алексея (у него с рождения была гемофилия) и некрепкое здоровье самой Царицы заставляли ее вести замкнутую семейную жизнь. Сам же Государь, очень любивший супругу и семью, не мог не считаться с их положением. Поэтому как только монаршая чета вступала на борт «Штандарта», так сразу же чувствовала себя лучше, свободнее, нежели во дворцах в Санкт-Петербурге и в Царском Селе.

У Александры Федоровны единственным своим человеком, другом, была Анна Александровна Вырубова (урожденная Танеева). В молодые годы Царица познакомилась с ней в Царскосельском дворце. Они вместе учились пению у Н.А. Ирецкой, профессора Санкт-Петербургской консерватории. Вырубова обладала высоким сопрано, Александра Федоровна — грудным контральто, что позволяло им петь дуэты. Не будь последняя

Императрицей, то своим голосом могла бы зарабатывать себе на хлеб. Обоюдная любовь к музыке, частые беседы на эту тему, а также глубокая набожность, граничившая с мистицизмом (что впоследствии и использовал Григорий Распутин), и сблизили этих двух женщин. Вырубова стала для Государыни другом. Однажды сама Александра Федоровна это подтвердила ей: «Благодарю Бога, что он послал мне друга». Поэтому неудивительно, что Вырубова постоянно общалась с императорской семьей (с Вырубовой были дружны и Великие Княжны) в Санкт-Петербурге и в Царском Селе, и всегда с ней на «Штандарте» плавала в Ялту, на отдых в Ливадии.

Так вот, — при вступлении Александры Федоровны на палубу «Штандарта» она становилась приветливой, общительной и веселой. Часто сидя в кресле на корме с каким-нибудь рукоделием, она подолгу беседовала с кем-либо из старших офицеров на самые разные темы. Вообще, вся Царская Семья свободно общалась со всей командой яхты. Особенно веселой царица была во время игры с дочерьми Ольгой, Татьяной, Марией, Анастасией и сыном Алексеем на верхней палубе. Из всех них наибольшей резвостью отличалась самая младшая дочь — Анастасия, безудержно бегавшая по всей палубе.

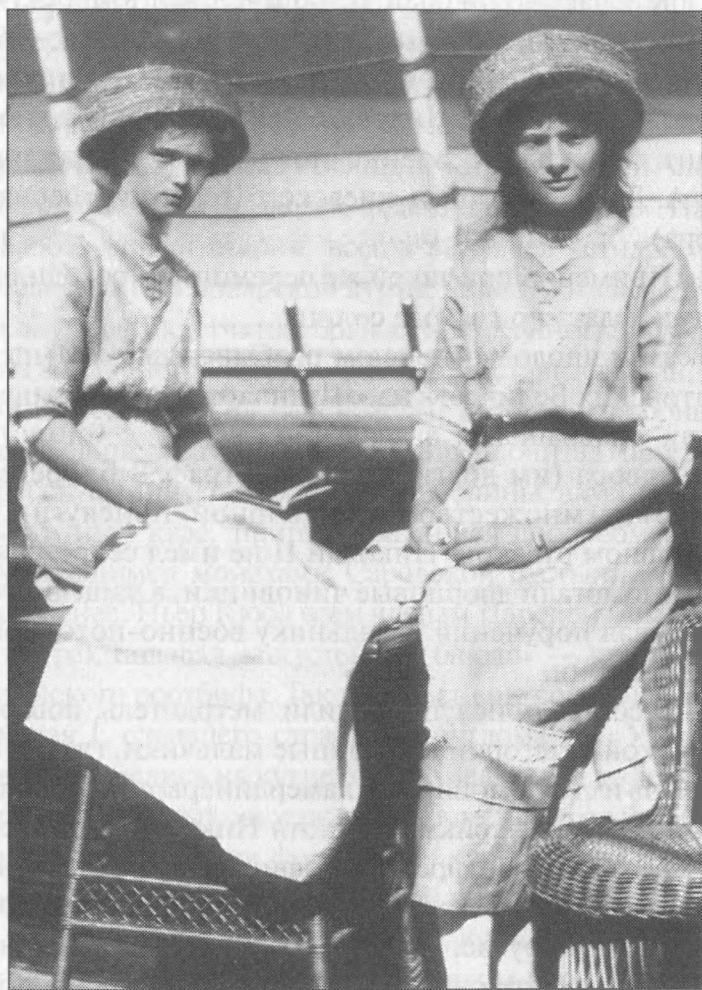
На яхте все Царские Дочери носили белые платья или белые блузки и юбки-польки, а иногда лишь тельняшки и юбки, а сын Алексей — белую матроску гвардейского экипажа и белую фуражку.

При плавании в Ялту или в финские шхеры Царских Детей вверяли дядькам — матросам, кото-

рые отвечали за благополучие малолетних пассажиров. А они порой устраивали дядькам разные каверзы. (Напомню: за безопасность императорской семьи на воде отвечал флаг-капитан К.Д.Нилов). У Алексея, например, дядькой был боцман А.Е.Деревенько, которого он почему-то называл «Диной». Обычно Цесаревич, впрочем, и Великие Княжны — признавали волю только отца и дядек и мало слушались матери. За состоянием здоровья Алексея наблюдали и лечили его лейб-медики Е.С.Боткин, С.А.Острогорский и врач В.Н.Деревенько (однофамилец боцмана), а на «Штандарте» — старший доктор лейб-медик И.И.Смирнов.

Когда Алексей подрос, он стал играть с юнгами, интересоваться устройством яхты, ее оборудованием, и сдружился со многими матросами-специалистами.

День на «Штандарте» начинался в 8 часов утра подъемом императорского флага. Эта церемония проходила не на шканцах, как на военных кораблях, а на баке, при исполнении оркестром гвардейского экипажа старинного полкового марша эпохи Николая I, после чего оркестр продолжал играть другие марши. Позднее появился марш «Штандарт». Особенно нравилась эта церемония девочкам, Великим Княжнам, которые издали смотрели на выстроившийся фронт офицеров, слушали рапорты и музыку и приветливо махали ручками молодым мичманам, стоявшим в строю, вместе с которыми, и при их поддержке, они периодически катались на верхней палубе, благодаря ее ровности и покатости, на роликовых коньках, а впоследствии, когда повзрослели — и танцевали. Разумеется,

На борту яхты «Штандарт».
Великие Княжны Ольга и Татьяна. 1911

во время плавания это было возможно лишь тогда, когда на море был штиль или когда «Штандарт» стоял на якорях.

К 9 часам Николай II, облаченный в морскую форму, поднимался на верхнюю палубу, где его встречали командир «Штандарта» И. И. Чагин или флаг-капитан К.Д.Нилов, и всегда флигель-адъютант, начальник военно-походной канцелярии А. А. Дрентельн (сын киевского генерал-губернатора).

Примерно при такой же церемонии проходил и спуск флага при заходе солнца.

При продолжительном пребывании Их Императорских Величеств на «Штандарте» он, по существу, превращался в плавучий дворец, с министром двора (им долгие годы был граф В.Б.Фредерикс) и множеством придворной прислуги, в основном русской. Николай II не имел секретаря. Ему помогали дворцовые чиновники, а чаще всего он давал поручения начальнику военно-походной канцелярии.

В состав прислуги входили: метрдотель, повара высокой категории и кухонные мальчики, главный пекарь и его помощники, камердинеры свиты, личный царский парикмахер (хотя Николай II брился сам), горничные фрейлин, офицеры фельдъегерского корпуса, фотограф А.К.Ган-Ягельский, фотолаборант и другие. Государь и Государыня относились к прислуге снисходительно и даже как-то потешески.

Питание на «Штандарте» было великолепное: завтрак — из пяти блюд, непременно с супом; обед — из шести блюд. В обед, после супа, специальный

лакей подавал вино «Мадеру», после второго блюда — белое или красное вино, а к кофе — коньяк. Такое питание обеспечивал метрдотель Пьер Кюба. Сам повар высшего разряда, он когда-то держал на Морской улице в Санкт-Петербурге широко известный ресторан. А еще раньше, в Париже, у него был прекрасный ресторан на Елисеевских полях, который нередко посещал Великий Князь Алексей Александрович. Он и завлек француза в Россию. Пьер Кюба, милый старик, всегда выглядел «стильно» в белоснежной поварской куртке, с таким же передником, серых клетчатых брюках и парусиновых туфлях на войлочной подошве. Очень представительный, он брил усы и носил бакенбарды, которые пробирал посередине. Сам Николай II предпочитал простую русскую пищу: щи, борщ, каши, блины, вкусный, аппетитный квас, приготовлявшийся способом, применявшимся монахами Саровской пустыни. И тем не менее, Пьер Кюба всем членам Царской Семьи на завтрак подавал «августейшее блюдо» — кусок английского ростбифа. Так повелось еще со времен Николая I, слывшего страстным англоманом. У Кюба всегда имелись на кухне для Их Величеств до десятка разных вкусных закусок — например, пирожки слоенные с грибами или форшмак — кушанье из запеченного рубленого мяса с селедкой и картофелем.

Пьер Кюба, нажив капитал, купил в Ялте у Брацианова участок земли на морском берегу и построил дачу. В начале 1914 г. он продал участок за 250 тысяч рублей и уехал во Францию. Вместо него метрдотелем на «Штандарте» стал тоже француз — некто Оливье.

Перед тем, как сесть за стол, — а он был убран живыми цветами, — все члены монаршей семьи крестились, тоже — после еды. Дети благодарили родителей за пищу.

Вопреки тогдашней клевете недоброжелателей монархии в России, скажем и подчеркнем, что Николай II не имел пристрастия к спиртному, но во время обильного обеда в восемь часов вечера он выпивал одну-две рюмки портвейна и два-три небольших бокала французского шампанского «Гейдзик Монополь», специального купажа, исключительного вкуса и качества (оно в продажу не поступало), или редкого крымского «Абрау-Дюрсо», тоже высшего качества. Из крепких напитков Государь иногда выпивал одну-две рюмки сливовой водки, которую поставляли из винных погребов имения Великого Князя Николая Николаевича. И никогда не пьянел, был весел, много от души хохотал, шутил, любил слушать разные анекдоты, особенно о глупом начальстве, и сам знал многие, благодаря феноменальной памяти.

После обеда начиналась игра в домино, без денег, или в бильярд, в который Государь играл искусно. Его партнерами были Чагин, Дрентельн и Чистяков. Ужин Николай II не признавал.

В 22 часа, по окончании игры, подавали чай: большой чайник с кипятком и маленький — с заваркой. Чай разливал по стаканам сам хозяин, спрашивая, кто какой чай любит, покрепче или послабее. К чаю, кроме печенья и фруктов, не было ничего, хотя на соседнем закусочном столике лежали преаппетитные сэндвичи и стояли разные напитки. Обычно поздно вечером в залу-столовую

поднимался гофмаршал-толстяк граф П.К.Бенкендорф, который и поедал все сандвичи, запивая их напитками. После чая Николай II в сопровождении Александры Федоровны направлялся на командный мостик, чтобы поинтересоваться у вахтенного начальника курсом и задать ему несколько вопросов по навигации, а также посмотреть, как охранные миноноски прожекторами просвечивают пространство вокруг «Штандарта», создавая световую преграду возможной опасности с моря. В таких случаях Государыня выбирала момент, чтобы, вопреки запрету устава морской службы, как бы тайком от хозяина яхты сунуть в руку вахтенному офицеру горсть печенья и конфет.

Что касается питания прислуги, то она питалась после чиновников в свитской столовой.

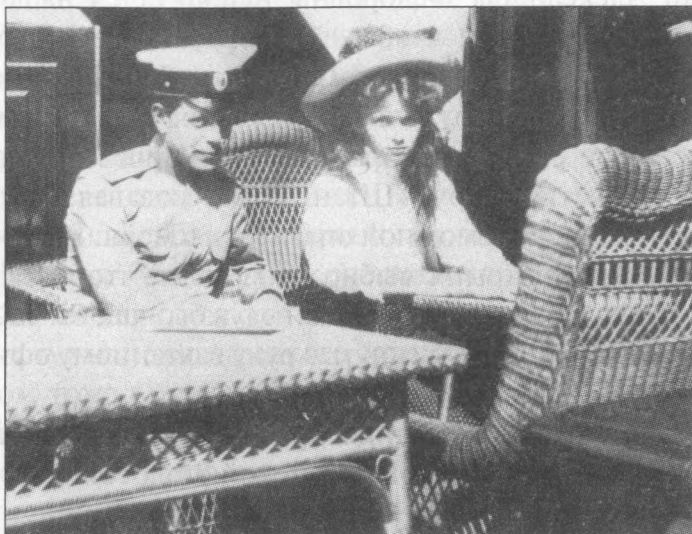
* * *

14 августа того же (1913) года Их Величества опять прибыли на «Штандарте» в Ялту, на отдых и лечение в Ливадии Цесаревича Алексея, который все еще был нездоров.

С моря Ливадию охраняли миноноски и катера под командованием капитана 1 ранга князя В.В.Трубецкого.

Как и раньше, Набережная улица и порт были украшены флагами и цветами, публика под звон колоколов восторженно приветствовала Августейшую Семью...

Государыня Александра Федоровна и на этот раз устроила на молу благотворительный базар. Помимо своих рукотворных поделок Великие Княжны продавали открытки со своими портретами, выполненными придворным фотографом А.К.Ган-Ягельским.

На борту яхты «Штандарт» на рейде в Риге.
Великая Княжна Ольга с офицером экипажа, 1910

Однако автографы под ними Николай II запретил делать. На молу также были организованы танцы.

В том году Ольге и Татьяне было соответственно, восемнадцать и шестнадцать лет, но у них, как и в детстве, и теперь не было никаких подруг и женихов. Танцуя со знакомыми офицерами со «Штандарта» и из крымского конного полка, они держались с ними очень непосредственно, так и обращались к ним: «мичман Митя» или «корнет Миша»...

Как-то в другой раз и в другом месте Николай II попросил одного молодого офицера что-то передать Великой Княжне Татьяне Николаевне. Офицер

взял под козырек и отказался исполнить просьбу Царя: «Виноват, Ваше Величество, но я не могу этого сделать!» «Почему?» «Мы поссорились с Великой Княжной и уже три дня не разговариваем». Интересно было бы знать, как поступил бы в таком случае Император Николай I? А Император Николай II просто взял молодого офицера под руку и сказал: «Пойдемте, я вас помирю...»

Нечто подобное случилось и на «Штандарте», на котором Государь с Государыней и детьми периодически обедал в офицерской кают-компании. Во время обеда играл приглашенный салонный струнный оркестр ялтинских итальянцев, братьев Федерико и Винченцо Палладино. Обычно итальянцы начинали игру с исполнения чудесного марша «Раккониджи». А гвардейский оркестр тогда играл на террасе перед гостиницей «Россия».

Синематограф — электробиограф «Одеон» периодически давал на «Штандарте» выездные киносеансы для свободных от вахты офицеров и матросов.

В тот приезд в Ливадию за Цесаревичем Алексеем попеременно наблюдали боцман А.Е.Деревенько и матрос К. Г. Нагорный. Его наставником и учителем французского языка был швейцарец П.А.Жильяр. Цесаревич в свои девять лет выглядел довольно рослым, у него был тонкий, продолговатый овал лица с нежными чертами, чудные светлорусые волосы с бронзовыми переливами, большие сине-серые глаза, напоминавшие глаза его матери, Государыни Александры Федоровны. Мальчик обладал живостью ума и суждения, вдумчивостью. И был нездоров. В Ливадии его стали

лечить грязями, которые из озера Мойнаки, что возле Саки, два раза в неделю привозили в бочках на миноноске.

Но как бы ни нездоровилось Алексею, он все же оставался жизнерадостным и добрым ребенком. Однажды, катаясь с Деревенько на шарабане в Ливадийском парке, он встретил мальчика, сына вахмистра Ерофеева из крымского конного полка, и пригласил его во дворец, где показал свои игрушки, обошел с ним парк и при прощании, пошарив в своем кармане, достал серебряный рубль и полтинник и подарил мальчику, сказав: «Полтинник возьми, а рубль передай отцу». Алексей любил кататься на шлюпке у царской купальни в Ливадии под наблюдением дядьки Деревенько, при этом за веслами сидели сестры — Великие Княжны Ольга и Татьяна.

Пребывание Алексея на горно-морском воздухе и лечение грязями значительно улучшило его физическое состояние: тяжелые приступы прекратились, он приобрел здоровый вид и стал бывать в Ялте и ее окрестностях. Так, вместе с тем же дядькой Деревенько, под охраной нескольких казаков, Цесаревич три раза в неделю ездил на автомобиле в удельное имение Массандру. Там он под наблюдением своих опекунов, вместе с потешными — подростками, сыновьями нижних чинов, одетый как и они, в морскую холщовую форменку, занимался гимнастикой, маршировал, изучал воинскую дисциплину, отрабатывал ружейные приемы, пел их песни, а также в солдатском котелке варил на костре картофельный суп или гречневую кашу... Хорошо играл на балалайке...

Наследник Цесаревич Алексей и Великие
Княжны Татьяна, Мария, Ольга и Анастасия
на празднике «Белого цветка». Ливадия, Крым, 1912

В октябре (14 числа) Их Императорские Величества были приглашены на великосветский благотворительный бал по случаю открытия в Ялте Народного дома, на котором играли гвардейский оркестр и балалаечники со «Штандарта». Помимо большого сбора, по указанию Николая II на оборудование сцены этого культурного заведения было выделено из казны 11200 рублей.

Отметив в кают-компании «Штандарта» день своих именин, Николай II и вся Августейшая Семья 16 декабря обычным путём покинули Ливадию и возвратились в Царское Село.

Пришла весна 1914 года.

30 марта «Штандарт» в сопровождении яхты-крейсера «Алмаз» и двух миноносцев доставил императорскую семью из Севастополя в Ялту. Его командиром оставался тот же капитан 1 ранга Р.Д.Зеленецкий, флаг-капитаном — адмирал К.Д.Нилов. Старшим боцманом стал И.Н.Буслаев — морской волк, любитель выпить, виртуоз в морских соленых выражениях, штатным буфетчиком и поваром — вольнонаемный М.З.Козлов.

Погода на южном побережье Крыма стояла солнечная, изумительно теплая. Море штилевало. В Ялту уже понаехало много разной публики. Как и в прежние приезды, Царская Семья была восторженно встречена ялтинцами и гостями города.

Государыня Александра Федоровна и ее дети приняли участие в проведении 20 апреля дня «Белой ромашки», передали в пользу больных туберкулезом около 1360 рублей. А 11 мая Императрица в третий (и последний) раз организовала на молу в порту благотворительный базар. Публика проходила на мол через красиво оформленную арку. На молу, утопавшему в цветах, были разбиты газоны, сделаны фонтаны, установлены киоски. Царский павильон изнутри был декорирован лиловой материей. Государь Николай II, министр двора Фредерикс и члены свиты приветствовали всех участников базара; Александра Федоровна с Алексеем в царском павильоне, а Великие Княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия — в других павильонах продавали публике, с помощью девушек-фрейлин и офицеров со «Штандарта», изделия собственной

работы, альбомы, открытки, фотографии, парфюмерию.

В трех киосках княгиня Барятинская, одна из княжон Багратион, генеральша Думбадзе и жены офицеров Черноморского флота предлагали людям купить парижские изящные вещицы и выигрышные лотерейные билеты. В одном из особенно эффектно оформленных киосков княгиня Орлова, генеральша Воейкова, мадемуазель фон Крузенштерн и другие продавали шампанское.

Между царским павильоном и павильоном великих княжон были представлены цветы из Никитского ботанического сада, цветоводческого хозяйства «Наташино» и др. На базаре-празднике играли два оркестра и балалаечники. Весь сбор — 24 532 рубля был передан в фонд морской санатории имени Александры Федоровны, первое здание которой было заложено в Нижней Массандре еще 29 мая 1913 года и освящено в ее присутствии священником о. Добровольским, при пении хора певчих со «Штандарта».

•

М. К. Дитерихс

В СВОЕМ КРУГУ

«Обнявшись, с просветленными лицами, не обмолвившись еще ни одним словом друг с другом, они пошли в комнату детей».

Так отмечает свидетель встречу Государя с Государыней в первые минуты их соединения в Александровском дворце, 9 марта 1917 года, после хотя и не продолжительной, но тяжелой безызвестностью и пережитыми обоими событиями разлуки. Рассказы приближенных и прислуги, окружавших Царскую Семью в период ее ареста, показания свидетелей охраны и комендатуры в различные периоды заключения семьи в Царском Селе, Тобольске и Екатеринбурге позволяют обрисовать общие, основные, характерные черты, присущие как всей семье в целом, так и отдельным ее членам, в достаточной степени точности, своеобразности и определенности. Возвращение отца живым и объединение всей семьи вместе под одной кровлей было громадным нравственным и духовным утешением для всех ее членов в эти исключительно трагические дни их жизни и не могло не вызвать прежде всего радостного чувства, что их не разлучат и предоставят им, во взаимной поддержке друг друга, проявить любовь и силы, чтобы смягчить горячо любимому отцу и мужу его тяжелые душевные переживания за текущие события и за будущность дорогой для них всех великой Родины. В этом отношении примером самоотвержения, преданности и

заботы о Государе являлась жена и мать. Она сумела передать и воспитать в детях те же высокие чувства, сосредоточивавшие внимание и почитание семьи на отце, несмотря на то, что по силе воли и характера внутренней руководительницей жизни и быта семейного очага оставалась мать.

Весь внешний и духовный уклад домашней жизни Царской Семьи представлял собою типичный образец чистой, патриархальной жизни простой русской религиозной семьи.

Вставая утром от сна или ложась вечером перед сном, каждый из членов семьи совершал свою молитву, после чего утром, собравшись по возможности, вместе, мать или отец громко прочитывали прочим членам положенные на данный день Евангелие и Послания. Равным образом, садясь за стол или вставая из-за стола после еды, каждый совершал положенную молитву и только тогда принимался за пищу или шел к себе. Никогда не садились за стол, если отец чем-нибудь задерживался: ждали его. Когда кто-нибудь из детей обращался к матери по вопросам, касавшимся воспитания, образования или отношений внешнего свойства, мать всегда отвечала: «Я поговорю с отцом». Когда к отцу обращались с вопросом того или другого внутреннего или хозяйственного распорядка или с вопросом, касавшимся всей семьи, он неизменно отвечал: «Как жена, я поговорю с ней». Оба поддерживали авторитет друг друга, и оба по вере сознательно проводили идею «единой плоти и единого духа».

Нормально день их ареста в Царском Селе складывался так: вставали в 8 часов утра; молитва,

утренний чай всех вместе, кроме, конечно, больных, еще не вышедших из своих комнат. Гулять разрешалось им два раза в день: от 11 до 12 часов утра и от 2 с половиной до 5 часов дня. В свободное от учебных занятий время дня, дома, Государыня и дочери шили что-нибудь, вышивали или вязали, но никогда не оставались без какого-либо дела. Государь в это время читал у себя в кабинете и приводил в порядок свои бумаги. Вечером после чая отец приходил в комнату дочерей; ему ставили кресло, столик, и он читал вслух произведения русских классиков, а жена и дочери, слушая, рукодельничали или рисовали. Государь с детства был приучен к физической работе и приучал к ней и своих детей. Час утренней прогулки Император обыкновенно употреблял на моцион хождения, причем его сопровождал большей частью Долгоруков; они беседовали на современные переживавшиеся Россией темы. Иногда вместо Долгорукова его сопровождала какая-нибудь из дочерей, когда они поправились от своей болезни. Во время дневных прогулок все члены семьи, за исключением Императрицы, занимались физической работой: очищали дорожки парка от снега, или кололи лед для погреба, или обрубали сухие ветви и срубали старые деревья, заготавливая дрова для будущей зимы. С наступлением теплой погоды вся семья занялась устройством обширного огорода, и в этой работе с ней вместе принимали участие некоторые офицеры и солдаты охраны, уже привыкшие к Царской Семье и стремившиеся выказывать ей свое внимание и доброжелательство.

С течением времени, поправившись от болезни, дети возобновили свои учебные занятия. Так

как посещение преподавателями и учителями со стороны, извне, было воспрещено, то родители организовали обучение при посредстве тех придворных лиц, которые разделяли заключение с семьей. Таким образом Государь принял на себя преподавание Наследнику Цесаревичу географии и истории; Государыня проходила со всеми детьми закон Божий; Великая Княжна Ольга Николаевна занималась с младшими сестрами и братом английским языком: Екатерина Адольфовна Шнейдер преподавала младшим Великим Княжнам и Наследнику Цесаревичу математику и русскую грамматику; графиня Гендрикова занималась с Великой Княжной Анастасией Николаевной историей; баронесса Буксгевден — со старшими Великими Княжнами английским языком; доктор Боткин — с Алексеем Николаевичем русской литературой; доктор Деревенько — с ним же естествознанием, а Жильяр — со всеми французским языком.

Из переписки и документов, принадлежавших князю Долгорукову и найденных с остатками его вещей в Екатеринбурге в помещении бывшего областного совдепа, видно, что в период ареста в Царском Селе и в Тобольске Государь и Государыня были очень озабочены урегулированием и обеспечением финансовой стороны будущей жизни семьи и старались тщательно экономить оставшиеся в их распоряжении очень скромные личные средства, сокращая до минимума расходы на свою жизнь. Несмотря на ограниченность средств, отказывая себе, довольствуясь простым столом, Государь и Государыня не прекратили своей благотворительности и старались помогать другим, насколько могли;

прошения же от разных частных лиц о помощи и поддержке, несмотря на официальное объявление об их низложении и аресте, не прекращали поступать во дворец, и державная чета удовлетворяла их в меру своей возможности. Следует отметить, что в делах Долгорукова сохранилась расписка комиссара Панкратова в получении им от бывшего Государя Императора пожертвования на нужды фронта в размере 300 рублей. Между тем в это время средства семьи были уже настолько исчерпаны, что коменданту охраны приходилось изыскивать способы добыть деньги под свои векселя у частных лиц, чтобы прокормить семью и состоявших при ней придворных и прислугу. Камердинер Чемодуров показывал, что когда по приезде в Екатеринбург комиссар Дидковский произвел обыск, то у Государя и Государыни денег не оказалось совершенно; у Великой Княжны Марии Николаевны нашлось 16 рублей 33 копейки и у доктора Боткина — 280 рублей.

Сношения Царской Семьи с внешним миром после ареста не прекратились; семья продолжала получать не только прошения о помощи, но и выражения сочувствия, симпатии от далеких людей из провинции, от монастырей и от раненых офицеров и солдат, бывших на излечении в госпиталях Царского Села, где работали в качестве сестер милосердия Государыня и две старшие дочери. Великие Княжны продолжали получать письма и от подруг придворного круга, хотя некоторые из этих корреспонденток писали, видимо, с некоторой осторожностью. По этому поводу характерен следующий рассказ полковника Кобылинского:

«Люди трусили обнаружить свои отношения к Царской Семье. Ольгу Николаевну очень любила Маргарита Хитрово. Она часто приходила ко мне и просила передать письма Ольге Николаевне. Свои письма она всегда так и подписывала: «Маргарита Хитрово». Так же полно в письмах, которые мне приносила Хитрово, подписывалась еще Ольга Колзакова. Но были и такие письма, авторы которых подписывались так: «Лили» (Дэн), «Тити» (Вильчковская). Я как-то сказал Хитрово:

— Вот Вы прямо и открыто подписываетесь своим именем. Так же подписывается и Ольга Колзакова. А другие скрывают свои имена. Представьте себе, каким-либо образом эта переписка попадет в руки теперешней власти, и меня спросят: от кого эти письма? Ведь мое положение передатчика писем станет глупым. Передайте, пожалуйста, авторам этих писем, что я прошу их прийти ко мне. Должен же я знать, кто они такие».

«После этого,— добавляет Кобылинский,— я совсем перестал получать письма от «Лили» и «Тити» для Ольги Николаевны».

Но лично Государю пришлось пережить измену почти всех бывших приближенных и любимейших чинов бывлой свиты. Перенес он эту измену стойко, мужественно, видя в этом перст Божий, и никто не услышал от него ни слова упрека и осуждения. В этом отношении сказывается поразительное величие его души, как бывшего Царя и помазанника Божия великой России.

* * *

Вся семья жила в большой дружбе между собой и находила внутри себя любовь и твердость переживать

и с терпением и кротостью переносить наступившие для нее дни тяжелого угнетения и унижения, а порой и оскорбления. По свидетельству приближенных, старшие Великие Княжны поразительно сознательно и мужественно относились к постигшей их родителей перемене и преданной любовью и поразительной заботливостью старались им облегчить горечь обид и унижений, выпавших на их долю во время заточения.

Из детей наиболее сильной волею и твердостью характера отличалась Великая Княжна Татьяна Николаевна. Госпожа Битнер говорит, что «если бы семья лишилась Александры Федоровны, то «крышей» для нее была бы Татьяна Николаевна. Она была самым близким лицом к Императрице. Они были два друга. Она и не была взята Государыней при отъезде из Тобольска, так как на нее был оставлен Алексей Николаевич». А полковник Кобылинский добавляет: «Когда Государь с Государыней уехали из Тобольска, никто как-то не замечал старшинства Ольги Николаевны. Что нужно, всегда шли к Татьяне: «Как Татьяна Николаевна». Это была девушка вполне сложившегося характера, прямой, честной и чистой натуры; в ней отмечалась исключительная склонность к установлению порядка в жизни и сильно развитое сознание долга. Она ведала, за болезнью матери, распорядками в доме, заботилась об Алексее Николаевиче и всегда сопровождала Государя на его прогулках, если не было Долгорукова. Она была умная, развитая; любила хозяйничать и, в частности, вышивать и гладить белье».

Великая Княжна Ольга Николаевна представляла собою типичную хорошую русскую девушку с большой душой. На окружающих она производила впечатление своей ласковостью, своим «чарующим», милым обращением. Со всеми она держала себя ровно, спокойно и поразительно просто и естественно. Она не любила хозяйства, но любила уединение и книги. Она была развитая и очень начитанная; имела способности к искусствам: играла на рояле, пела и в Петрограде училась пению, хорошо рисовала. Она была очень скромной и не любила роскоши. Битнер говорит: «Мне кажется, она гораздо больше всех в семье понимала их положение и сознавала опасность его. Она страшно плакала, когда уехали отец с матерью из Тобольска». На всех окружающих производило впечатление, что она унаследовал больше черт отца, особенно в мягкости характера и простоте отношения к людям. Вместе с тем, Великая Княжна Ольга Николаевна оставляла в изучавших ее натуру людях впечатление человека, как будто бы пережившего в жизни какое-то большое горе. «Бывало, она смеется, а чувствуется, что ее смех — только внешний, а там, в глубине души, ей вовсе не смешно, а грустно».

Великая Княжна Мария Николаевна была самая красивая, типично русская, добродушная, веселая, с ровным характером, приветливая девушка. Она любила и умела поговорить с каждым, в особенности с простым человеком. Во время прогулок в парке вечно она, бывало, заводила разговоры с солдатами охраны, расспрашивала их и прекрасно помнила, у кого как звать жену, сколько ребятишек сколько земли и т. п. У нее находилось всегда много

общих тем для бесед с ними. За свою простоту она получила в семье кличку «Машка»; так звали ее сестры и Алексей Николаевич. Говорили, что наружностью и силой она уродилась в Императора Александра III. И действительно, она была очень сильна; когда больному Алексею Николаевичу нужно было куда-нибудь передвинуться, он зовет: «Машка, неси меня». Она легко его поднимала и несла. Заболела она корью последней из семьи; вследствие простуды в исторический вечер 27 февраля болезнь ее приняла особо тяжелую форму, перейдя в крупозное воспаление легких очень сильной степени. Только сильный организм Великой Княжны помог в конце концов побороть тяжелую болезнь, но неоднократно положение ее принимало критическое состояние. Во время ареста она сумела расположить к себе всех окружающих, не исключая и комиссаров Панкратова и Яковлева, а в Екатеринбурге охранники-рабочие обучали ее готовить лепешки из муки без дрожжей.

Великая Княжна Анастасия Николаевна, несмотря на свои 17 лет, была еще совершенным ребенком. Такое впечатление она производила главным образом своей внешностью и своим веселым характером. Она была низенькая, очень плотная, «кубышка», как дразнили ее сестры. Ее отличительной чертой было подмечать слабые стороны людей и талантливо имитировать их. Это был природный, даровитый комик. Вечно, бывало, она всех смешила, сохраняя деланно серьезный вид. В семье ее прозвали комичной кличкой «Швибз».

Про всех великих княжон вместе полковник Кобылинский говорит: «Все они, не исключая и

Татьяны Николаевны, были очень милыми, симпатичными, простыми, чистыми, невинными девушками. Они в своих помыслах были куда чище очень многих современных девиц и гимназисток даже младших классов гимназии».

Любимцем всей семьи, как родителей, так и сестер, да и вообще всех людей, соприкасавшихся с Царской Семейю во время ареста, был Наследник Цесаревич Алексей Николаевич. Он поразительно располагал к себе всех своей непосредственностью, непринужденностью обращения, приветливостью, веселостью и простотой. Даже Янкель Юровский в Ипатьевском доме проявлял к Алексею Николаевичу признаки расположения и занимался с ним беседами или играл с ним в его игрушки. Это был умный, способный мальчик, но по развитию еще совершенно ребенок, так как постоянное болезненное состояние мешало его серьезным занятиям и не успело развить в нем любви к учению и книге.

Чрезвычайно интересную характеристику о Наследнике Цесаревиче дает Клавдия Михайловна Битнер, приходившая заниматься с ним в Тобольске.

«Я любила больше всех Алексея Николаевича. Это был милый, хороший мальчик. Он был умненький, наблюдательный, восприимчивый, очень ласковый, веселый и жизнерадостный, несмотря на свое часто тяжелое, болезненное состояние. Он был способный от природы, но был немножко с ленцой. Если он хотел выучить что-либо, он говорил: «Погодите, я выучу». И если действительно выучивал, то это уже у него оставалось и сидело крепко.

Он привык быть дисциплинированным, но не любил бывшего придворного этикета. Он не переносил лжи и не потерпел бы ее около себя, если бы взял власть когда-либо.

В нем были совмещены черты и отца и матери. От отца он унаследовал его простоту. Совсем не было в нем никакого самодовольства, надменности, заносчивости. Он был прост. Но он имел большую волю и никогда бы не подчинился постороннему влиянию. Вот Государь, если бы он вновь взял власть, я уверена, забыл бы и простил поступки тех солдат, которые ему были известны в этом отношении. Алексей Николаевич, если бы получил власть, этого бы никогда им не забыл и не простил, и сделал бы соответствующие выводы.

Он уже многое понимал, и понимал людей. Но он был замкнут и выдержан. Он был терпелив, очень аккуратен, дисциплинирован и требователен к себе и другим. Он был добр, как и отец, в смысле присутствия у него в сердце невозможности причинить напрасно зло.

Он был бережлив. Как-то однажды, когда он был болен, ему подали кушанье, общее со всей семьей, которого он не стал есть потому, что не любил этого блюда. Я возмутилась: как это не могут приготовить ребенку отдельного кушанья, когда он болен?! Я что-то такое сказала. Он мне ответил: «Ну вот еще. Из-за меня одного не надо тратить».

Я не знаю, думал ли он о власти. У меня был с ним разговор об этом. Я ему сказала: «А если вы будете царствовать?». Он мне ответил: «Нет, это кончено навсегда». Я ему сказала: «Ну, а если опять будет, если вы будете царствовать?». Он ответил мне:

«Тогда надо устроить так, чтобы я знал больше, что делается кругом». Я как-то его спросила, что бы тогда он сделал со мной. Он мне сказал, что он построил бы большой госпиталь, назначил бы меня заведовать им, но сам приезжал бы и «допрашивал» обо всем — все ли в порядке. Я уверена, что при нем был бы порядок».

Таковы материалы, которые исследование могло собрать в период своих работ для установления действительной характеристики членов Царской Семьи за период их состояния в заключении после отречения Государя от престола. Конечно, этими данными не исчерпывается полнота и детальность образов трагически погибших Августейших Мучеников, но они были достаточны следствию, чтобы согласиться с общим заключением об этой семье, сделанным бывшим при арестованных комендантом полковником Кобылинским в своем следственном показании:

«Про всю Августейшую Семью в целом я могу сказать, что все они очень любили друг друга. Жизнь в своей семье всех их духовно так удовлетворяла, что они иного общения не требовали и не искали. Такой удивительно дружной, любящей семьи я никогда в жизни не встречал и думаю, в своей жизни уже больше никогда не увижу».

Н. А. Соколов

**УБИЙСТВО
ЦАРСКОЙ
СЕМЬИ**

ЖИЗНЬ СЕМЬИ В ТОБОЛЬСКЕ

Первое время, приблизительно месяца полтора, было едва ли не лучшим в заключении семьи.

Власть была в руках полковника Кобылинского. Местным властям он не подчинялся. Посланцев же центра не существовало.

Жизнь сразу вошла в спокойное, ровное русло. В 8 часов 45 минут подавался утренний чай. Государь пил его в своем кабинете всегда с Ольгой Николаевной; остальные дети — в столовой.

После чая до 11 часов Государь занимался у себя: читал или писал свои дневники. Затем он шел на воздух и занимался физическим трудом. Обыкновенно он пилил дрова.

Дети, кроме Ольги Николаевны, до завтрака с часовым перерывом занимались уроками. В час был завтрак.

Затем Государь и княжны шли на воздух. К ним приходил несколько позднее и Наследник, обычно отдохавший после завтрака по требованию врачей.

Все они обыкновенно пилили дрова. Их общими трудами была выстроена площадка над оранжереей и лестница. Здесь на площадке, обращенной к солнцу, они любили сидеть.

От 4 до 5 часов Государь преподавал Наследнику историю. В 5 часов подавался чай.

После чая Государь проводил обычно время у себя в кабинете. Дети до 8 часов занимались уроками.

В 8 часов подавался обед.

После обеда семья собиралась вместе. К ней приходили Боткин, Татищев, Долгоруков и другие. Беседовали, играли. Иногда Государь читал вслух.

В 11 часов подавался чай. Затем все расходились. Наследник ложился спать вскоре после обеда.

Государыня обычно не покидала своей комнаты до завтрака. В эти часы она или преподавала у себя некоторые предметы детям, или занималась чтением, рукоделиями, живописью. Чаше всего она и обедала у себя вместе с Алексеем Николаевичем: она все время жаловалась на сердце и избегала ходить в столовую, находившуюся в нижнем этаже. Иногда, оставаясь одна в доме, она играла на пианино и пела.

Вместе с семьей часто обедали Гендрикова, Шнейдер, Татищев, Долгоруков, Боткин, Жильяр и Гиббс. По праздникам приглашался доктор Деревенько и его сын гимназист Коля.

Обед готовил старый царский повар Харитонов. Стол был удовлетворительный. За завтраком подавались супы, мясо, рыба, сладкое, кофе. Обед состоял из таких блюд и фруктов, какие можно было достать в Tobольске.

В сравнении с царскосельской жизнь в Tobольске имела одно преимущество: семья имела возможность здесь посещать церковь. Всенощные богослужения и в Tobольске совершались на дому. Литургии же (ранние) совершались для нее в церкви Благовещенья.

Население участливо относилось к заключенным. Когда народ, проходя мимо дома, видел кого-либо в окнах, он снимал шапки. Многие крестили узников.

Разные лица присылали провизию. Большое участие в жизни семьи принимал Ивановский женский монастырь.

В Тобольске было спокойнее, чем в Царском. Но это было... сибирское спокойствие. Все здесь было однообразно. Семья жила в тесном мире одних и тех же событий, одних и тех же интересов. Здесь было скучно. Дом, огороженный двор да небольшой сад — вот вся территория, доступная семье. Всегда одни и те же люди. Даже в церкви узники не имели ни с кем общения, так как народ не допускался, когда там молилась семья.

Физический труд, качели и ледяная гора — это все развлечения, доступные для них.

Чтобы скрасить жизнь, дети усиленно занимались уроками. Им преподавали: Государь — историю Алексею Николаевичу, Государыня — богословие всем детям и немецкий язык Татьяне Николаевне. Математику и русский язык преподавала Битнер. Гендрикова занималась по истории с Татьяной Николаевной. Жильяр и Гиббс преподавали французский и английский языки.

Иногда ставились домашние пьесы на английском и французском языках. В них принимали участие дети.

Грусть была у детей, когда они в свободные часы сумерек сидели у окна и на «улице свободы» видели свободных людей.

То же чувство звучит в некоторых записках Государыни к Гендриковой, когда она именует в них себя «узницей».

Наследник отмечает в дневнике 22 ноября 1917 года: «Весь день прошел как вчера, и так же скучно».

* * *

Их старшая дочь Ольга Николаевна была девушкой 22 лет. Стройная, худенькая, изящная блондинка, она унаследовала глаза отца. Была вспыльчива, но отходчива. Она имела сердце отца, но не имела его выдержанности: ее манеры были «жесткие». Она была хорошо образована и развита. В ней чувствовали «хорошую русскую барышню», любившую уединение, книжку, поэзию, не любившую будничных дел, непрактичную. Она была наделена большими музыкальными способностями и импровизировала на рояле. Прямая, искренняя, она была не способна скрывать своей души и была, видимо, ближе к отцу, чем к матери.

Татьяна Николаевна имела 20 лет, была темная блондинка, худенькая, элегантная. Она была противоположностью старшей сестре. Была замкнута, сдержанна, сосредоточенна и самостоятельна. Ее сферой было хозяйство, рукоделия, будничный домашний уклад. Благодаря таким чертам ее характера в ней, а не в Ольге Николаевне видели старшую дочь в семье. Она более всех сестер напоминала мать и была ей самым близким человеком, другом и советчиком.

Мария Николаевна, 18 лет, была светлее Татьяны и темнее Ольги, с очень красивыми светло-серыми глазами. Она была сложена из «широкой кос-

ти» и, обладая большой физической силой, напоминала, кажется, одна из всех детей, деда — Императора Александра III. В семье она была самая простая, самая ласковая, приветливая. По натуре это была типичнейшая мать. Ее сферой были маленькие дети. Больше всего она любила возиться и нянчиться с ними. Она любила быть с простым народом, умела поговорить с солдатами, расспросить их про их домашнюю жизнь и в совершенстве знала, какое у кого хозяйство, сколько детей, сколько земли и т. п. За свою простоту и ласковость она получила от сестер и брата имя «Машка».

Анастасия Николаевна, 16 лет, была еще не сложившаяся девушка-подросток. Была самая полная из сестер и стыдилась своей полноты. Любила читать, но была с ленцой и не любила готовить уроков. Ее отличительной особенностью было подмечать смешные стороны людей и воплощать их с талантом природного комика.

Наследник Цесаревич Алексей Николаевич был мальчик 14 лет, умный, наблюдательный, восприимчивый, ласковый, жизнерадостный. Был с ленцой и не особенно любил книги. Он совмещал в себе черты отца и матери: унаследовал простоту отца, был чужд надменности, заносчивости, но имел свою волю и подчинялся только отцу. Мать хотела, но не могла быть с ним строгой. Его учительница Битнер говорит о нем: «Он имел большую волю и никогда не подчинился бы никакой женщине». Он был весьма дисциплинирован, замкнут и очень терпелив. Несомненно, болезнь наложила на него свой отпечаток и выработала в нем эти черты. Он не любил придворного этикета, любил быть с солдатами и

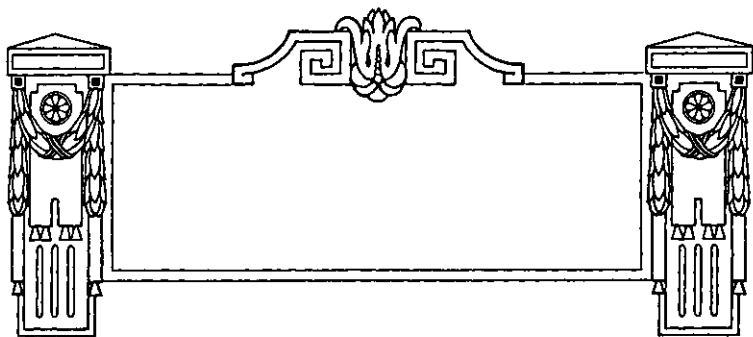
учился их языку, употребляя в своем дневнике чисто народные, подслушанные им выражения. Скуповатостью напоминал мать: не любил тратить своих денег и собирал разные брошенные вещи: гвозди, свинцовую бумагу, веревки и т. п.

Дети говорили с отцом по-русски, с матерью — по-английски и по-французски. Они все были воспитаны в условиях чрезвычайной скромности и простоты, что стало уже их привычкой.

Кобылинский и Битнер, не знавшие семьи до революции, впитавшие до некоторой степени в себя ее отзвуки, были поражены, когда воочию увидели Царскую Семью.

Кобылинский говорит про Княжон: «Все они были милые, простые, чистые, невинные девушки. Куда они были чище в своих помыслах очень многих из современных девиц-гимназисток даже младших классов».

Волков: «Я не умею рассказать про характеры Царской Семьи, потому что я человек неученый, но я скажу, как могу. Я скажу про них просто: это была самая святая и чистая семья».

**ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЗАПИСЕЙ
ИМПЕРАТРИЦЫ
АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ
1899 ГОДА О СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ
И ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ**

3

ЧАСТЬ

В этих записях Императрицы Александры Федоровны содержатся отрывки из писаний, которые ее вдохновляли. Они были записаны Государыней в сентябре 1899 года, через 5 лет после ее свадьбы, когда она имела уже троих дочерей. Тогда она с особым чувством перечитывала книгу Дж. Р. Миллера «Домостроительство, или идеальная семейная жизнь». Цитаты ясно показывают, что было близко сердцу ее, что ее мучило и беспокоило в повседневной жизни. Интересно будет обратить внимание на некоторые подчеркивания в тексте, сделанные рукой Государыни.

* * *

Долгом в семье является бескорыстная любовь. Каждый должен забыть свое «я», посвятив себя другому. Каждый должен винить себя, а не другого, когда что-нибудь не так. Необходимы выдержка и терпение, нетерпение же может все испортить. Резкое слово может на месяцы замедлить слияние душ. С обеих сторон должно быть желание сделать брак счастливым и преодолеть все, что этому мешает. Самая сильная любовь больше всего нуждается в ежедневном ее укреплении. Более всего непростительна грубость именно в своем доме, по отношению к тем, кого мы любим.

* * *

Нет ничего сильнее того чувства, которое приходит к нам, когда мы держим на руках своих детей. Их беспомощность затрагивает в наших сердцах благородные струны. Для нас их невинность — очищающая сила. Когда в доме новорожденный,

брак как бы рождается заново. Ребенок сближает семейную пару так, как никогда прежде. В сердцах оживают молчавшие до этого струны. Перед молодыми родителями встают новые цели, появляются новые желания. Жизнь приобретает сразу новый и более глубокий смысл.

На их руки возложена святая ноша, бессмертная жизнь, которую им надо сохранить, и это вселяет в родителей чувство ответственности, заставляет их задуматься. Я — больше не центр мироздания. У них есть новая цель, для которой надо жить, цель достаточно великая, чтобы заполнить всю их жизнь.

Конечно, с детьми у нас появляется масса забот и хлопот, и поэтому есть люди, которые смотрят на появление детей, как на несчастье. Но так смотрят на детей только холодные эгоисты.

Ах, чем бы мир для нас вдруг стал,
Когда б в нем не было детей,
За нами — только пустота,
А впереди — лишь смерти тень.
Что значат листья для деревьев?
И свет, и воздух через них,
Сгушаясь в сладкий, нежный сок,
Идут в стволы, питают их.
Как будто листья в том лесу —
Для мира дети; их глазами
Воспринимаем мы красу,
Дарованную небесами.

Великое дело — взять на себя ответственность за эти нежные юные жизни, которые могут обогатить мир красотой, радостью, силой, но которые также легко могут погибнуть; великое дело — пес-

товать их, формировать их характер, — вот о чем нужно думать, когда устраиваешь свой дом. Это должен быть дом, в котором дети будут расти для истинной и благородной жизни, для Бога.

* * *

Никакие сокровища мира не могут заменить человеку ни с чем не сравнимых сокровищ — его родных детей. Что-то Бог дает часто, а что-то только один раз. Проходят и снова возвращаются времена года, расцветают новые цветы, но никогда не приходит дважды юность. Только один раз дается детство со всеми его возможностями. То, что вы можете сделать, чтобы украсить его, делайте быстро.

* * *

Главным центром жизни любого человека должен быть его дом. Это место, где растут дети — растут физически, укрепляют свое здоровье и впитывают в себя все, что сделает их истинными и благородными мужчинами и женщинами. В доме, где растут дети, все их окружение и все, что происходит, влияет на них, и даже самая маленькая деталь может оказать прекрасное или вредное воздействие. Даже природа вокруг них формирует будущий характер. Все прекрасное, что видят детские глаза, отпечатывается в их чувствительных сердцах. Где бы ни воспитывался ребенок, на его характере сказываются впечатления от места, где он рос. Комнаты, в которых наши дети будут спать, играть, жить, мы должны сделать настолько красивыми, насколько позволяют средства. Дети любят картины, и если картины в доме чистые и хорошие, то чудесно на них

влияют, делают их утонченнее. Но и сам дом, чистый, со вкусом убранный, с простыми украшениями и с приятным окружающим видом, оказывает бесценное влияние на воспитание детей.

Великое искусство — жить вместе, любя друг друга нежно. Это должно начинаться с самих родителей. Каждый дом похож на своих создателей. Утонченная натура делает и дом утонченным, грубый человек и дом сделает грубым.

Родители должны быть такими, какими они хотят видеть своих детей — не на словах, а на деле. Они должны учить своих детей примером своей жизни.

Еще один важный элемент семейной жизни — это отношения любви друг к другу; не просто любовь, а культивированная любовь в повседневной жизни семьи, выражение любви в словах и поступках. Любезность в доме не формальная, а искренняя и естественная. Радость и счастье нужны детям не меньше, чем растениям нужен и солнечный свет.

Самое богатое наследство, которое родители могут дать детям, это счастливое детство с нежными воспоминаниями об отце и матери. Оно осветит грядущие дни, будет хранить их от искушений и поможет в суровых буднях жизни, когда дети покинут родительский кров.

Пусть дом ваш будет, как сад,
Где радость звенит в голосах ребят,
И детство наполнено счастьем.

О, пусть Бог поможет каждой матери понять величие и славу предстоящего ей труда, когда она держит у своей груди младенца, которого ей нужно вынянчить и воспитать. Что касается детей, то долг родителей — подготовить их к жизни, к любым испытаниям, которые ниспошлет им Бог.

Будьте преданы. С благоговением примите свою священную ношу. Самые прочные узы — это узы, которыми сердце человека связано с настоящим домом. В настоящем доме даже маленький ребенок имеет свой голос. А появление младенца влияет на весь семейный уклад. Дом, каким бы он ни был скромным, маленьким, для любого члена семьи должен быть самым дорогим местом на земле. Он должен быть наполнен такой любовью, таким счастьем, что в каких бы краях человек потом ни странствовал, сколько бы лет ни прошло, сердце его должно все равно тянуться к родному дому. Во всех испытаниях и бедах родной дом — убежище для души.

Сила воли лежит в основе мужества, но мужество тогда только может вырасти в настоящую мужественность, когда воля уступает, и чем больше воля уступает, тем сильнее проявления мужественности.

Нет на земле более подходящего для мужчины поступка, чем такого, когда мужчина в расцвете своих сил, как малый ребенок, с любовью склоняется перед своим немощным родителем, оказывая ему почитание и уважение.

Пока живы родители, ребенок всегда остается ребенком и должен отвечать родителям любовью и

почтением. Любовь детей к родителям выражается в полном доверии к ним. Для настоящей матери важно все, чем интересуется ее ребенок. Она так же охотно слушает о его приключениях, радостях, разочарованиях, достижениях, планах и фантазиях, как другие люди слушают какое-нибудь романтическое повествование.

* * *

Дети должны учиться самоотречению. Они не смогут иметь все, что им хочется. Они должны учиться отказываться от собственных желаний ради других людей. Им следует также учиться быть заботливыми. Беззаботный человек всегда причиняет вред и боль, не намеренно, а просто по небрежности. Для того, чтобы проявить заботу, не так уж и много нужно: слово ободрения, когда у кого-то неприятности, немного нежности, когда другой выглядит печальным, вовремя прийти на помощь тому, кто устал. Дети должны учиться приносить пользу родителям и друг другу. Они могут это сделать, не требуя излишнего внимания, не причиняя другим забот и беспокойства из-за себя. Как только они немного подрастут, детям следует учиться полагаться на себя, учиться обходиться без помощи других, чтобы стать сильными и независимыми.

* * *

Родители иногда грешат чрезмерным беспокойством или неумными и постоянно раздражающими увещеваниями, но сыновья и дочери должны согласиться с тем, что в основе всей этой чрезмерной заботливости лежит глубокая тревога за них.

* * *

Благородная жизнь, сильный, честный, серьезный, богоугодный характер — это лучшая награда для родителей за утомительные годы самозабвенной любви. Пусть дети живут так, чтобы родители в старости могли ими гордиться. Пусть дети наполняют нежностью и лаской их годы угасания.

* * *

Между братьями и сестрами должна быть крепкая и нежная дружба. В наших сердцах и нашей жизни мы должны беречь и растить все красивое, истинное, святое. Дружеские связи в нашем собственном доме, чтобы они были глубокими, искренними и сердечными, должны формировать родители, помогая сблизиться душам. Нет в мире дружбы чище, богаче и плодотворнее, чем в семье, если только направлять развитие этой дружбы. Молодой человек должен быть более вежливым со своей сестрой, чем с любой другой молодой женщиной в мире, а молодая женщина, пока у нее нет мужа, должна считать брата самым близким в мире для нее человеком. Они должны в этом мире охранять друг друга от опасностей и обманных и гибельных путей.

* * *

— Отец, что такое жизнь?

— Битва, дитя мое.

Где меткий может промахнуться,

А самый зоркий обмануться,

И дрогнет сердце храбреца,

Где враг ни день, ни ночь не дремлет,

Та битва целый мир объемлет —

Стоять в ней нужно до конца.

Для каждого молодого человека жизнь особенно трудна. Когда он вступает в нее, ему нужна поддержка всех, кто его любит. Ему нужны молитвы и помощь всех его друзей. Из-за того, что не хватает любящей поддержки, многие молодые люди проигрывают в жизненных битвах, а те, кто выходят победителями, часто обязаны этой победе любви верных сердец, которая вселила в них в часы их борьбы надежду и мужество. В этом мире невозможно познать истинную цену настоящей дружбы.

Каждая преданная сестра может оказать такое сильное влияние на своего брата, которое будет вести его, как перст Господа, по верной жизненной дороге. В своем собственном доме, на собственном примере покажите им всю возвышенную красоту истинной, благородной женственности. Стремясь ко всему нежному, чистому, святому в божественном идеале женщины, будьте воплощением добродетели и сделайте добродетель для всех настолько привлекательной, чтобы порок у них всегда вызывал только отвращение. Пусть они видят в вас такую чистоту души, благородство духа, такую божественную святость, чтобы ваше сияние всегда охраняло их, куда бы они ни шли, как защитная оболочка или как Ангел, парящий над их головами в вечном благословении. Пусть каждая женщина с помощью Божией стремится к совершенству. Когда у вашего брата появятся искушения, тогда перед глазами возникнут видения такой любви и чистоты, что он с отвращением отвернется от искушительницы.

Женщина для него — объект или уважения, или презрения, и зависит это от того, что он видит в душе своей сестры. Поэтому сестре надо стараться завоевывать любовь и уважение брата. Она не сможет причинить большего вреда, если внушит ему мысль, что все женщины бессердечны и легкомысленны, жаждут только удовольствий и желают, чтобы ими восхищались. А братьям, в свою очередь, следует охранять сестер.

* * *

Отношение к женщинам — вот лучший способ проверить благородство мужчины. Он должен к каждой женщине относиться с почтением, независимо от того, богатая она или бедная, высокое или низкое занимает общественное положение, и оказывать ей всяческие знаки уважения. Брат должен защищать свою сестру от любого зла и нежелательного влияния. Он должен ради нее вести себя безупречно, быть великодушным, правдивым, бескорыстным, любить Бога. Каждый, у кого есть сестра, должен ее лелеять и любить. Власть, которой она обладает, это власть истинной женственности, которая покоряет чистотой своей души, и сила ее в мягкости.

* * *

Чистота помыслов и чистота души — вот, что действительно облагораживает.

* * *

Без чистоты невозможно представить истинную женственность. Даже среди этого мира, погрязшего в грехах и пороках, возможно сохранить эту святую чистоту. «Я видел лилию, плавающую в черной болотной воде. Все вокруг прогнило, а лилия оставалась чистой, как ангельские одежды. В

темном пруду появилась рябь, она покачивала лилию, но ни пятнышка не появилось на ней». Так что даже в нашем безнравственном мире молодой женщине можно сохранить незапятнанной свою душу, излучая святую, бескорыстную любовь. Сердце молодого человека должно ликовать, если у него есть прекрасная, благородная сестра, доверяющая ему и считающая его своим защитником, советчиком и другом. А сестре следует радоваться, если ее брат превратился в сильного мужчину, способного защитить ее от жизненных бурь. Между братом и сестрой должна быть глубокая, крепкая и близкая дружба, и они должны доверять друг другу. Пусть между ними лягут моря и континенты, их любовь навсегда останется преданной, сильной и верной. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на борьбу и ссоры, особенно в священном кругу семьи.

* * *

Тяжелая работа, трудности, заботы, самопожертвование и даже горе теряют свою остроту, мрачность и суровость, когда они смягчены нежной любовью, так же, как и холодные, голые, зазубренные скалы становятся прекрасными, когда дикие лозы обвивают их своими зелеными гирляндами, а нежные цветы заполняют все углубления и трещины.

* * *

В каждом доме бывают свои испытания, но в истинном доме царит мир, который не нарушить земным бурям. Дом — это место тепла и нежности. Говорить в доме надо с любовью.

В таком доме могут воспитываться только красота и мягкость характера. Одним из несчастий нашего времени является то, что тихие семейные вечера вытесняются делами, развлечениями, вращением в обществе.

Каждая прекрасная мысль, которая приходит на ум ребенку, впоследствии укрепляет и облагораживает его характер. Наши тела, вопреки нашему желанию, старятся, но почему бы нашим душам не оставаться всегда молодыми? Просто преступление — подавлять детскую радость и заставлять детей быть мрачными и важными. Очень скоро на их плечи лягут жизненные проблемы. Очень скоро жизнь принесет им и тревоги, и заботы, и трудности, и тяжесть ответственности. Так пусть же как можно дольше остаются они юными и беззаботными. Их детство нужно, по мере возможности, наполнить радостью, веселыми играми.

Родителям не следует стыдиться того, что они играют и шалят вместе с детьми. Может, именно тогда они ближе к Богу, чем когда выполняют самую важную, по их мнению, работу.

Никогда не забываются песни детства. Воспоминания о них лежат под грузом заполненных заботами лет, как зимой под снегом нежные цветы.

В жизнь каждого дома, раньше или позже, приходит горький опыт — опыт страданий. Могут быть годы безоблачного счастья, но наверняка будут и горести. Поток, который так долго бежал, подобно веселому ручейку, бегущему при ярком солнечном свете

через луга среди цветов, углубляется, темнеет, ныряет в мрачное ущелье или низвергается водопадом.

* * *

Никто не знает, какое святое таинство происходит в младенце, которому всего лишь час суждено прожить на этой земле. Он не напрасно его проживает. За этот короткий час он может совершить больше, оставить более глубокий след, чем иные, проживая долгие годы. Многие дети, умирая, приводят своих родителей к священным стопам Христа.

Есть горе, которое ранит еще больше, чем смерть. Но любовь Бога может превратить любое испытание в благословение.

За тучей скрывается звездный свет,
После ливня солнечный луч сияет,
У Бога существ нелюбимых нет,
Всем твореньям Своим благо Он посылает!

* * *

И так течет жизнь истинного дома, иногда при ярком солнечном свете, иногда во мраке. Но при свете или во мраке — она всегда учит нас обращаться к Небу, как к великому дому, в котором претворяются все наши мечты и надежды, где соединяются вновь порванные на земле узы. Во всем, что мы имеем и что делаем, нам необходимо благословение Бога. Никто, кроме Бога, не поддержит нас во время великого горя. Жизнь так хрупка, что любое расставание может оказаться вечным. Мы никогда не можем быть уверены, что у нас еще будет возможность попросить прощение за злое слово и быть прощенными.

Наша любовь друг к другу может быть искренней и глубокой в солнечные дни, но никогда она не

бывает настолько сильной, как в дни страданий и горя, когда раскрываются все ее скрытые до этого богатства.

ПЕРЕПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ И ЕЕ ДОЧЕРИ, ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ

Императрица Александра Федоровна была доброй женой и матерью. Она достойно исполняла обязанности Царицы, видя в них долг, возложенный на нее Господом, подвизалась и в благотворительности, помогая тем, кто нуждался, но особенно ценила она свою семью.

Режим для детей был обычным, обязанности, привычные Царской Семье, не тяготили. Император и Императрица были верны принципам их собственного воспитания: большие, хорошо проветриваемые комнаты, жесткие походные кровати без подушек; обыкновенными были холодные купания (теплые разрешались вечером). Подрастая, дети обедали вместе с родителями. Еда была простая: говядина, свинина, борщ и гречневая каша, вареная рыба, фрукты. Не принимая расточительного образа жизни большей части высшего общества России, Николай Александрович и Александра Федоровна хотели постепенно привить чувство настоящих ценностей и своим детям. Благотворное нравственное и духовное влияние ясно обозначилось в их короткой жизни. Один близкий им человек писал: «Они вели скромную жизнь, были просты в обращении и не придавали значения своему положению; у них не было и намека на высокомерие».

Одна из фрейлин Александры Федоровны, Софи Буксгевден вспоминала историю, связанную с Татьяной Николаевной, которой тогда было 18 лет:

«Они не придавали значения своему царскому положению, болезненно воспринимая высокопарное обращение. Однажды, на заседании комиссии по делам благотворитель-

ности, я должна была обратиться к Великой Княжне Татьяне как к президенту этой комиссии, и естественно, начала: «Если это будет угодно Вашему Царскому Высочеству...» Она посмотрела на меня с изумлением и, когда я села рядом с ней, наградила меня пинком под столом и прошептала: «Ты что, с ума сошла, так ко мне обращаться?» Пришлось мне поговорить с Императрицей, чтобы убедить Татьяну, что в официальных случаях такое обращение необходимо».

Вечера часто проводились «в семье» — собирались дети, Александра Федоровна и какая-нибудь близкая подруга или родственница в комнате Императрицы. Часы заполнялись музыкой, беседами, рукоделием и чтением. Если Император мог к ним присоединиться — обычно он работал до полуночи над государственными бумагами — то он читал вслух, отдавая предпочтение истории, русской литературе, поэзии или евангельским текстам.

Дети обычно не появлялись на публике, кроме тех случаев, когда этого требовали общественные обязанности или придворные церемонии. Трудно было найти друзей; Императрицу ужасала мысль ввести своих дочерей в компанию чересчур искушенных молодых женщин высшего света с их глупыми и иногда жестокими сплетнями. Это неодобрение распространялось даже на молодых кузенов и кузин, чье воспитание было более привилегированным. Когда у нее родился сын, в товарищи ему Государыня выбрала маленьких сыновей дворцовых слуг, воспитателей и доктора.

Существенной частью воспитания были игры и занятия спортом на открытом воздухе и в парке, окружавшем дворец в Царском Селе, и во время выездов семьи в загородные поместья в конце лета или ранней осенью. Одну-две недели в году проводили на «Штандарте», царской яхте, — единственном месте, где все могли расслабиться и быть самими собой, не опасаясь посторонних глаз. Ходили также на чай, который устраивала их тетя — Великая Княгиня Ольга Александровна и на который приглашались другие молодые люди. Позднее бывали танцы, теннис, прогулки верхом с молодыми офицерами. Император сам

Императрица Александра Федоровна и ее четыре дочери.
Петергоф, лето 1913

сопровождал своих дочерей в театр и на концерты. Вспоминает Софи Буксгевден:

«Императрица в самом деле воспитывала дочерей сама, и делала это прекрасно. Трудно представить себе более очаровательных, чистых и умных девочек. Она проявляла свой авторитет только при необходимости, и это не нарушало той атмосферы абсолютного доверия, которая царила между нею и дочерьми. Она понимала жизнерадостность юности и никогда не сдерживала их, если они шалили и смеялись. Ей также нравилось присутствовать на уроках, обсуждать с учителями направление и содержание занятий.

Татьяна Николаевна, по-моему, была самая хорошенькая. Она была выше матери, но такая тоненькая и так хорошо сложена, что высокий рост не был ей помехой. У нее были красивые, правильные черты лица, она была похожа на своих царственных красавиц-родственниц, чьи фамильные портреты украшали дворец. Темноволосая, бледнолицая, с широко расставленными светло-кариими глазами: это придавало ее взгляду поэтическое, несколько отсутствующее выражение, что не совсем соответствовало ее характеру. В ней была смесь искренности, прямолинейности и упорства, склонности к поэзии и абстрактным идеям. Она была ближе всех к матери и была любимицей у нее и у отца. Абсолютно лишенная самолюбия, она всегда была готова отказаться от своих планов, если появлялась возможность погулять с отцом, почитать матери, сделать то, о чем ее просили. Именно Татьяна Николаевна нянчилась с младшими, помогала устраивать дела во дворце, чтобы официальные церемонии согласовывались с личными планами семьи. У нее был практический ум Императрицы и детальный подход ко всему. Она не обладала сильным характером Ольги Николаевны, всегда была под ее влиянием, но в случаях, требующих решительных действий, принимала решения быстрее, чем ее старшая сестра, и никогда не теряла головы».

В течение двадцати лет от рождения Великой Княжны Татьяны Николаевны до ее гибели вместе с семьей в Екатеринбурге записки были частой, если не ежедневной формой общения в семье. Когда Александра Федоровна из-за

нездоровья или занятости обязанностями Императрицы не могла подняться наверх в комнаты к детям, она часто писала им письма, и эту привычку, подрастая, они охотно перенимали. В то время как большинство записок и писем относятся к домашним делам, режиму и болезням, есть также и такие, которые живо рисуют духовную жизнь этой дружной семьи.

Александра Федоровна хотя и владела бегло русским языком, свою личную корреспонденцию вела на английском — и потому, что предпочитала его, и для того, чтобы ее дети поупражнялись в нем, особенно две старшие дочери — Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна. Дети порусски говорили почти исключительно друг с другом и с отцом; французский, английский и немецкий были их школьными предметами.

Хотя Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна довольно свободно говорили по-английски, в письменной речи они не достигли совершенства. Письма Татьяны Николаевны отличаются любовью к родителям и ко всей семье; жизнь этой скромной, милой девушки полна теплоты и домашности; безошибочно можно сказать, что она — достойная дочь своей святой матери.

17 января 1909 года.

Моя дорогая Мама!

Я надеюсь, сегодня ты не очень устанешь и выйдешь к обеду. Мне всегда ужасно жаль, когда ты устаешь и не можешь встать с постели. Дорогая Мама, я буду молиться за тебя в церкви. Я надеюсь, что сегодня мы сможем сходить с тобой в Анин маленький домик. Пожалуйста, выспись хорошо и не устай. Может быть, у меня много промахов, но пожалуйста, прости меня. Очень хорошо, что вчера ты не ходила в церковь, а то бы ты наверняка еще больше устала.

Много-много раз целую мою любимую Маму.

Твоя любящая дочь

Татьяна.

Я буду молиться за тебя в церкви.

24 января 1909 года.

Моя дорогая Татьяна, нежно целую и благодарю тебя за твое милое письмо.

Это прекрасно — ты молишься за свою мамочку; может быть, Бог ей даст что-то хорошее. Но иногда Он посылает болезнь для блага чьей-либо души. Старайся быть как можно лучше и не причиняй мне беспокойства, тогда я буду спокойна, я ведь не могу подняться наверх и посмотреть, как дела с уроками, как ты себя ведешь и как разговариваешь. Веди себя хорошо. Тебя обнимает твоя любящая

Мама.

Да благословит тебя Бог.

Следующее письмо было написано Татьяной, когда она готовилась к исповеди и Святому Причащению.

5 марта 1910 года.

Моя любимая, дорогая милая Мама, мне очень радостно, что завтра я приму Тело Господне и Его Кровь. Это очень хорошо. Пожалуйста, прости меня, что я не всегда слушаю тебя, когда ты мне что-то говоришь. Сейчас я постараюсь слушать всех и особенно моих дорогих Папу и Маму. Пожалуйста, попроси у него тоже прощение за меня. Я постараюсь быть очень послушной. Пожалуйста, дорогие мои, спите оба хорошо, пусть вам приснится наш любимый «Штандарт», который сейчас так далеко. Перед Причастием я буду читать все молитвы.

*Пусть Бог благословит моих милых Папу и Маму.
Нежно вас целую.*

*Ваша любящая, преданная и благодарная за все
дочь Татьяна.*

**12 июня 1911 года,
«Штандарт».**

*Моя дорогая, милая Мама,
я не могу не думать о том, какой я была нехорошей, не посидела с тобой сегодня днем. Я плачу и чувствую себя такой несчастной без тебя. Я хочу быть с тобой, милая Мама. Пожалуйста, разреши мне. Завтра я не смогу быть с тобой, потому что будет очередь Ольги, и если я появлюсь, она рассердится. Как же мне сделать то, чего так хочется?*

Да благословит тебя Бог, милая Мама. Пожалуйста, ответь. Только бы я смогла сейчас придти и поцеловать тебя — тогда бы я успокоилась.

Твоя любящая Татьяна.

**28 ноября 1911 года,
Ливадия.**

*Моя дорогая, родная, милая Мама,
я прошу прощения за то, что не слушаю тебя, спорю с тобой, — что я непослушная. Сразу я никогда ничего не чувствую, а потом ощущаю себя такой грустной и несчастной оттого, что утомила тебя, потому что тебе все время приходилось мне все повторять. Пожалуйста, прости меня, моя бесценная Мамочка. Сейчас я действительно постараюсь быть как можно лучше и добрее, потому что я знаю, как тебе не нравится, когда одна из твоих дочерей не слушается и плохо себя ведет. Я знаю, как это ужасно с моей стороны плохо себя вести, моя дорогая Мама, но я на*

самом деле, милая моя, буду стараться вести себя как можно лучше, и никогда не утомлять тебя, и всегда слушаться с первого слова.

Прости меня, дорогая. Пожалуйста, напиши мне только одно слово, что ты меня прощаешь, и тогда я смогу пойти спать с чистой совестью. Да благословит тебя Бог всегда и повсюду! Никому не показывай это письмо.

Поцелуй от твоей любящей, преданной, благодарной и верной дочери
Татьяны.

**ИЗБРАННЫЕ ЗАПИСКИ И ПИСЬМА
ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ
ЕЕ ДОЧЕРИ, ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЕ
ОЛЬГЕ НИКОЛАЕВНЕ**

Великая Княжна Ольга Николаевна, старшая дочь Государя Николая Александровича и Государыни Александры Федоровны, родилась осенью 1895 года. Яркое описание этой молодой девушки было оставлено баронессой Буксгевден, фрейлиной Императрицы и подругой всех четырех сестер:

«Великая Княжна Ольга Николаевна была красивая, высокая, со смеющимися голубыми глазами, чуть коротким носиком, который она сама называла «мой курносик». У нее были очень красивые зубы, изумительная фигура, она прекрасно ездила верхом и танцевала. Из всех сестер она была самая умная, самая музыкальная; по мнению ее учителей, она обладала абсолютным слухом. Она могла сыграть на слух любую услышанную мелодию, переложить сложные музыкальные пьесы, аккомпанировать без нот самые трудные вещи, пальцы ее извлекали из инструмента чудесный звук.

Ольга Николаевна была очень непосредственна, иногда слишком откровенна, всегда искренна. Она была очень

обаятельная и самая веселая. Когда она училась, бедным учителям приходилось испытывать на себе множество ее всевозможных шуток, которые она изобретала, чтобы подшутить над ними. Да и повзрослев, она не оставляла случая позабавиться. Она была щедра и немедленно отзывалась на любую просьбу. От нее часто слышали: «Ой, надо помочь бедняжке такому-то и такой-то, я как-то должна это сделать». Ее сестра Татьяна была склонна более оказывать помощь практическую, она спрашивала имена нуждающихся, подробности, записывала все и спустя некоторое время оказывала конкретную помощь просителю, чувствуя себя обязанной сделать это».

Сидней Гиббс, учивший детей английскому, добавляет, что «она любила простоту и обращала мало внимания на одежду. Ее моральный облик напоминал мне ее отца, которого она любила больше всего на свете. Она была по-настоящему верующей».

Когда ей было 20 лет, Великая Княжна Ольга Николаевна получила право распоряжаться частью своих денег, и первая ее просьба была разрешить ей оплатить лечение ребенка-инвалида. Выезжая на прогулки, она часто видела этого ребенка, ковыляющего на костылях, и слышала, что его родители были слишком бедными, чтобы платить за его лечение. С этой целью она немедленно начала откладывать свое небольшое ежемесячное содержание.

Когда началась первая мировая война, Великие Княжны Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна и Императрица Александра Федоровна начали обучаться на сестер милосердия. Всю войну они усердно работали в госпиталях, которые Александра Федоровна устроила во дворцах Царского Села, часто оказывая медицинскую помощь солдатам, только что прибывшим с фронта. Они продолжали свою работу до ареста и заточения семьи в 1917 году.

Баронесса Буксгевден продолжает:

«Ольга Николаевна была предана своему отцу. Ужас революции повлиял на нее гораздо больше, чем на других. Она полностью изменилась, исчезла ее жизнерадостность».

Хотя она и изменилась, заточение ее не ожесточило. Оно, однако, сделало ее очень серьезной. Девушка понимала, в какой серьезной ситуации оказалась ее семья. Ее преданность отцу, удвоенная чистосердечием и непоколебимой верой во Христа, побудили ее писать из Тобольска, во время длительного заключения семьи, следующее:

«Отец просит передать всем, кто остался ему верен, и тем, на кого эти преданные люди могли бы повлиять, чтобы они не мстили за него — он простил всех и молится за всех, но чтобы они помнили, что зло, которое есть сейчас в мире, станет еще более сильным, и что зло можно победить не злом, а любовью».

Великая Княжна Ольга Николаевна дорожила письмами и записками матери и переписывала их в переплетенную тетрадь, которая была найдена после ее смерти. Записки и письма Государыни охватывают период 1903-1917 гг. Она начала писать своей старшей дочери, когда той было 7 лет, вероятно, как только девочка научилась читать. В первые годы в своих письмах Александра Федоровна описывает путешествия (которые совершались без детей), а в записках делает разные указания и наставления хорошо себя вести. Эти записки неоценимы: они рисуют в малейших деталях, как Царица воспитывала дочерей (по словам Анастасии Гендриковой, подруги и фрейлины Александры Федоровны, любимой темой для разговоров между Государыней и ее дочерьми были молитва и различные выражения отношения человека к Богу, отношения, которые должны быть основой всей духовной жизни). В период 1909-1911 гг. Императрица часто болела и прибегала к запискам, когда вынуждена была лежать в постели и не могла видеть детей столько, сколько ей хотелось. После 1912 года записки Александры Федоровны к Ольге Николаевне становятся почти исключительно деловыми — она начала рассчитывать на ее помощь в ведении дома и заботе о младших детях. Хотя это и не отражено в коротких записках последних лет, существовала тесная близость между матерью и дочерью, разделявшей ее заботы.

Понедельник 4 августа 1905 года, рядом с Псковом.

Дорогая Оленька,

папа и тетя Ольга ушли на прогулку в чудесный лес, мои ноги болят от ходьбы, поэтому я осталась дома. Сейчас поезд наконец остановился. Сегодня утром мы совершенно промокли, мой новый непромокаемый плащ был насквозь сырой. Мы видели массу солдат: кавалерию, пехоту и артиллерию. Местность очень красивая. Пока мы стояли в деревне, нас окружили крестьяне и начали разговаривать. Одна женщина спросила меня, как поживаете вы четверо и где я вас оставила. Как это мило с ее стороны! Другие поднесли нам хлеб-соль и самые красивые цветы из их садов. Я сейчас усиленно шью для базара. Мимо нас проходит много поездов, все очень длинные.

Сегодня утром нас приходила повидать старая женщина 98 лет и принесла хлеб-соль — она живет рядом, и мы хотим ее тоже навестить, если будет время. Тетя Ольга нарисовала очень красивую открытку Сарова и собирается ее напечатать.

Интересно, как вы все там? Мне так грустно без моих милых малышей! Постарайся вести себя очень хорошо и помни: локти на стол не класть, сидеть прямо и аккуратно есть мясо. Я вас всех очень нежно целую и Соню тоже. До свидания, милое дитя, да благословит тебя Бог.

*Всегда твоя любящая
Мама.*

Ты можешь положить это письмо в свой новый красный футлярчик. Постарайся прочитать его полностью сама. Соня может тебе немножечко помочь. Привет Трине и всем. Будь послушна и учись хорошо.

5 августа 1905 года, рядом с Псковом.

Дорогая Ольга,

снова весь день шел дождь. Мы ездили в чудный старинный монастырь — Псково-Печерский, он построен в пещерах. Мы видели дядю Мишу и Петю на вокзале в Пскове, и тетя Ольга сегодня вечером ездила с ними в церковь. Я так рада узнать, что у бэби-Царя новый зубик; надеюсь, он здоров и у него ничего не болит. Так как завтра у тебя будет только урок музыки, надеюсь, ты напишешь мне маленькое письмо, а также Татьяне. Здесь много прекрасного вереска. Если бы не было дождя, я бы вышла и набрала букет. Мы видели женщин в красивых старинных костюмах со множеством серебряных украшений, цепочек, кружев и пряжек. К несчастью, было слишком темно, и я не смогла их сфотографировать. Целую тебя и милых сестер очень нежно и остаюсь

ваша любящая

Мама.

Да благословит вас Бог. Привет Соне и Трине. Я уверена, что вам было очень весело. Если тетя разрешит, вы можете снова пойти туда поиграть с кузенами.

Без даты, 1905 год.

Любимое дитя,

Мама нежно целует свою девочку и молится, чтобы Бог помог ей всегда быть хорошим любящим ребенком. Будь мягкой, любящей, доброй ко всем, тогда все будут любить тебя.

Да благословит тебя Бог.

Мама.

1 января 1909 года.

*Моя милая маленькая Ольга,
пусть новый 1909 год принесет тебе много счастья и всяческие блага. Старайся быть примером того, какой должна быть хорошая, маленькая, послушная девочка. Ты у нас старшая и должна показывать другим, как себя вести. Учись делать других счастливыми, думай о себе в последнюю очередь. Будь мягкой, доброй, никогда не веди себя грубо или резко. В манерах и речи будь настоящей леди. Будь терпелива и вежлива, всячески помогай сестрам. Когда увидишь кого-нибудь в печали, старайся подарить солнечной улыбкой. Ты бываешь такой милой и вежливой со мной, будь такой же и с сестрами. Покажи свое любящее сердце. Прежде всего научись любить Бога всеми силами души, и Он всегда будет с тобой. Молись Ему от всего сердца. Помни, что Он все видит и слышит. Он нежно любит Своих детей, но они должны научиться исполнять Его волю.*

Я нежно целую тебя, милое дитя, и с любовью благословляю.

Пусть Бог пребудет с тобой и хранит тебя Пресвятая Богородица.

Твоя старая Мама.

5 января 1909 года.

*Дорогое дитя,
целую тебя за твое милое письмо. Сегодня вечером А. тоже принесла тебе письмо. Старайся серьезно говорить с Татьяной и Марией о том, как нужно относиться к Богу. Читала ли ты мое письмо от первого числа? Это помогло бы тебе в разговоре. Ты*

*должна положительно на них влиять. Спи спокойно.
Крепкий тебе поцелуй от твоей старой*

Мамы.

15 января 1909 года.

*Моя дорогая детка,
спасибо за твою милую записку. Да, дорогая,
трудно найти время, чтобы не торопясь обо всем по-
говорить, но в скором времени мы как-нибудь снова
это сделаем. А сейчас я чересчур устала...*

*Ольга, дорогая, в комнате я или нет, ты всегда
должна вести себя одинаково. Это не я за тобой смо-
трю, а Бог все видит и повсюду слышит, и это Ему
мы должны в первую очередь постараться попра-
виться, делая все, что нужно, слушаясь своих роди-
телей и тех, кто о нас заботится, и побеждая свои
недостатки. Скажем, есть вещи, которые тебе нра-
вится делать, но ты знаешь, что я их запретила —
стремись их не делать, даже если мое запрещение ка-
жется тебе странным и ты не понимаешь его причи-
ны, но я-то ее знаю и знаю, что это для твоей поль-
зы. Быстрее выполняй мои распоряжения, а не тяни
время, чтобы посмотреть, делают ли другие. Ты
должна показать хороший пример, а другие ему будут
следовать. Внуши им, что нужно слушаться меня и
Папу, и конечно, Мари и С.И. Я сама была маленькой
девочкой, и меня учили слушаться, и я благодарна
тем, кто меня учил и был строг со мной. Спокойной
ночи, дорогая Ольга, да благословит тебя Бог. Креп-
кий поцелуй от твоей старой*

Мамы.

6 февраля 1909 года.

Моя милая, дорогая девочка,

я надеюсь, что все обошлось хорошо. Я так много думала о тебе, моя бедняжка, хорошо зная по опыту, как неприятны бывают такие недоразумения. Чувствуешь себя такой несчастной, когда кто-то на тебя сердится. Мы все должны переносить испытания: и взрослые люди, и маленькие дети, — Бог преподает нам урок терпения. Я знаю, что для тебя это особенно трудно, так как ты очень глубоко все переживаешь и у тебя горячий нрав. Но ты должна научиться обуздывать свой язык и, когда чувствуешь, что собираешься сказать что-то нехорошее или грубое, старайся от этого воздерживаться. Быстро помолись, чтобы Бог тебе помог. У меня было столько всяких историй с моей гувернанткой, и я всегда считала, что лучше всего извиниться, даже если я была права, только потому, что я младше и быстрее могла подавить свой гнев. М. такая хорошая и преданная, но сейчас она очень нервничает: она четыре года не была в отпуске, у нее болит нога, она простудилась и очень переживает, когда нездоров Бэби. И целый день находиться с детьми (не всегда послушными) для нее тяжело. Старайся всегда ей сочувствовать и не думай о себе. Тогда с Божией помощью тебе будет легче терпеть. Да благословит тебя Бог. Очень нежно тебя целую.

Твоя Мама.

**ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ
АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ К ЕЕ ДОЧЕРИ,
ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЕ МАРИИ НИКОЛАЕВНЕ**

Наименее известная из всех сестер, Великая Княжна Мария Николаевна, в истории семьи была затенена большой общественной деятельностью двух своих старших сестер и

загадочной личностью младшей сестры, Великой Княжны Анастасии Николаевны. Софи Буксгевден, фрейлина Императрицы и подруга всех четырех девушек, вспоминает:

«Мария Николаевна, подобно Ольге Николаевне, была живой, с такою же, как у сестры, улыбкой, овалом лица, цветом глаз и волос, но все у нее было более яркое, а ее глаза — «Мариины блюдца», как говорили ее кузины, были изумительны, глубокого темно-синего цвета... Мария Николаевна одна из всех сестер обладала талантом рисования, наброски ее были весьма хороши. «Машка», — как звали ее сестры, — была в полном подчинении у младшей, Анастасии Николаевны, «постреленка», как звала ее мать».

Сидней Гиббс добавляет, что Великая Княжна Мария Николаевна в 18 лет (в 1917 г.) «была плотной и очень сильной, легко могла меня поднять. Приятной внешности, после болезни (корь) она очень сильно похудела. Она рисовала карандашом и красками и неплохо играла на пианино, но хуже, чем Ольга или Татьяна. Мария была простая, любила детей, немножко склонна была к лени; возможно, из нее бы получилась прекрасная жена и мать». Таким образом, из нескольких фрагментов мы можем сложить портрет простой и скромной молодой девушки, с художественными наклонностями, безусловно, с твердыми убеждениями и развитым материнским чувством. Интересно отметить, что в последнюю ужасную поездку в Екатеринбург, когда детей временно оставили в Тобольске, потому что Алексей Николаевич был слишком болен, чтобы ехать, Николай Александрович и Александра Федоровна взяли с собой именно Марию Николаевну — с тем, чтобы она помогала матери.

Следующие отрывки из переписки между Императрицей Александрой Федоровной и великой княжной Марией Николаевной немного проясняют образ этой наименее известной из всех сестер.

11 марта 1910 года.

Моя дорогая Машенька,

твое письмо меня очень опечалило. Милое дитя, ты должна пообещать мне никогда впредь не думать, что тебя никто не любит. Как в твою голову пришла такая необычная мысль? Быстро прогони ее оттуда. Мы все очень нежно любим тебя, и только когда ты чересчур расшалишься, раскапризничаешься и не слушаешься, тебя бранят; но бранить — не значит не любить. Наоборот, это делают для того, чтобы ты могла исправить свои недостатки и стать лучше!

Ты обычно держишься в стороне от других, думаешь, что ты им мешаешь, и остаешься одна с Триной вместо того, чтобы быть с ними. Они воображают, что ты не хочешь с ними быть. Сейчас ты становишься большой девочкой — и тебе лучше следовало бы быть больше с ними.

Ну, не думай больше об этом и помни, что ты точно так же нам дорога, как и остальные четверо, и что мы любим тебя всем сердцем.

Да благословит тебя Бог, дорогое дитя. Нежно тебя целую.

Очень тебя любящая старая Мама.

3 декабря 1914 года, Москва.

Дорогая Мария,

пожалуйста, раздай всем офицерам в Большом дворце (во время первой мировой войны Государыня превратила Екатерининский дворец в военный госпиталь. — Ред.) эти образа от меня. Разверни их. Если будет слишком много, то остаток отдай мне обратно. Потом, я посылаю хлеб — освященную просфору и неосвященную; они должны это разогреть и съесть. Я также посылаю образа для наших раненых офицеров, но я не знаю, сколько их у нас лежит, и некоторые не

православные. Лишние передай офицерам в вашем госпитале. Надеюсь, что ты принесешь мне письмо.

Да благословит и да хранит тебя Бог.

1000 поцелуев от твоей старушки Мама, которая очень по тебе скучает.

* * *

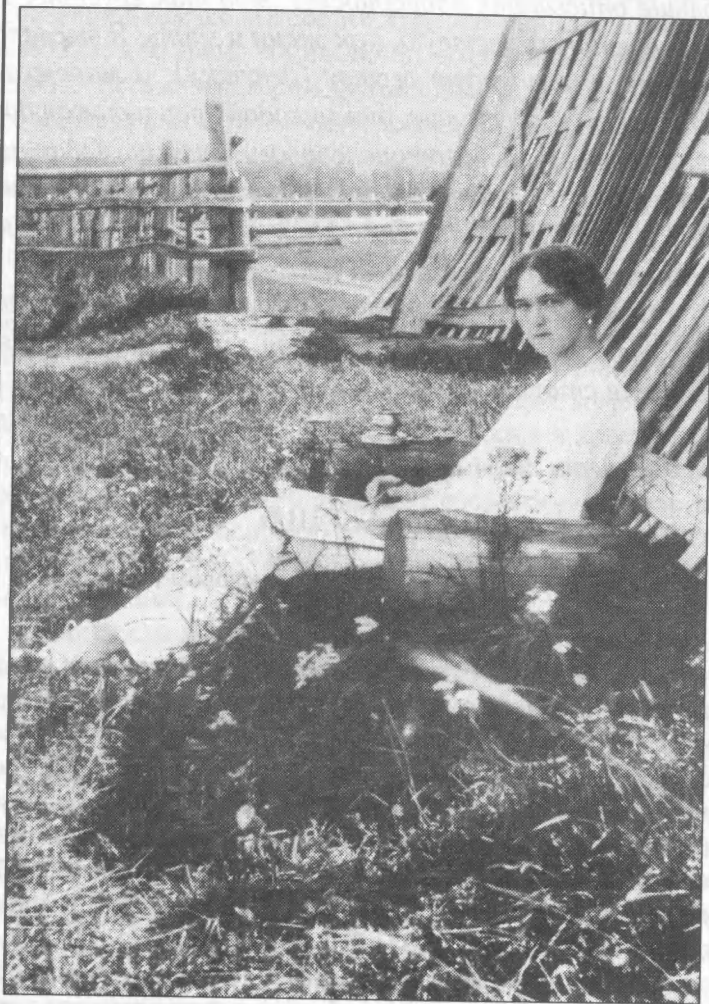
Данное письмо Александры Федоровны Николаю II наглядно показывает, каким самоотверженным был труд Императрицы и великих княжон во время первой мировой войны.

Царское Село, 20 ноября 1914 года.

Любимый, дорогой Ники,

я ходила в Большой дворец (превращенный в госпиталь. — Ред.) к тому бедному мальчику. Мне все-таки кажется, что края этой большой раны затвердели. Княгиня находит, что кожа не омертвела. Она посмотрела ногу Ройфла и считает, что, пока еще не поздно, следует немедленно делать ампутацию, — иначе придется резать очень высоко. Его семья хочет, чтобы его проконсультировали какие-нибудь знаменитости, но все в отъезде, кроме Зейдлера, который сможет приехать только в пятницу.

Погода мягкая, бэби катается в своем автомобильчике, а потом Ольга, которая сейчас гуляет с Аней, пойдет с ним в Большой дворец к офицерам, которым не терпится его повидать. Я слишком устала, чтобы идти с ними, а в 5 с четвертью в большом госпитале нам предстоит ампутация (вместо лекции). Сегодня утром мы присутствовали на нашей первой большой ампутации (я как всегда подавала инструмент, а Ольга вдевала нитки в иголки — была отрезана рука целиком). Потом мы все принимали раненых в маленьком госпитале (а самых тяжелых в боль-

Великая Княжна Ольга.
Царское Село, лето 1915

шом). Я принимала искалеченных мужчин с ужасными ранами. Даже было страшно смотреть, насколько они изранены... У меня болит сердце за них; я не буду больше описывать подробности, это так грустно. Я им особенно сочувствую, как жена и мать. Я выслала из комнаты молодую сестру (девушку), а мадемуазель Аннен — постарше, она молодой врач и такая добрая. Есть раны с отравленными пулями. Один из офицеров в Большом дворце показал мне пулю дум-дум, изготовленную в Германии. Она очень длинная, на конце узкая и похожа на красную медь.

Милый мой, до свидания. Да благословит и да хранит тебя Бог. Остаюсь навсегда глубоко преданная, любящая старая женоушка

Аликс.

Все дети тебя целуют.

«САД СЕРДЦА»

**Духовный дневник Александры Федоровны Романовой
за 1917 год**

Дневник Императрицы Александры раскрывает перед читателями правду о ее светлой душе. В первые десять лет после трагической смерти Императрицы о ней было написано несколько хороших биографических книг, но они очень скоро были преданы забвению. Многие люди занимались сплетнями, клеветали и не делали сколько-нибудь серьезных попыток разоблачить лживые сведения о ней. Те же, кто пытался честно говорить о Царской Семье, уничтожались силами зла.

Императрица Александра была праведной женщиной еще до своего мученичества; обстоятельства ее жизни, преодоление ею трудностей и искушений подобны тем, что переживает всякий из людей. Она боролась с собственными недостатками, с раздражением и нетерпением. Большую часть своей взрослой жизни она страдала от хрониче-

ской болезненной лицевой невралгии и изматывающей болезни сердца. Ее юный сын, Наследник русского престола, унаследовал гемофилию; и в течение тринадцати лет жизни она много времени провела, выхаживая его после состояния, близкого к смерти. Она постоянно заботилась о близких, а во время войны лично — и о многих подданных своих. (Есть ли в истории другой пример супруги правящего монарха или хотя бы жены президента, которая стала бы сестрой милосердия и собственноручно выхаживала искалеченных на поле боя солдат?!)

Дивны дела Божии! Две принцессы английской крови из протестантской Германии — Аликс и Элла, родные сестры Александра Федоровна и Елизавета Федоровна, схожие характерами и внешностью красавицы, выйдя замуж за представителей русского царского дома и приняв святое Православие — стали великими русскими мученицами. Мученица Александра несла в земной жизни крест служения России на поприще Императрицы и одновременно сестры милосердия, мученица же Елизавета — на поприще настоятельницы основанной ею женской обители. Обе убиты богоборцами. Обе почитаются ныне православными верующими.

Страницы дневника описывают путь, который прошла душа Царицы. Оригинал дневника за 1917 год — это маленькая, переплетенная в ткань книжечка в голубой обложке, сшитой Александрой Федоровной, в углу которой вышит маленький крест. На внутренней стороне обложки рукой Государыни просто написано: «Аликс, 1917 год». Это сборник разных цитат, стихов, размышлений, это дневник женщины, которая делает записи, чтобы напоминать себе о ежедневных обязанностях в жизни христианина. Записи касаются самых разных тем — от размышлений о самопожертвовании до благотворительных дел, о которых мы знаем и из ее писем. Везде прослеживается ее желание превратить повседневную обыденную жизнь в нечто прекрасное о Христе.

Простота дневника разочарует тех, кто ищет утонченного, или тех, кто ожидает найти здесь какие-то исторические факты. Но надо помнить, в каких условиях делались

эти записи. 1917 год был годом крушения Государства русского и годом личной трагедии семьи Романовых. В марте Царь-мученик отрекся от престола, и вскоре после этого семья была арестована и сослана. В строчках дневника мы видим твердую решимость женщины, остро чувствовавшей и подогреваемое против нее общественное мнение, и угрозу революции, но заставлявшей себя вести обычный образ жизни и каждый день бороться за любовь, сострадание и бескорыстие. Главным полем брани, на котором она боролась за своего мужа и за свой народ, было ее собственное сердце. Никакого ропота, никакой жалости к себе, только постоянные напоминания самой себе оставаться верной Христу и заботиться о тех, кто рядом.

Достойное приятие мученического венца — это добродетель, которая не придет сама собой. Эта добродетель достигается в ежедневной борьбе, в постепенном укреплении душевных сил, пока человек почти что незаметно не приобретает способность встретить достойно мучения за Христа. Эта тетрадь — свидетельство такой борьбы. Мы приводим те дневниковые записи Александры Федоровны, которые посвящены семейной жизни и воспитанию детей.

* * *

Важный труд, который человек может сделать для Христа, — это то, что он может и должен делать в своем собственном доме. У мужчин есть своя доля, она важна и серьезна, но истинным творцом дома является мать. То, как она живет, придает дому особую атмосферу. Бог впервые приходит к детям через ее любовь. Как говорят: «Бог, чтобы стать ближе всем, создал матерей», — прекрасная мысль! Материнская любовь как бы воплощает любовь Бога, и она окружает жизнь ребенка нежностью.

Некоторые матери очень преданно любят своих детей, но думают главным образом о земных вещах. Они нежно склоняются над своими детьми, когда те болеют. Они много работают и во всем отказывают

Царская семья.
1914

себе, чтобы прилично одеть своих детей. Они очень рано начинают их учить, понемногу и постоянно развивают их умственные способности, чтобы они со временем заняли достойное место в обществе. Но духовному развитию детей они не уделяют такого внимания. Они не учат их познанию Божией воли. Есть дома, в которых дети вырастают, никогда не услышав молитвы от своих отцов и матерей и не получив никакого обучения духовного.

С другой стороны, есть дома, где постоянно ярко горит лампада, где постоянно говорят слова любви ко Христу, где детей с ранних лет учат тому, что Бог их любит, где они учатся молиться, едва начав лепетать. И спустя долгие годы память об этих священных мгновениях будет жить, освещая темноту лучом света, вдохновляя в период разочарования, открывая секрет победы в трудной битве, и Ангел Божий поможет преодолеть жестокие искушения и не впасть в грех.

* * *

Жизненно важно значение среды. Мы еще не вполне понимаем, как много значит атмосфера в доме, где растут дети, для становления их характера. Самое первое место для нас, где мы учимся правде, честности, любви — это наш дом, самое родное место для нас в мире.

* * *

На трудном жизненном пути родителей есть место для ребенка, где он может беззаботно разбрасывать цветы. За любовь родителей детям следует платить такой же любовью и благодарностью на протяжении всей их жизни, до конца дней.

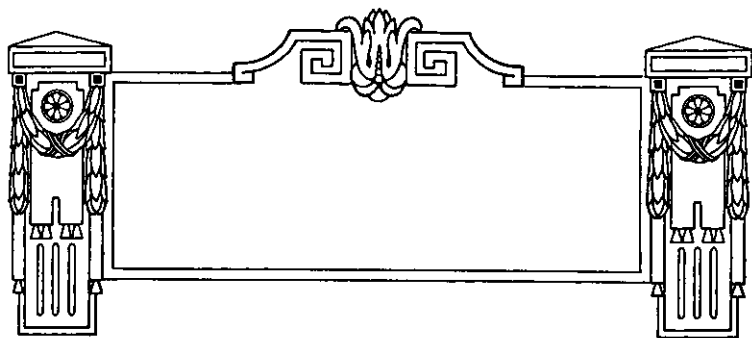

Императрица Александра Федоровна
с дочерью Татьяной.
1913

Как счастлив дом, где все — дети и родители, без единого исключения — вместе верят в Бога. В таком доме царит радость товарищества. Такой дом — как преддверие Неба. В нем никогда не может быть отчуждения.

Если в доме горе, оно сближает домочадцев. Оно делает всех более терпеливыми друг к другу, более добрыми, заботливыми, стойкими. Испытания нам посылаются не для того, чтобы нас погубить. Мы должны стать настоящими людьми. Бог хочет, чтобы мы очистились от всяческого зла и стали подобными Ему. Часто чтобы сделать это, Он подвергает нас горьким испытаниям. Бог часто делает это с человеческими душами, потому что они не таковы, какими им следовало бы быть. Внешне они могут казаться прекрасными, но внутри них не звучит божественная музыка. Им не хватает духовности, желания быть подобными Христу. Тогда Бог сокрушает их горем и страданиями, а из осколков прежней жизни создает новую жизнь, достойную славы, величия и благословения. В мире много горя. Многие люди упали духом, и именно они нуждаются в утешении Божиим. Нам не надо впадать в отчаяние, какие бы ни были у нас испытания.

**ИЗ ПИСЕМ
Е. С. БОТКИНА**

«Штандарт». 8.У1.1911.

С хорошей погодой у нас сейчас же возобновилась береговая жизнь: дети ездили на остров два раза, один раз и Государь с ними, причем сам греб, а потом ходил на байдарке.

«Штандарт». 14.У11.1911

Это трогательная картина, когда Мария Николаевна играет в четыре руки с Анастасией Николаевной, — и так мило у них это выходит. А как Ольга Николаевна музыкальна и какие успехи делает! Это я еще зимой заметил. Они по-прежнему все очаровательны, хотя все очень выросли и отношение их ко всем стало более взрослым, я бы сказал, еще более сердечным, потому что более глубоким. Я никогда не забуду их тонкое, совсем не показное, но такое чуткое отношение к моему горю, когда я был так встревожен Танюшкиным тифом... Я все вспоминаю покойную княгиню М.М.Голицыну, которая была совсем поработана чутким, сердечным отношением к ней Ольги Николаевны, тогда еще совсем маленькой, когда бедная княгиня оплакивала потерю своей прелестной внучки... Алексей Николаевич тоже очень растет, а с ним и его очарование. О родителях я и не говорю: моя любовь к ним и преданность безграничны... Вчера я участвовал в грандиозной прогулке с Государем: мы сделали 16 верст, десять из них приблизительно я прошел

вместе со всеми шагом Его Величества, но потом отстал и пришел к конечной нашей цели, к каменоломне, только 15 минутами позже... Когда я дошел наконец до берега моря, где около каменоломни собралась вся наша огромная семья и сухопутные и морские пешеходы, «пришедшие» на моторном катере, — милые Великие Княжны, как настоящие сестры милосердия и добрые спутники мои, встретили меня содовой водой, сохранившей в чудедейственном термосе всю свою свежесть...

Севастополь. 16.1X.1911.

Все были так добры к нашим маленьким, что я просто растроган. Государь подал им руку, Императрица поцеловала их смиренные головки, а о Великих Княжнах они Вам сами напишут. Бесподобно было свидание Алексея Николаевича с Глебом. Сперва он и Тане, и Глебу говорил «Вы», но скоро перешел на «ты». Одним из первых вопросов к Глебу был: «Как называется это отверстие?» — «Не знаю», — смущенно ответил Глеб. — «А ты знаешь?» — обратился А. Н. к Тане. — «Знаю, — полупортик». — Дальше опять вопросы Глебу: «Чей это костыль?» — «Папулин», — тихо отвечает Глеб. — «Чей?» — удивленный вопрос. — «Папулин», — повторяет окончательно смущенный Глеб. Тогда я объяснил, что значит это странное слово, но А. Н. еще несколько раз потом, среди другого разговора, повторял свой вопрос, заинтересованный забавным ответом и вероятно, смущением Глеба, но тот уже отвечал смело. Сегодня очаровательный А. Н. опять заходил ко мне и опять спрашивал про костыль. Ответ «мой» мало заинтересовал его, он снова

спросил, и я уже ответил: «Папулин». Вчера, когда я днем лежал одиноко и грустил об уехавших детках, вдруг в обычное время пришла развлекать меня Анастасия Николаевна и захотела все делать для меня, что делали мои детки, например, дать вымыть руки. Пришла и Мария Николаевна, и мы с ней играли в нулики и крестики, а сейчас забежала Ольга Николаевна, право, точно ангел, залетом. Добрая Татьяна Николаевна навещает меня каждый день. Вообще меня все страшно балуют...

**ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ОТРЫВКОВ ИЗ ПИСЕМ
ДОКТОРА БОТКИНА К СЫНОВЬЯМ О ЖИЗНИ
НА «ШТАНДАРТЕ»:**

17.У11.1908.

Ты совершенно прав, что славные детки, с которыми я здесь живу, меня очень утешают. Как только мы снова вступили на «Штандарт», Анастасия Николаевна меня спросила: «А вы опять будете играть в булль?» — «Непременно», — говорю. — «Вы не можете жить без булля?» — «Нет, — отвечаю я, — я и в Петергофе брал кольцо от салфетки и бросал на квадраты паркета», — продолжаю я. — «Вам булль помогает жить?» — тогда серьезно спросила Анастасия Николаевна. Премилая она девочка...

Брат ее обворожителен, как всегда; вчера я поцеловал его в шейку сзади, а он улыбается и говорит: «Какую Вы гадость поцеловали», — и показывает на свою шейку, нежную и белую. Вчера Дрентельн видит, что он идет со своим деревянным ружьем, и спрашивает: «Вы на какой пост идете?» —

«К денежному ящику». — «А я на Великий пост», — шутит Дрентельн. — «А я на Петровку», — отвечает Алексей Николаевич. На судах, которые часто переговариваются между собой флагами, есть один — красный с белым кружком, который означает «ясно вижу». Вот играет раз сын боцмана Деревенько с Алексеем Николаевичем и прячется от него за дверь, а тот увидал его и кричит ему: «Ясно вижу».

26.11.1914.(По дороге в Севастополь.)

...Под окном гуляет ненаглядный Алексей Николаевич. Сегодня Алексей Николаевич обходил вагоны с корзиночкой маленьких дутых яиц, которые он продавал в пользу бедных детей по поручению великой княгини Елизаветы Федоровны, севшей к нам в поезд в Москве... Сегодня после завтрака я носил Алексею Николаевичу показывать свою замечательную пепельницу... Он был очень доволен и очень хвалил, но, т. к. я застал его за обычным дневным отдыхом, когда Жильяр ему что-то интересное рассказывал, я, заметив, что он хочет продолжать слушать, поспешил уходить. Когда я в дверях раскланивался, этот ненаглядный мальчик, очаровательно улыбаясь мне, сказал: «До свидания, я люблю Вас всем своим маленьким сердцем». Это ли не очарование? Я в восторге ему ответил: «Вы очаровательны...»

Спала. 9.X.1912.

...Сегодня особенно часто вспоминаю Вас и ясно представляю, что должны Вы были почувствовать, увидав в газетах мое имя под бюллетенем о состоянии здоровья нашего ненаглядного Алексея

Николаевича... Я не в силах передать Вам, что я переживаю... Я ничего не в состоянии делать, кроме как ходить около него... Ни о чем не в состоянии думать, кроме как о нем, о его родителях... Молитесь, мои детки, молитесь ежедневно, горячо за нашего драгоценного Наследника...

Спала. 14.X.1912.

...Ему лучше, нашему бесценному больному. Бог услышал горячие молитвы, столькими к Нему возносимые, и Наследнику положительно стало лучше, слава Тебе, Господи. Но что это были за дни... Как годы легли они на душу... И сейчас она еще не может вполне расправиться, — так долго бедному Наследнику еще нужно будет поправляться, и столько еще случайностей может быть на пути...

Спала. 19.X.1912.

...Нашему драгоценному больному, слава Богу, значительно лучше... Но писать я все-таки еще не успеваю: целый день около него. По ночам тоже еще дежуриим...

Спала. 22.X.1912.

...Нашему драгоценному Наследнику, правда и несомненно, значительно лучше, но он еще требует большего ухода, и я целый день около него, за очень малыми исключениями (трапезы и т. п.), и каждую ночь дежурил — ту или другую половину. Теперь мне будут давать через две ночи в третью отдых. Сегодня дежурил первую половину, иззяб, как всегда, и совершенно не в силах был писать, а благо, наш золотой больной спал, сам уселся в кресло и вздремнул...

Ливадия. 28.IX.1911.

Базар был необыкновенным праздником для множества жителей Крыма, имевших счастье видеть Их Величества и великих княжон совсем близко и получить вещи даже прямо из рук Ее Величества (настроение было самое восторженное и умиленное).

Ливадия. 5.IV.1914.

...Долгие службы, благодаря дивному служению о. Александра*, простаиваются легко, производят сильное впечатление и надолго создают особое настроение. В четверг мы все приобщались, и я не мог удержать слез умиления, когда Царь и Царица клали земные поклоны, кланялись нам, многогрешным, и вся Царская Семья приобщалась...

* Духовник Их Величеств отец Александр Васильев.

**ОТ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ
АНАСТАСИИ НИКОЛАЕВНЫ, С ПРИПИСКАМИ
ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ,
ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ
И ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ*,
А. А. ГРАМОТИНУ**

Царское Село, 25 июня 1917 г. А. А.**

*Спасибо Вам сердечное за милое письмо, которому так обрадовалась. Мы тоже все помним и постоянно об этом говорим... У нас день распределен, поэтому время идет довольно скоро. — Помните 24-е августа на «Днепре» и 11-ое июля?...*** Каждый день ходим гулять, поливаем наш огород и обыкновенно обливаемся, т. к. неловки, да еще брат обливает из насоса. Как поживают все «наши»? Сижусь сейчас на окне и пишу Вам. Надо будет идти на уроки, не очень весело, ну, поэтому надо кончать писать. Желаю Вам всего, всего хорошего. Христос с Вами, всегда помню.*

¹Примечания к письмам, отмеченные "звездочкой", помещены в конце каждого документа (Сост.).

А.

Шлю самые горячие пожелания и привет.

О.

Помню и часто вспоминаю. Желаю Вам всего самого хорошего. Шлю большой привет.

М.

Желаю всего хорошего, шлю сердечный привет.

Т.

* Во время пребывания сотен конвоя на Кавказе офицеры получали от великих княжон ответы на свои письма через остававшуюся еще в Царском Селе сестру сотника Зборовского. Великие Княжны обычно отвечали общим письмом, ставя в правом его верхнем углу инициалы имени и отчества тех офицеров, кому было адресовано письмо, и посылая по две-три открытки в одном конверте.

** Инициалы имени и отчества хорунжего конвоя Его Величества Александра Александровича Грамотина.

*** 11 июля и 24 августа 1916 г. Государь Император, в сопровождении Наследника Цесаревича и великих княжон, приехавших в ставку, посетил сотни конвоя, находившиеся на службе в Могилеве.

11 июля — тезоименитство Великой Княжны Ольги Николаевны. В этот день Государь с Августейшими Детьми неожиданно прибыл к сотням конвоя, в то время расположенным в летних лагерных бараках за Днепром. Данный эпизод описан в следующем письме — Великой Княжны Татьяны Николаевны на имя М. С. Хитрово.

Царская ставка, 25 августа 1916 г.

...Вчера мы опять пошли вверх по Днепру. Туда же с песнями пришла наша сотня конвоя. Там у нас они спешились. Пели песни, в игры играли, а мы на траве лежали и наслаждались. Когда они ушли, папа сказал им, чтобы они шли, т. е. ехали по самому берегу реки, а мы еще там остались, потом пошли на быстроходном моторе вниз по реке. Нагнали сотню, которая

ехала шагом с зурной и песнями. Когда мы поравнялись, то они пустили лошадей полным ходом за нами и так неслись. Там дальше был крутой овраг и поворот реки. Им пришлось шагом его проехать т. к. грунт был мягкий. Они уже от нас отстали, но как только выехали из этого оврага, то карьером пустились нас догонять. Красиво было страшно. Они еще на этом ходу джигитовали. Вы себе представить не можете, как это чудно было. Они с гиком и криком неслись. Если они так в атаку ходят, да еще целыми полками, я понимаю, что немцы дерут, это страх нагоняет и вместе так чудно!!...

ОТ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ З. С. ТОЛСТОЙ

Царское Село, 17 июля 1917 г.

Дорогая моя З. С. Спасибо Вам большое за милое, длинное письмо. Последний раз написала Вам 23/VI, ужасно стыдно, что так давно. У нас эти дни было свежо и пасмурно, а сегодня тепло. В саду так хорошо, но еще лучше, когда уходишь вглубь, в лес, где совсем дико и ходишь не по дорожкам, а просто так. Где-нибудь рядом папа пилит деревья, а мы помогаем носить дрова. Если брат с нами ходит — то играем с ним и возимся, он это очень любит. Ах! как я Вам позавидовала, прочитав, что Вы видели дредноут «Александр III» и «Прут». Вот этого нам страшно недостает, ни моря, ни кораблей! Мы так к этому привыкли, проводя раньше почти все лето на воде, в шхерах; по-моему лучше ничего нет; это было самое хорошее и любимое время — ведь девять лет подряд плавали, да еще раньше совсем маленькими; теперь

так странно три года быть тут без воды, нет такого чувства лета для меня, так как в Царском Селе мы только жили зимой и иногда весной до Крыма. Теперь тут липа в полном цвету и так дивно пахнет. Иногда находим ягоды в саду, землянику и малину...

Татьяна.

**ОТ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ
ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЕ КСЕНИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ**

Тобольск, 18 сентября 1917 г.

*Дорогая моя, милая крестная,
наконец собралась написать тебе и поблагодарить за открытку. Писала тебе последний раз с парохода на имя Соф. Дм. (Евреиновой). Получила ли ты ее? Мы телеграфировали Н. А. (Куликовскому) числа 15/VIII, где поздравляли их с рождением сына (Тихона) — не знаю, дошла ли телеграмма. Буду страшно рада, если ты мне напишешь, адресуй прямо мне или на имя комиссара Панкратова*, через которого проходит вся корреспонденция; как хочешь. Ну, вот. Погода здесь чудная все время, за исключением нескольких дождливых дней, и сегодня в тени около 18 градусов. Так хорошо, сидим много в садике или на дворе перед домом, где огорожен для нас кусочек улицы, за которой — городской сад. Дороги все, т. е. улицы, деревянные, и во многих местах доски прогнили и большие дыры. К счастью, никто не падает. Но во время дождя очень скользко.*

Ужасно приятно, что у нас есть балкон, на котором солнце греет с утра и до вечера, весело там сидеть и смотреть на улицу, как все ездят и проходят. Единственное наше развлечение! У нас тут завелось

целое хозяйство. Много кур, индюшек, уток и пять свиней, кот, — живут в бывшей губернаторской конюшне. Кот у нас случайно выскочил и убежал на улицу. Его долго искали, но не могли найти, а потом вечером он к нам сам вернулся.

Алексей каждый день кормит всех животных. Папа и он выкопали маленький пруд для уток, где они с наслаждением купаются.

Из наших окон очень красивый вид на горы и на верхний город, где большой собор.

(...) устроил играть в городки перед домом, а мы играем вроде тенниса, но, конечно, без сетки, а просто ради практики. Потом ходим взад и вперед, чтобы не забыть как ходить. — В длину 120 шагов, короче гораздо, чем наша палуба **. — По воскресеньям бывает обедница в зале, были два раза в церкви. Ты можешь себе представить, какая это была для нас радость после 6 месяцев, т. к. ты помнишь, какая неуютная наша походная церковь в Ц. С. Здесь церковь хорошая. Одна большая летняя в середине, где и служат для прихода, и две зимние по бокам. В правом приделе служили для нас одних. Она здесь недалеко, надо пройти город, сад и прямо напротив через улицу. Мама мы везли в кресле, а то ей все-таки трудно столько идти. Грустно, что у нее все время сильные боли в лице, — кажется, от зубов и потом от сырости. А так все остальные здоровы. Надеюсь, что и вы все тоже. Как маленькой Тихон, его родители? Получила ли (тетя) Ольга мое письмо от 6/IX? Что твоя внучка (княжна И. Ф. Юсупова) и все дети? А ты сама как себя чувствуешь? Что делаете целый день — как проводите время? Поправились ли бабушка (Императрица Мария Федоровна)?

Татищев (Илья Леонидович) был очень тронут, что его вспомнили. — Сидим все вместе по вечерам, кто-нибудь читает вслух. Другие играют в кости, — бейсик и др. — Завтракаем тоже вместе, а чай пьем одни.

Часто очень вспоминаем вас всех. Так бы хотелось повидать и поговорить! Так давно не видались, и столько прошло времени.

*Слыхала ли ты про свадьбу маленькой Марии П. с Гулей П. ***? Мы этого очень не ожидали — а Вы? Ах, прости, я сочинила, писала тебе 17/VIII последний раз. Как здоровье Сони (Ден)?*

Не слыхала ты, где теперь Саша М. (дочь Беби Л.) и что она поделявает?

Ездите ли вы кататься по окрестностям или в Ялту? Буду ждать от Тебя писем. Всего, всего хорошего. Храни вас всех Господь. Целуем всех, крепко, крепко как любим. Молимся за Вас.

*Любящая тебя очень
твоя крестница
Татьяна.*

* В сентябре в Тобольск прибыл комиссар Временного правительства В. С. Панкратов, назначенный на эту должность Керенским. Полковник Кобылинский, прибывший с Царской Семьей и до этого времени никому в Тобольске не подчинявшийся, поступил в его полное подчинение. В прошлом Панкратов имел солидный революционный стаж: за убийство жандарма он пробыл 15 лет в одиночном заключении в Шлиссельбургской крепости и 27 лет в ссылке. С прибытием Панкратова условия заключения царственных узников стали более тяжелыми, но сам он не участвовал в притеснениях. По его ходатайству и рекомендации, помощником ему назначили бывшего политического ссыльного А. В. Никольского, человека жестокого и грубого, причинившего много зла царственным узникам. Оба они пережили власть

Временного правительства и оставались на своих должностях до 26 января/8 февраля, когда их выгнали сами солдаты.

**** На императорской яхте «Штандарт».**

******* Великая Княгиня Мария Павловна (младшая), по первому мужу герцогиня Зюдерманландская, состояла в морганатическом втором браке с князем С. М. Путятиным, офицером лейб-гвардии 4-го стрелкового императорской фамилии полка.

ОТ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ, С ПРИПИСКОЙ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ, В. Г. КАПРАЛОВОЙ

Тобольск, 14 ноября 1917 г.

За письма № 3 и 4 горячо благодарю милую мою, хорошую Веру Георгиевну. Очень было приятно узнать, что Вы живы и здоровы. Как себя чувствуете после болезни? Надеюсь, что не слишком ослабли. Все тоже благодарят за поздравление, шлют привет Вам, Ак. Ив. (...), Алекс., целуют крепко. Уроки литературы и истории нам преподает Клавд. Мих. (Битнер), которую Вы, наверное, знаете по гимназии**. У нас снег лежит, но совсем тепло, в эти дни даже тает. Единственный наш знакомый здесь — это сын одной служащей Толя, которому блет. Он напоминает Витьку Вор. С ним мы играем на дворе и в комнатах, он нас очень забавляет. Приятно играть с маленьким, т. к. мы очень любим детей. Когда мы ездили в прошлом году в Могилев, у нас было много знакомых ребят в деревне, мы про них Вам часто писали***. Как раз сегодня в прошлом году Вы справляли годовщину (...); существует ли он теперь и где его персонал? Осталась ли О. В. (Лохтина) с мужем в Петергофе? Уехали ли Логиновы, как собирались? Мне до сих пор*

странно себе представить, что Верочка вышла замуж. Писали ей после ее свадьбы в Петергоф, не знаю, получила ли она. Желаю Вам всего хорошего, душка. Целую крепко и Вашу сестру тоже. Храни Вас Бог.

Мария.

Приписка Великой Княжны Ольги Николаевны:

Очень тронута Вашей доброй памятью и сердечно благодарю за пожеланья. Шлю привет.

Ольга.

* Это письмо написано в день двадцать третьей годовщины бракосочетания Их Величеств.

** Чтобы скрасить жизнь, дети усиленно занимались уроками. Государь сам преподавал историю Наследнику Цесаревичу; Государыня — закон Божий всем детям и немецкий язык Великой Княжне Татьяне Николаевне. Математику и русский язык преподавала К. М. Битнер. Графиня А. В. Гендрикова занималась по истории с Великой Княжной Татьяной Николаевной. П. Жильяр и С. Гиббс преподавали французский и английский языки.

*** Государыня и Великие Княжны изредка приезжали на короткое время в ставку, находившуюся в Могилеве. Великие Княжны очень любили эти поездки, всегда слишком короткие, как им казалось; это вносило небольшую перемену в их однообразную и суровую жизнь. Они пользовались там большей свободой, чем в Царском Селе. Станция в Могилеве, как это часто бывает в России, была очень далеко от города и стояла почти в поле. Великие княжны пользовались своими досугами, чтобы посещать окрестных крестьян и семьи железнодорожных служащих. Их простота и безыскусственная доброта побеждали все сердца, и так как они очень любили детей, их всегда можно было видеть окружёнными толпою ребятисшек, которых они собирали по дороге во время прогулок и закармливали конфетами.

ОТ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ
А. А. ВЫРУБОВОЙ.

Тобольск, 9 декабря 1917 г.

Голубушка моя родная, постоянно думаю о тебе, молюсь и много говорим и вспоминаем. Тяжело, что так давно не видались, но Бог поможет нам и, наверно, еще встретимся, в лучшие времена, чем те, которые мы переживаем. Вспоминаем добрую Ек. Вик. (Сухомлинову), нося ее брошки, и твои маленькие вещицы всегда с нами и так тебя напоминают. Живем тихо и мирно. Дни проходят очень скоро. Утром у нас уроки. Гуляем от 11 до 12 перед домом, в загражденном для нас месте, завтракаем все вместе внизу. Иногда мама с Алексеем с нами, но обыкновенно они одни наверху, у папы в голубом кабинете. Днем тоже гуляем час-полтора, если не очень холодно. Чай пьем наверху. Потом читаем или пишем, обедаем опять все вместе, а потом все остаются вечером у нас. Кто работает или играет в карты или во что-нибудь другое. Иногда папа читает вслух.

И так каждый день то же самое. По субботам у нас бывает всенощная — дома, в зале, в 9 час. вечера, так как до этого батюшка служит в церкви. Поет хор любителей, а раньше пели монахини*. По воскресеньям, когда пускают ходить в ближайшую церковь Благовещения, в 8 час. утра идем пешком через городской сад, кругом, конечно, стоят солдаты-стрелки, приехавшие с нами. Обедню служат для нас отдельно в правом приделе, а для всех — потом. По праздникам, к сожалению, приходится иметь дома молебен или обедницу; например, 6-го декабря**

пришлось быть дома. Грустно было в такой большой праздник не быть в церкви, но что же, не всегда можно делать, что хочешь, правда? Надеюсь, что ты можешь много ходить в церковь, если здоровье не мешает. А как твое сердце и нога? Передай, душка, привет Маре (Распутиной), сестре (А. А. Пистолькорс), О. В. (Лохтиной). Попроси помолиться, целую ее и всех, кто помнит. Видаешь ли ты Сергея Петровича (гр. Мусин-Пушкин)? Помнишь, как мы тебя, бедную, дразнили? Жуку (санитар) привет. Кюре и старичку, если видаешь. А где Тина с мужем — у нее на родине? Буду очень о тебе думать все это время. Храни тебя Бог, моя дорогая, горячо любимая душка. Рада, что родители Елизбара (кн. Э. А. Эристов) также добрые, его я хорошо знаю, а их не видала. Письма все идут через комиссара (Панкратова). Иза (баронесса С. К. Буксгевден) еще не приехала, — наверное не была у тебя. Крепко целую, как люблю. Христос с тобою.

Твоя Татьяна.

Светлого и тихого к празднику. Христос с Тобой, родная душка. Еще и еще целую и обнимаю.

Всегда твоя Ольга.

* Из Иоанновского монастыря.

**Тезоименитство Государя Императора — 6/19 декабря.

ОТ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ А. А. ВЫРУБОВОЙ

Тобольск, 10 декабря 1917 г.

*Душка моя дорогая,
какая была радость увидеть Твой дорогой почерк
и Твои вещички! Спасибо за все присланное. Духи так*

сильно и живо напомнили Твою комнату и Тебя, конечно, что грустно. Очень часто Тебя вспоминаю и крепко, крепко целую и люблю. Мы четыре живем в крайней голубой комнате. Устроились очень уютно. Против нас, в маленькой голубой комнате, уборная папы и брата, около, в розовой, Алексей и Нагорный**. В коричневой спальня мамы и папы, около красная гостиная, и за залой кабинет его. Когда сильные морозы, довольно холодно и дует в окно. Были сегодня в церкви. Ну, всего Тебе светлого и тихого к празднику. Христос с Тобою, родная душка. Еще и еще целую и обнимаю.*

Всегда Твоя Ольга.

* В бывшем губернаторском доме в Тобольске — и позднее в доме Ипатьева в Екатеринбурге — Великие Княжны жили вчетвером в одной комнате, но они не только никогда не жаловались на связанные с этим неудобства, но часто писали в своих письмах, что устроились они очень уютно. В связи с этим заслуживает быть отмеченным, что еще до революции Великие Княжны — даже старшие — никогда не имели собственных комнат. В Александровском дворце в Царском Селе у них были две спальни, в которых они жили по двое: Великие Княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна — в одной, и Великие Княжны Мария Николаевна и Анастасия Николаевна — в другой. Скромность во всех привычках была отличительной чертой воспитания Царских Детей.

** Дядька Наследника Цесаревича Климентий Григорьевич Нагорный.

**ОТ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ,
С ПРИПИСКОЙ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ АНАСТАСИИ
НИКОЛАЕВНЫ, М. С. ХИТРОВО**

Тобольск, 26-го декабря 1917 г.

Здравствуй Ритка милая!

Твое письмо от 7-го получила вчера вечером и очень за него благодарю. Написала я тебе, конечно, уже в воскресенье, так что не знаю, получишь его или нет. Вот уже и праздники! У нас стоит в углу залы елка и издает чудный запах, совсем не такой, как в Царском. Это какой-то особый сорт и называется «бальзамическая елка». Пахнет сильно апельсином и мандарином, и по стволу течет все время смола. Украшений нет, а только серебряный дождь и восковые свечи, конечно, церковные, т. к. других здесь нет. После обеда, в сочельник, раздавали всем подарки, большей частью разные наши вышивки. Когда мы все это разбирали и назначали, кому что дать, нам совершенно это напомнило благотворительные базары в Ялте. Помнишь, сколько было всегда приготовлений? Всенощная была около 10-ти вечера, и елка горела. Красиво и уютно было. Хор был большой, и хорошо пели, только слишком концертно, а этого я не люблю. Ритка, знаешь, от Тили (Ю. А. Ден) мы не имеем ни строчки и вообще ничего с августа, что довольно странно, и знаем только из ваших писем, что она была в Одессе. Неужели она забыла об нашем существовании? Пишу тебе в большой зале, на громадном столе, где помещаются маленькие солдатики брата. А немного подальше папа и четверо детей пьют кофе, а мама еще не встала. Показалось солнце и светит на бумагу через мое правое плечо. За эти дни наконец прибавило снега, и гора наша растет. Я написала маленькому Черн. и на следующий же день получила его письмо. Пожалуйста, поблагодари его и передай большой привет. Катя пишет, также и Т. Соня. Биби уже месяца 3 молчит, Оля (Колзакова) еще дольше.

Приехала Иза (баронесса С. К. Буксгевден), но ее из того дома (где жила свита) не пускают. Видели только из окна. Теперь кончаю. Желаю тебе много счастья в будущем году и крепко целую, душка моя. Все шлют привет. Мама целует, здорова. Господь с тобой.

Твоя Ольга.

Сердечное спасибо, милая моя Рита, за поздравление. От Любы (Хитрово) получаю иногда письма. Часто вспоминаем. Целую крепко.

А(настасия).

**ОТ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ
А. А. ВЫРУБОВОЙ**

16 января 1918 г.

Милая, дорогая, возлюбленная сестрица Серафима.

От нежно любящего сердца поздравляю Вас, многолюбивая страдальница моя, с праздником Вашим. Да ниспошлет Вам Господь Бог всяких благ, доброго здоровья, крепость духа, кротость, терпение, силы перенести все обиды и гонения, душевную радость. Да осветит луч солнца ярко и ясно путь ваш жизненный. Сами погрейте всех любовью вашей. Да светит свет ваш в эти темные неясные дни. Не унывай, родимая, скорбящая сестра. Господь услышит Твои молитвы. Все в свое время. Молимся и мы за вас, богоизбранную сестру, вспоминаем вас. Уголок ваш убогий далек от нас. Все любящие вас в этом месте приветствуют вас, многолюбимая сестра.*

Не судите плохим шрифтом написанное, ведь сестрица ваша малограмотная, болящая труженица,

изучаю я писание молитв, но слабость зрения мешает моему рвению. Читаю творения святого отца нашего Григория Нисского, но туго идет: очень уж много о сотворении мира.

И получила я от сестры нашей Зинаиды (Менштед) добрейшее послание; столько любви в каждом слове, все дышит душевным миром. Семья вами любимая в добром здоровье; дети были больны детскими болезнями (краснухой), — поправились, но младшая теперь слегла, но весела и не страдает. Господь благословил погодой, она у нас чудная, мягкая, так что сестрица ваша птишка гуляет и греется на солнце. Но когда большой мороз, тогда она прячется в свою келью, берет чулок свой и очки надевает. Сестра София (баронесса С. Буксгевден), которая недавно пришла, не оставлена, начальство не благоволило ее оставить там, — приютилась она у попадьи со своей старушкой... Другие сестры тоже в разных местах.

Многолюбимая, не устала ты чтением этого письма? Пора кончать — все пошли в трапезную, я останусь дежурить у болящей рабы Божьей Анастасии. Рядом в келии сестра Екатерина (Е. А. Шнейдер) дает урок. Вышиваем мы покрывала, воздухи, на аналой покрывала — сестры Татьяна и Мария особенно искусно вышивают, но рисунков нет больше. Отец наш, батюшка Николай (Государь), собирает нас по вечерам вокруг себя и читает нам вслух, а мы занимаемся рукодельем. Со своею кротостью и при телесном здравии, он не пренебрегает в это тяжелое время колоть и пилить дрова для наших нужд, чистить дорожки со своими детьми. Матушка наша Александра (Государыня говорит о себе) приветствует

Вас, многолюбимая сестра, и шлет Вам свое материнское благословение и надеется, что Вы, сестрица, хорошо поживаете в духе Христа. Тяжело Вам живется, но дух тверд. 2 градуса мороза, тихо на улице. Добрая сестра Серафима! Будьте Богом хранимы, прошу Ваших молитв. Христос с Вами.

Грешная сестра Феодора.

Господь помощник мой и защита моя. На Него уповает сердце мое и поможет мне.

Боже, ущедри ны, просвети лице Твое на ны и спаси нас.

Отцу Досифею земной поклон.

** День Ангела А. А. Вырубовой - 3/16 февраля, память святой праведной Анны Пророчицы.*

**ОТ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ
ОДНОМУ ИЗ БЫВШИХ РАНЕНЫХ ОФИЦЕРОВ,
НАХОДИВШИХСЯ НА ИЗЛЕЧЕНИИ В ФЕДОРОВСКОМ
ЛАЗАРЕТЕ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ**

Тобольск, 17 февраля/2 марта 1918 г.

...Живем мы четверо в одной комнате. Утром занимаемся: повторяем историю, языки и пр. Гуляем два раза в день по двору и крошечному саду. Устроили во дворе гору и катаемся с нее. Для развлечения разучиваем маленькие французские и английские пьесы, которые разыгрываем по праздникам. Раньше нас пускали по праздникам в церковь, но потом решили не пускать, кроме двенадесятых праздников. Зато разрешают служить дома всенощную и обедню. Происходит это в зале, — довольно уютно устраиваем церковь из своих образов, — но все же это не так хорошо, как в церкви. Вспоминаем с грустью Федоровский собор.

Помните, как все мы говели в нижнем (пещерном) храме? Там всегда бывало какое-то чудное настроение. Теперь не знаем, как будем говеть. Скоро уже пост.*

...Время летит со страшной быстротой. Скоро год, как мы не видели своих знакомых, ну да ничего, Бог даст опять всем встретиться... Сейчас мама и сестры поют, хотим сами во время службы дома петь. Не знаю, как выйдет. Я еще ни разу не пела в хоре по-настоящему, но между собой мы часто поем... Из старых раненых нам некоторые пишут. Сегодня у нас будет репетиция английской пьесы. Завтра — воскресенье, и мы будем играть. Я несколько раз играла мужские роли, теперь это очень легко, так как у меня короткое волосы...

* Храм Федоровского Государева собора во имя преподобного Серафима Саровского.

ОТ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ КСЕНИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Тобольск, 21 февраля (6 марта) 1918 г.

Спасибо большое, тетя Ксения душка, за открытку. Письмо папа передала, теперь пересылаю тебе ответ. — Сегодня чудная погода, сидела утром на подъезде и грелась на солнце. Теперь в саду стало еще скучнее, срыли гору — не совсем, но для катанья она больше не годна. — Навезли много дров, и папа пилит, мы ему помогаем. За этот год научились колоть и пилить. А что Вы делаете? Как поживаешь? Выходит ли бабушка (Императрица Мария Федоровна) на воздух? — Собираемся петь во время службы, начали спеваться, но регент еще не был, так что не знаем,

успеем ли петь в субботу. Почти каждое воскресенье играем маленькие пьесы. Теперь уже весь запас вышел, придется повторять. Не знаю, когда ты получишь это письмо; говорят, что почта не ходит, а мы все-таки продолжаем получать письма. Сестры мешают писать, т. к. пихаются и громко говорят. Вообще когда мы четыре сидим у себя в комнате, то шуму бывает очень много. Поем хорошие песни, изображаем зурну и пр., и выходит совсем удачно. Папа и сестры идут гулять и меня зовут. Можешь узнать эти рожи? Сняты были летом. Изу (бар. С. К. Буксгевден) еще не пустили, да наверное, и не пустят. Она дает здесь уроки английского языка. Всего хорошего, моя дорогая. Крепко Тебя и всех целую. Христос с тобой.

Твоя Мария.

ОТ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ АНАСТАСИИ НИКОЛАЕВНЫ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ КСЕНИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Тобольск, 8/21 марта 1918 г.

Моя милая тетя Ксения душка,
спасибо тебе большое за открытку, которую только что получила. Мы все пока, слава Богу, живы и здоровы. Всегда бываем очень рады, когда имеем от вас известия. Как здоровье бабушки (Императрицы Марии Федоровны)? Часто вас вспоминаем и говорим о вас. Эти дни у нас почти все время солнце, и уже начинает греть, так приятно! Стараемся поэтому больше быть на воздухе. — С горы мы больше не катаемся (хотя она еще стоит), так как ее испортили и прокопали поперек канаву для того, чтобы мы не ездили. Ну, и пусть; кажется, на этом

пока успокоились, т. к. уже давно она многим мозолила глаза. Ужасно глупо и слабо, правда. — Ну, а мы теперь нашли себе новое занятие, пилим, рубим и колем дрова; это полезно, и очень весело работать. Уже выходит довольно хорошо. И этим мы еще многим помогаем, а нам это развлечение. Чистим еще дорожки и подъезд, превратились в дворников. — Пока я еще не обратилась в слона, но это еще, может быть, в скором будущем, уж не знаю, почему вдруг, может быть, мало движений, хотя не знаю. — Извиняюсь за ужасный почерк, что-то рука плохо двигается. Мы все на этой неделе говеем и сами поем у нас дома. Были в церкви наконец. И причаститься тоже можно будет там. — Ну, а как вы все проживаете и что поделяваете? Особенного у нас ничего нет, что можно написать. Теперь надо кончать, т. к. сейчас мы пойдем на наш двор, работать и т. п. — Все тебя крепко обнимают, и я тоже, и всех остальных тоже. Всего хорошего, тетя душка.

Храни тебя Бог. Все очень благодарят за поклон и тоже кланяются.

Любящая тебя твоя А.

**ОТ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ
З. С. ТОЛСТОЙ**

Екатеринбург, 4/17-го мая 1918 г.

Христос Воскресе!

Дорогая моя З...

Поздравляю Вас со светлым праздником! Извиняюсь, что так поздно, но мы как раз уехали перед праздниками. Это было для нас очень неожиданно.

Алексей был как раз болен, так что сестрам пришлось остаться с ним. Они должны скоро к нам приехать. Скажите Рите (Хитрово), что не очень давно мы видели мимолетно маленькую Седюшу. Сегодня три недели, как мы выехали из (Тобольска). Так грустно быть без других, в особенности теперь и на праздниках.

Устроились мы пока хорошо. Домик маленький, но чистый, жаль, что в городе; потом сад совсем маленький. Когда приедут другие, не знаю, как мы устроимся, комнат не очень много. Я живу с папой и мамой в одной, где и проводим почти целый день. Только что выходили в сад, погода серая, и идет дождь. А в дороге погода была чудная. До Тюмени 260 верст ехали на лошадях. Дорога была ужасная, трясло ужас как. Бумага, в которой были завернуты вещи, местами протерлась. Табак высыпался из папирос. Но как ни странно, ничего стеклянного не разбилось. У нас были взяты с собой лекарства, и это доехало благополучно; ехали мы два дня, ночевали в деревне. Через Иртыш проехали на лошадях, а через Туру пешком и несколько сажень до берега — на пароме. Мама перенесла эту дорогу удивительно хорошо, но теперь, конечно, чувствует усталость, и почти каждый день болит голова. С нами приехал доктор Боткин, у него, бедного, в дороге сделались колики в почках, он очень страдал. Мы остановились в деревне, там его положили в избу, он отдохнул два часа и поехал с нами дальше. К счастью, боли не повторились. А как вы все поживаете? Сестры нам написали, что имели от вас известия. Если хотите мне написать, то адрес мой: Екатеринбург,

Областной исполнительный комитет, председателю, для передачи мне. Имели ли известия о Тили (Ю. А. Ден)? Всем вашим и Ник. Дм. привет. Крепко целую Вас, Риту (Хитрово) и детей (Д. и С. Толстые). Желаю вам всего хорошего. Храни Вас Господь. Ужасно было грустно, что нам ни разу не удалось быть в соборе и приложиться к мощам св. Иоанна Тобольского.

М.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

Илья Сургучев

Детство Императора Николая II 5

ЧАСТЬ II

П. Жильяр

Из воспоминаний

об Императоре Николае II и его семье 126

Татьяна Мельник-Боткина

Воспоминания о Царской Семье 271

А. А. Мосолов

Царская фамилия 323

В. Н. Воейков

С царем и без Царя 341

Г. А. Нечаев

На яхте «Штандарт» 347

М. К. Дитерихс

В своем кругу 361

Н. Соколов

Убийство Царской Семьи 375

ЧАСТЬ III

Выдержки из записей Императрицы

Александры Федоровны о семейной жизни

и воспитании детей и переписка с детьми 381

Из писем Е. С. Боткина 422

Письма царственных мучеников 429

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства
Сретенского монастыря в типографии АО «Молодая гвардия»
Формат 84х108/32. Объем 14 п.л. Тираж 10 000 экз. Зак. № 53707

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1

Гарнитура «Ньютон». Подписано в печать 17.05.2005

Адрес АО «Молодая гвардия»: 127994, Москва, Сушевская, 21

Адрес издательства: 107031, Москва, Б.Лубянка, 19

Интернет-магазин: www.sretenie.com

